

РОСТЕР

8 АВГУСТ 1974





Леонид Ильич Брежнев
выступает
на XVII съезде ВЛКСМ

Фото Е. Иванова

Кремлевский Дворец съездов. Огромный амфитеатр заполнен делегатами XVII съезда комсомола. Выступает Леонид Ильич Брежнев.

— Мы часто говорим, — обращается он к залу, — наша молодежь идет дорогой отцов. И это правильно, товарищи! Уверенно шагая по этой дороге, молодежь продолжает путь, начатый Великим Октябрем, обогащает опыт предыдущих поколений новым опытом...

Говорит Генеральный секретарь, и в памяти делегатов и гостей съезда всплывают картины прошлого.

...1929 год. Магнитогорск. Ледяной ветер валит первые палатки строителей. Медленно возвращаются барабаны бетономешалок. Первые замесы ложатся в фундаменты будущего завода-гиганта.

...1932 год. Берег Амура. Только что высадился сюда с парохода отряд юношей и девушек. Со звоном врезаются в тугие стволы сосен топоры и пилы. Растет город, который назовут Комсомольск.

...1945 год. Улицы Берлина. Май. Идет последний бой у рейхстага. Словно алые языки пламени, стягиваются к зданию знамена победы. Еще несколько дней — и весь мир узнает — фашизм побежден!

...1954 год. Кулунда. Голубой дым плавает над степью. Вечерами у дощатых вагончиков смех и песни. Вместе со звездами зажигаются прожектора — стальные машины поднимают целину.

...Опыт предыдущих поколений. Ему нет цены.

Твоя задача, пионер, обогатить его спустя годы новым опытом. А сегодня — за знаниями, за трудовыми навыками, за силой и ловкостью — в поход!

КОСТЁР

8
АВГУСТ
1974

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

© «Костер», 1974 г.



ИЗ НАКАЗА XVII СЪЕЗДА ВЛКСМ ЮНЫМ ПИОНЕРАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

**ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!
БУДЬТЕ ВЕРНЫ ЗАВЕТАМ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА, ДЕЛУ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ!**

Жизнь Ленина, его борьба за счастье трудового народа — самый яркий, самый вдохновенный пример для подрастающего поколения. Каждый из вас должен хорошо знать жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина, его заветы, постоянно учиться у коммунистов и комсомольцев выполнять свой долг перед Родиной и народом.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, обращаясь к вам, говорил: «Быть пионером-ленинцем — это значит во всем и всегда воспитывать в себе замечательные ленинские черты: трудолюбие, честность, благородство, настойчивость в учебе, умение применять знания в жизни, любовь к своей Родине, беззаветную преданность великой ленинской партии».

Следовать этому отеческому наказу — главная задача юного ленинца, всех пионерских звеньев, отрядов и дружин.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

Хорошо учитесь, настойчиво обогащайте свою память новыми знаниями, будьте любознательны и пытливы, дисциплинированы и прилежны.

Готовьтесь к созидательному труду, овладейте трудовыми навыками, вносите свой посильный вклад в дела старших, у них учитесь выполнять основной наш закон: «Не мое, а наше, не для себя, а для всего общества».

Закаляйте себя физически, становитесь значкистами ГТО, растите надежными защитниками Родины!

**ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!
ГОТОВЬТЕСЬ ВСТАТЬ В РЯДЫ
ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ!
К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО КОМУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА БУДЬТЕ
ГОТОВЫ!**

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОГО РАЙОНА
ул. Галстяна, 37
тел. 13-60-62





ВОЛОДИНЫ БРАТЯ

ПОВЕСТЬ

Юрий Коринец

Рисунки С. Острова

Дед Мартемьян рассказывал, что жил тут у Прокопова отца в работниках один ссыльный, рабочий-москвич. Отбывал он тут свой долгий срок и копил потихоньку деньги для побега. Но перед побегом отец Прокопа этого ссыльного убил и деньги себе присвоил. Все это знали, да и свидетели тому имелись, но никто этого раскрыть не смог, потому что местные власти за купца были. Все были у него в кармане...

Володя прислушался: нескончаемым приглушенным ревом шумел издали речной порог. А здесь, над поляной, разносился многоголосый шепот иван-чая:

— Ушедших жаль! Жаль ушедшихх!

— Кого жаль, кого нет! — одиноко-громко ответил Володя, и сразу иван-чай замолчал: испугался Володиного голоса. А потом опять зашептался о чем-то, через мгновение.

«Прокопова отца никому не было жаль!» — подумал Володя. Недаром его все раскулачивали, и дед Мартемьян тоже руку приложил к этой судьбе — был он в те года председателем колхоза. Вот с тех пор и началась вражда между семьями. А особенно усилилась та вражда после одного случая. Ведь не просто же так невзлюбили в деревне и Прокопа. Сын за отца не ответчик! И в нелюбви этой вовсе не отец Прокопа, а сам Прокоп виноват.

Стал Прокоп, когда вырос, пьяницей и бра-

коньером. Злой он человек: все старается, как бы людям да зверью таежному напакостить.

Весной, когда таежные звери и птицы заняты выводением потомства, Прокоп разбойничает яро: стреляет и самцов, и самок, и детенышей. Особенно жаль было Володе весенних глухарей, которых приносил по ночам из тайги Прокоп — за их беззащитность и красоту. Алевтина тайком их показывала Володе, когда отца дома не было. Глухари об эту пору ох какие красивые! Потому что глухари в это время себе невест выбирают. Похожи они тогда становятся на лесных царевичей. И поют своим лесным царевнам удивительные любовные песни, поют долго, взахлеб, где-нибудь в глухом уголке тайги, в час рассвета, взобравшись на темно-лохматую ель. Глухари поют, распушив перья, распустив хвост, как веер, закрыв глаза и сами себя оглушив своей песней, — в этот момент Прокоп их и бьет... ибо глухари тогда ничего не видят и не слышат, потому их и зовут-то глухарями! «Страшнее этой Прокоповой подлости не придумаешь», — говорит дед Мартемьян. И Володя с ним согласен.

А случай, обостривший ихнюю вражду, был вот какой...

Один раз, когда кое-где еще снег лежал, но уже чувствовалась весна — в мае, — шел дедушка Мартемьян в верховья Илыча, в свою избушку на краю заповедника, на левом берегу. Правый-то берег реки вольный, а левый — заповедный. В ту пору дедушка лесничим ра-

Продолжение. Смотри «Костер» № 7, 1974 г.

ботал. Шел дедушка проверять свое лесное хозяйство, к лету готовиться. Ружье свое, как назло, дома оставил, только нож был у него за поясом, в ножнах, а больше никакого оружия. Шел он налегке, потому что спешил, тем более что в избушке у него еще ружье спрятано было, штуцер.

Шел Мартемьян спокойно, широким шагом вдоль реки. Ветер в лицо ему дул, аккуратно северный. И вдруг этот ветер ударил ему в лицо близким звуком выстрела... Удивительно. Охота-то весной запрещена!

Дедушка сразу свернул с реки в лес и поспешил на выстрел по лесной чаще, шел осторожно, чтоб не показаться браконьеру. Через некоторое время он еще два выстрела услышал — по выстрелам он к браконьеру и подкрался: и кто бы, вы думали, разбойничал в чаще? Конечно, Прокоп! Страшное зверство совершил он в тот день: лосиху с маленьким лосенком застрелил. И тем нахальнее было это убийство, что застрелил он их на левом, заповедном берегу.

Когда Мартемьян к тому месту подкрался, Прокоп как раз тушу лосихи начинал разделять, возле берега, на красном от крови снегу. И лосенок рядом лежал — никуда от матери не убежал. Мал был еще очень, не более недели.

Озлился Мартемьян на Прокопа страшно! Но открыться ему в тот миг без оружия не решился: опасно! Мог он запросто дедушку убить, как ту же лосиху.

Дождался дед Мартемьян, пока Прокоп кончит свое черное дело, пока тот набьет рюкзак парным мясом, спрячет остатки под берегом и двинется домой. Тогда и Мартемьян, подождав немного, отправился вослед и в ту же ночь, взяв с собою свидетелей, нагрянул в Прокопову избу, как раз в момент, когда Прокоп лосятину тайком жарил... Крупные неприятности были в тот раз у Прокопа! Милиция этим делом занялась, ружье у Прокопа надолго отобрали и оштрафовали его и запретили на время охотиться. Вот с той поры Прокоп еще больше возненавидел Мартемьяна и всю Мартемьянову родню — считал их за смертных своих врагов...

...Думая обо всем этом, вернулся Володя к дому в середине поляны. Здесь иван-чай рос гуще всего, вперемежку с зарослями высокой едко-зеленой крапивы. Только перед крыльцом заросли были вытоптаны. Значит, сюда изредка заходили. И Володя вошел.

Володя на минуту остановился на пороге дома. Потом вошел в сени. Часть крыши в сенях сохранилась, и поэтому в них было полутемно, свет проникал сверху и с боков — дверей в проемах давно уже не было. Слабый ветер гулял по дому. Полуразрушенная большая русская печь. В противоположном углу валялась деревянная люлька-качалка, запыленная, с выцветшей краской на дереве... Ведь эта са-

мая люлька качала Прокопа, когда тот еще несмысленным ребеночком был: подумать только! Володя тронул люльку ногой, и она опять закачалась, пустая.

Рядом с люлькой стоял под заросшим окном покрытый бледно-зеленой плесенью стол, осыпанный желтыми сухими листьями. И обрывки тряпок на проросшем травой полу — и больше ничего...

Володя вернулся в сени. Он заглянул в темный угол: из-под остатков крыши воззрились на него огромные глаза скорбного бога — сквозь паучью пыльную сеть с застрявшими в ней сухими мухами. Что-то зашевелилось в паутине, и Володя увидел единственного живого обитателя этого дома — если не считать залетающих насекомых — большого коричневого паука с крестом на спине — он был теперь хозяином хутора! Паук медленно уполз в щель между бревнами, под иконой. Володя вспомнил, как молилась иконам старушка, дальняя родственница, у которой он гостил когда-то летом в Еремееве... Странно, что эту икону до сих пор геологи или туристы не сняли. Они часто об иконах спрашивают, собирают их для чего-то.

— Ну, ладно! — громко сказал Володя. — Исккупаться надо, позавтракать да идти! Пора с рекой прощаться! Время не ждет!

Странно прозвучал Володин голос в пустом доме: стены здесь давно уже отвыкли от человеческих голосов, поэтому они приняли Володины слова удивленно и ответили ему холодным эхом. Тоскливое было эхо, неприятное! В обжитых домах голоса звучат совсем по-другому. И другое от них эхо: живое, уютное. Отчего это так? От людского ли дыхания, которым всегда наполнены обжитые дома, от вещей ли — теплых, хранящих свежие касания человеческих тел? Наверное, от всего этого вместе...

Стены еще долго кряхтели, удивляясь Володиным словам, которые он им оставил, провалившиеся доски половиц потрескивали и покачивались, вспоминая осторожные человеческие шаги, и пыль над замирающими шагами плясала в воздухе, в прорезавших темноту солнечных лучах, протиснувшихся сквозь яркие щели, а Володя уже весело спускался по обрыву, осыпая голыми пятками глину и камешки, помогая себе зажатой в левой руке удочкой, упираясь правой в сухую глину обрыва, и раздевался на гладком камне, на таком же круглом и гладком, как вчера, как будто это был брат того камня.

Под камнем сияла глубокая золотисто-голубоватая каменная ванна, наполненная быстро текущей прозрачной водой, и, как синеватые тени, стояли на самом дне хариусы — пять штук. «Ишь ты! — подумал Володя. — Видят же меня, черти! А виду не подают!» В этот момент о Володин лоб ударился овод, Володя прихлопнул его, крутанув между пальцами, швырнул с размаху на воду — овод чернел на ней один только миг — и исчез! — неизвестно, как успел

схватить его хариус. Володя еле уловил глазами стрельнувшую к поверхности со дна синюю ракету — и опять стояли пять хариусов под камнем — в уносившейся дымке песка.

Володя собрался с духом и нырнул...

Но он не увидел их — своих подводных братьев — хотя смотрел в воде широко раскрытыми глазами: проточная ванна была пуста! Володя прыгал и кувыркался, поднимая брызги на разбитой поверхности и фонтанчики песка на дне — пока не посинел. Тогда он выскочил и уселся на камне, дрожа всем телом и размазывая удочку.

Он посмотрел в ванну: она опять была прозрачной, как большое голубое стекло, и увеличенные толщей воды хариусы снова стояли на дне, пошевеливая хвостами и плавниками — их стало шестеро, потому что прибавился еще один. Непуганая здесь рыба, смелая, не боится человека вовсе!

Шестерых великанов Володя поймал быстро — одного за другим. На то, чтобы их засолить и поджарить, ушло еще некоторое время. Теперь Володина сумка раздулась и потяжелела: были в ней некоторые запасы впрок, на два-три дня. С рекой ведь он прощается, и там — на лесной тропе — его ждали только ягоды: голубика, да морошка, да кой-где клюква по болоту.

Солнце уже жарило сверху, огромное небо сияло, раскаляясь — темно-синее вверх, белесое по краям над лесами. Тучи комаров, мух и оводов носились в безветренном воздухе. Но Володя не спешил мазаться диметилфталатом: драгоценную жидкость надо беречь.

Он сложил одежду, привязал ее вместе с сумкой к удилищу, придерживая на плече удочку левой рукой, взял в правую руку срезанную в лесу палку и вошел в воду.

Он вошел в кедах, чтобы удобнее было идти по камням.

Течение в Сар-Ю было сильным. Вода закипала вокруг него все выше: дошла до пояса, потом до груди — вода била в левый бок, пытаясь опрокинуть Володю и снести его в Илыч — каждый раз, перед тем как шагнуть, он нащупывал концом палки твердое дно, стараясь, чтобы палка не соскользнула в сторону, потом делал осторожный шаг вперед — сначала одной ногой, потом другой.

Выйдя на другой берег, Володя достал флакон с диметилфталатом и тщательно намазался с головы до ног, осторожно, чтобы не попал в глаза. Потом оделся.

— Ну, до свидания, Илыч! — громко сказал Володя, повернувшись к большой реке.

Илыч ответил ему бесконечным прощальным ревом.



Володя нашел глазами тропу и бодро двинулся по ней в глубь тайги.

Шум реки еще некоторое время сопровождал его на тропе. А потом Володю обступила тишина, нарушаемая редким цвеньканьем птичек. Березы и осины ярко вспыхивали в окружении темно-зеленых елей, сосен и лиственниц. Особенно темными, почти черными, были ели, низко растопырившие над усыпанной лесным хламом землей свои широкие лапы. Сосны, наоборот, тянулись в сиявшее над их головами небо: снизу они были голые, без ветвей, вся их синеватая хвоя собралась на макушках. А лиственницы стояли беспорядочно кудрявые снизу доверху.

«Эти лиственницы как кудрявые девушки, — подумал Володя. — А сосны — стройные великаны. А ели — мрачные старики...»

Володя опять подумал о Прокопе: — Странно, что я о нем так часто думаю, — вслух сказал Володя. Здесь, в тайге, тишина еще больше располагала думать вслух — разговаривать с самим собой. Володя любил в тайге разговаривать с самим собой.

— Странно, что я о нем даже больше думаю, чем дома. И о других — об Алевтине, и дедушке, и брате — я тоже больше думаю. Вот я вроде совсем один, а они не покидают меня. Все время они со мной, пока я тут иду...

Его мысли опять вернулись в деревню, к одной прошлогодней истории.

Появились в деревне геологи, Володя их хорошо помнит: было их трое, все в защитного цвета костюмах, с молниями вместо пуговиц, с пришитыми к воротникам капюшонами, мятые брюки заправлены в сапоги.

Прибыли они снизу, от устья, на большой моторке, пристали возле Прокоповой баньки холодным осенним вечером. Прокоп аккуратно на берегу оказался, и геологи попросились ночевать.

Володя хорошо все помнит. Он сидел в тот вечер в гостях у Алевтины — как раз вслух книжку читал, когда за дверью, на крыльце, залаяла собака и зазвучал повелительно-радостный, громкий голос Прокопа:

— Проходите, проходите, гости дорогие! Чем богаты, тем и рады! Будьте как дома!

Володю в тот миг поразило лицо Алевтины: только что веселое, оно сразу осунулось, морщины легли возле губ — Алевтина показалась маленькой старушкой.

А в голосе Прокопа за дверью звучало что-то возвышенно-радушное, приятное для геологов, потому что те еще не знали Прокопа, и неприятное для Алевтины с Володей, потому что они Прокопа знали, знали его мрачность и зло-



бу, и знали, знали, конечно, подлинную цену этому радушию, и то, чем все это кончится...

— Вешайтесь здесь, в углу! — радостно шумел Прокоп уже в избе; в подобных случаях он всегда говорил «вешайтесь», «кушайтесь» — это была у него сверхвежливая форма, он образовывал ее от глагола «садиться».

— Ну, а теперича давайте познакомимся! Как люди! — сказал Прокоп. — Тебя как звать? — спросил он усатого.

— Вениамин, Вениамин Николаич...

— Мудрено! — усмехнулся Прокоп. — Алевтиночка, ненаглядная! Собери-ка на стол дорогим гостям!

Алевтина вышла собирать на стол, загремела в буфете глухо звякающей, надтреснутой посудой. Володя знал, что по негласному наказу отца она соберет на стол только хлеб и чай, да и чай жидкий, вчерашней заварки.

Гости проходят к столу, немного смущенные горячим приемом. Они с обветренными лицами, красные, усталые: один бритый, спортивного вида, с прической ежиком, другой небольшого роста, кудрявый, с усиками, третий — старый уже человек, широкий в плечах, рослый, с окладистой седеющей бородой.

— Садитесь, гости дорогие! — суетится возле геологов Прокоп. — Сейчас чайку с дороги! Чай-то у меня горячий — в печке, в чугушке...

недавно топили... достань-ка, доченька, чугунок!

— Дайте-ка я помогу, — встает бритый геолог.

— А вы не беспокойтеся! — обиженно вскакивает Прокоп. — Не беспокойтеся, товарищ! Она нальет! Она у меня ох какая хозяйка! Правда, доченька?..

Алевтина молчит. Ей уже заранее стыдно за все.

— Она нальет! — неумолчно тараторит Прокоп и вдруг хихикает: — А ваше дело, если уж хотите, еще чего-нибудь налить! Я извиняюсь, сопромат его задери! С вас причитається! С приездом! Ха-ха-ха!

Геологи шепчутся, маленький с усиками выходит в сени, возвращается с бутылкой и ставит ее на стол. Глаза Прокопа суживаются, он облизывает языком сухие, запекшиеся губы и глотает слюну:

— Вообще-то я водку редко пью, — врёт он. — Все спирт! Ха-ха!

— Ну, а поесть-то что-нибудь найдется? — бодро спрашивает бритый, спортивного вида.

— Откуда? — сразу делает удивленное и жалкое лицо Прокоп. — Надясь было немного семги, да все сдали! Хосударству! Мы ее, родную, семужку-то, только ловим! И всю хосударству отдаем! Себе ловить нельзя! Так что у меня вот только хлебушек, да лучок... да картошка... так и живем! С доченькой моей так и живем! С Алевтиночкой! Так что это уж вы закуску-то доставайте... деликатесы московские...

Алевтина краснеет, сидя рядом с Володей, потому что знает: есть у них и семга малосольная, и хариус — в погребе... Но таков уж ее отец — Прокоп — жадный человек!

И геологи достают: ставят на стол банку с солеными огурцами, консервы разные, сало, колбасу — щедро, как это умеют геологи. По мере загрузки стола, Прокоп все более загорается предстоящим, у него мелькает даже мысль вообще задержать тут этих геологов, хоть на несколько дней, пожить возле них; жизнь вдруг приобретает веселый смысл, и в душе поднимается горячая волна вдохновения — и он уже чувствует, как сейчас покорит их всех! Сейчас он им покажет, этим московским белоручкам, этим темным, с его, Прокоповой, точки зрения, людям! Он заранее знает, как они удивятся, поразятся, потому что врать он умеет — оригинально, художественно! Чем-чему, а этому он научился! За пятьдесят-то лет!

Володя видит в щелку огромную волосатую руку, сжимающую кинжал, — настоящий кинжал с костяной ручкой! Это бородатый открывает консервы. И Прокоп, конечно, тоже смотрит на этот кинжал. О таком он давно мечтал: «Мне должны оставить! — решает он про себя. — Или так, или обменять на что!»

— Рыбалка-то тут как у вас? — спрашивает бритый.

— Спиннинги есть? — откликается Прокоп. — Тогда оставайтесь на недельку!

— Есть, — отвечают геологи.

— Значит, семужку половим! — он радостно подмигивает. — Я вас на ямы свожу... только блесна надоть хорошие, желтые... у вас есть?

— Так нельзя же семгу ловить! — говорит бритый геолог. — Сами же сказали! Мы уж хариуса...

— Нельзя-то нельзя! — хитрит Прокоп. — Это конечно! Но как вам и не половить-то! За столько верст приехали! Об етим, конечно, ни звука! Но я вас свожу! А вы мне, конечно, что-нибудь оставите! На память! Там договоримся!

Чокаются и пьют. И Прокоп сразу хмелеет.

— Ура! — говорит он, сам себе наливает и пьет: — Вы мне вот что скажите: что вас мучает? — он обводит всех осоловелыми, понаглевшими глазами, бледно-голубыми, почти белыми. — Что вас мучает, а? Скажите!

— То есть как — что мучает? Ничего не мучает! — говорит бородатый.

— Нет, вы скажите! — не унимается Прокоп. — Каждого человека чего-нибудь да мучает! Вы и скажите! Я люблю, чтобы прямо! По-русски! Вот что вас особо мучает, вы и говорите! Семга мучает? А? Малосольная? — он обводит всех многообещающим взглядом.

— Ну, малосольная семга — это конечно! Неплохо! — соглашается бритый.

— А? — восторгается Прокоп. — Неплохо, да? Но не могу! Нету! Чего-нибудь другого — пожалуйста! Может — хариус вас мучает? Солёный? Вы говорите прямо!

— Можно, конечно, и хариус! — соглашается бритый.

— А! Ха-ха-ха! — смеется Прокоп. — Можно! Он говорит: можно! А если нету?! Чего не могу, того не могу! Это я прямо скажу! Вчера было, а сегодня нету! Вы признавайтесь, что вас еще мучает! А?

— Да ничего нас не мучает! — говорит бородатый.

— Будет вам семга! И хариус будет! Слово Прокопа! Вы только скажите, что вас мучает! И все будет! Все! Вот — может, охота, а? Вы скажите прямо — ружья у вас есть?

— У нас все есть! — отрезает бородатый. Наверное, главный.

— Вы с ружьями — того! Осторожнее! — качает головой Прокоп, напуская на себя строгость. — У нас тут зона запретная! Заповедная! А не то заезжаетесь — и тютю ваши ружья! Отнимет их дед!

— Это лесничий, что ли? — переспрашивает бородатый. — Мартемьян?

— Он! — кивает Прокоп важно и неожиданно добавляет: — Зверь!

Геологи смеются.

— Это Мартемьян-то зверь? — удивляется бородатый. — Но я его знаю: прекрасный человек! Он, кстати, дома? Или в избушке?

Прокоп в душе холодеет от злобы: дед Мартемьян — на моторке ли, пешком по берегам, — да Иван-вертолетчик, дедов глаз над Илычем, да Володя — все они над Илычем зор-

кими глазами стреляют, не дают ему браконьерничать — зато и ненавидит их Прокоп! Все это Мартемьяново пролетарское отродье...

«Вот самое страшное! — думает Прокоп. — Уедут они к Мартемьяну! Пропал тогда мой ножик! И блесна! — он нежно гладит кинжал рукой. — Нет, этого никак нельзя допускать!»

— Да вы что! — кричит Прокоп. — Это Мартемьян-то прекрасный человек? Зверь он! Вы не смотрите, что он такой обходительный! Лиса он! Это я вам точно говорю! Ну, да сейчас он далеко побежал! Не знаю куда! Вы у меня оставайтесь, спать есть где. На охотуходим. На семгу свожу вас. Договорились?

— Посмотрим, — туманно отвечает бородатый. — Мы спешим...

— Куда?! Это вы напрасно! Работа не волк, в лес не убежит! Вы у меня оставайтесь, для ради охоты. Кобель у меня замечательный, видели? А особенно он хорош, если в апатию войдет — тут уж его ничем не удержишь!

— Как это — в апатию? — смеются геологи.

— В апатию! — грозно кричит Прокоп. — Известно как! Вы думаете, я темный человек, да? Я тоже разные такие слова знаю. Вы меня извините, но я ведь все понимаю! Что там в газетах пишут, и вообще! Вот, к примеру, взять Терешкову! Космонавтку-то нашу! Что про нее в газетах пишут? А? Что была она в космосе, да?

— Вчера новый спутник запустили, — говорит бородатый. — Надо бы радио послушать...

— Да бросьте вы это все — ваше радиово! — машет рукой Прокоп.

— Почему это?

— А так! Ха-ха-ха! — смеется Прокоп. — Оч-чень я умный человек и все понимаю! Все это треп!

— То есть как — треп? — не понимают геологи.

— Очень даже просто! — вдохновляется Прокоп. — Не летала Терешкова! Мысленно ли дело — летать в космосе! Да еще баба! Сидела себе где-нибудь в Москве! На даче! Чай распивала! Все его политика, потому что они все родственники там, вот что!

Геологи поражены: такого они еще не слышали на своем веку! Володя видит, как сгорает от стыда Алевтина — сидят они оба за дверью, как мыши, и слушают, как Прокоп доканывает геологов...

— Кто это — они — родственники? — спрашивает бородатый.

— Сами должны понимать! — кричит Прокоп. — Они! Родственники все! Вот ихняя Терешкова и летает! Ха-ха! На качелях она летает — в саду! Ну, ура! — выпьем!

— Бред какой-то, — говорит бородатый.

Геологам становится в этой избе тоскливо: видят они, что это за человек. И спать он им не даст. Это ясно. Всю ночь будет колготиться. Геологи о чем-то шепчутся.

— Ну, нам пора! — говорит бородатый. — Мы, пожалуй, поедем...

— Как, — вдруг растерянно смолкает Про-

коп. — А семга? А охота? Да и погода вон какая! Слыхали, что шепчет погода, — пытается он пошутить: — Займи да выпей! — шепчет погода! Ха-ха...

Но шуткам конец. Геологам уже все тут противно, они собираются.

— Мы уж как-нибудь в палатке, — бормочет усатый.

— Нам не привыкать! — бодро говорит бритый.

— Спешим мы! — четко говорит бородатый, берет свой кинжал, тщательно обтирает лезвие газетой, прячет в ножны на поясе.

— Та-а-ак значит... — бормочет Прокоп. — Поедете... Ну, а что вы мне на память оставите? Вот этот ножик должны оставить!

— Почему это так? — улыбается бородатый. — Вот вам, — он вынимает бумажник и кладет на стол три рубля: — Это вот вам за самовар... хватит?

— Да вы что?! — свирепеет Прокоп. — Нужна мне ваша трешка! Я вас как людей принял! А вы? Должны ножик на память оставить! Сами должны понять! Не хотите так оставлять — махнемся!

Но геологи не отвечают. Быстро и молча собираются они и идут к двери.

...А я вам сейчас вот что скажу: вот вы небось подумали, что Прокоп нарочно перед геологами свою дочь Алевтину нежными словами называл? Подумали, да? Признайтесь! Вы, наверно, подумали, что когда никого рядом нет — он ее ругает? Или даже бьет? А вот и неправду вы подумали! Это я вам должен честно сказать: не ругает он ее и даже не бьет! В целом свете любит Прокоп одну дочь Алевтину. Как не любил даже покойницу жену. Жену он тоже любил, но и бил ее. Часто бил. Оттого и померла рано. Зато Алевтину он никогда пальцем не тронул.

Все в деревне знали силу этой любви, как вообще в деревне все друг про друга знают. И если нужно было приструнить Прокопа — домой его с улицы прогнать или из гостей — когда он, упившись, стоял где-нибудь посреди избы — волосы на лоб, на очумевшие красные глаза и орал: «Берегись, душа, оболью!» — и замахивался на всех недопитой бутылкой — если нужно было его тогда приструнить — посылали за Алевтиной. При виде ее Прокоп сразу смирился, жалко улыбался, покорно шел за маленькой дочкой, безропотно ложился дома спать... Ей он разрешал все — даже дружбу с Володей — сыном своих врагов, отнявших у него Илыч и всю живность илычскую — все, чем когда-то владел его отец. Ибо так он думал, что это все вокруг — его. И когда Алевтина приказывала ему отнести, отпустить из сети пойманную в нерест семгу-икрянку — Прокоп отпускал, не сказав ни единого слова. И когда она велела ему, больному с похмелья, идти на работу — он шел, хотя — если бы это приказал ему председатель или сам проку-



пор — не пошел бы Прокоп, послал бы куда следует...

И с Мартемьяном, и с его внуками — Иваном да Володей — не связывался пока: тоже из-за Алевтины.

Если что еще сдерживало во всей этой сложной жизни Прокопа — так это была Алевтина: его дочь, пионерка, подруга Володи...

Ну, да ладно, хватит об этом, мы еще ко всему этому вернемся.

Володя уже набил живот морошкой и опять пошел по тропе.

И опять вспоминал он историю — но уже другую — старую историю. Дедушка о ту пору еще молодой был, и сын его еще жив был — Володин отец, брат Иван тогда только родился, а Володи и вовсе на свете не было — вот как давно это было! Война тогда шла — Великая Отечественная — фашист на нашу страну напал, страшная была война, говорил дед Мартемьян. Враги тогда к Уралу рвались, но на Волге их остановили. Дедушка Мартемьян был на войне, рассказывал... В сорок втором году вернулся он оттуда раненый.

А теперь — помните того геолога, бородатого, который, сидя у Прокопа в избе, сказал, что Мартемьян прекрасный человек? Так вот! Тот геолог в войну на Урале работал, что-то здесь такое ценное искал. Уж чего он тут искал, про то дедушка не знает, геологи об этом никогда не говорят, да и не в этом сейчас дело, а дело в том, что застрял тот бородатый со своими товарищами в тайге глубокой осенью, когда уже мороз выпал. Заблудиться-то они не заблудились — это с геологами редко случается, потому что всегда у них и карты, и компас, и вообще они люди бывалые, — а дело получилось такое, что задержались они здорово в тайге, продукты у них кончились, и спешили они по Ильичу, с верховьев на лодке в Усть-Печорск... Дед Мартемьян сказывал — трое, и среди них тот бородатый. Лето холодное было, осень ранняя, и зима тоже: схватило вдруг ихнюю лодку в Ильиче льдом! Пришлось дальше пешком идти по замерзшей реке, голодным. Шли они несколько дней и стали замерзать от голода и пронзительного ветра. Пошел мокрый снег с дождем, а потом вдруг ударил мороз. И покрылись они ледяным панцирем... погибать стали... Тут и нашел их дед Мартемьян. Неподалеку от своей избушки. Нашел он их и спас, вот в чем дело! Отходил он их у себя. Пожили у него геологи, поправились и уехали к себе — во фронтową Москву. Всю войну бородатый геолог Мартемьяну продукты слал. Не нравилось это деду, конечно, запрещал он геологу это делать, даже назад отсылал посылки, но геолог не отступался... Поразительно! Хотя, если подумать — и не поразительно это, а нормально, как говорит брат Иван.

Володя видел того геолога, приезжал он после войны несколько раз сюда работать. Подарки разные и дедушке, и брату Ивану, и Володе привозил...

Так задумался Володя, что вдруг заметил, что идет без тропы — по тайге просто... Как это он не заметил, что идет без тропы!

Володя остановился и посмотрел вокруг: он стоял в окружении высоких сосен, уходящих стволами в небо. Корни стволов утопали в узорных зонтиках папоротников — как в зеленом ковре, накрывшем землю. Это в папоротниках он ее потерял.

Далеко она не могла быть. Видал же он ее только что! Где она — левой или правой —

если стоять лицом к востоку? На востоке небо в просветах тайги посерело, а на западе, за Володиной спиной разгоралось желтым — там садилось солнце, бросая в тайгу косые лучи.

Володя приметил себе высокую толстую сосну с обломанным, торчащим над землей суком и пошел от нее влево, все время останавливаясь, шаря глазами по зеленой крыше папоротников. На тропе они вообще-то не должны расти, должна тропа быть видна на зеленом ковре темной полосой.

Он шел некоторое время медленно, все влево и влево, но ничего не нашел и вернулся назад, к примеченной сосне. Потом пошел от нее вправо, — опять ничего.

Тогда он снова вернулся к сосне. Косые лучи в чаще все удлинялись — параллельно земле — пока вдруг не погасли: это солнце село за невидимый горизонт. Деревья на фоне неба стали совсем черными, плоскими.

Володя опять пошел влево — все дальше и дальше, намного дальше, чем в первый раз — все шел и шел в густом ковре папоротников, доходивших ему почти до колен — и вдруг они кончились: пошла голая земля, усыпанная лесным хламом, проросшая редкой травой с темными, старыми елками промеж сосен. В глубине вечерющей чащи, на поляне, что-то темнело.

Володя прошел еще несколько шагов и остановился: на широкой, под открывшимся лунным небом поляне высился стройный курган, усыпанный старыми пепельными сучьями, рыжими гнилушечными стволами, какими-то палками, камнями, ворохом шишек...

Володя долго стоял и смотрел на высокий лесной курган. «Раскопать бы его надо, — думал Володя. — Непременно в нем что-нибудь зарыто!»

Уж очень правильной формы был курган. Не может быть, чтобы он сам такой родился. Не иначе это человеческих рук дело. «Каких-нибудь древних коми», — Володя сел на гнилой пенек и задумался.

Дед Мартемьян рассказывал когда-то об этом кургане, вечером, в избушке...

Володя услышал надтреснутый голос деда: — Есть, Володечка, такое лесное место — Морт-Юр по-зырянски. В переводе это значит: «Человечья голова». Место высокое, сухое, поросшее могучими соснами да елями. («Вот, как здесь», — подумал Володя). Там возле одной из тропинок курган стоит. Весь он зарос травой да хламом лесным усыпан. («В точности!» — опять подумал Володя). Всяк, проходящий мимо, должен плюнуть через левое плечо или бросить в курган палкой. Или камнем... Страшный это курган, Володечка!

— Почему страшный? — громко сказал Володя. — И не страшный он совсем! — Володя будто разговаривал с дедом.

— Не говори, Володечка! — качает головой дед. — Этот курган — чум Яг-Морта! По-зырянски Яг-Морт — Лесной Человек...

— Какой же это чум, если курган! — опять

громко говорит Володя, глядя на курган. — Земляной холм, и все!

— Не знаю! — усмехается дед. — Так старики рассказывают. Ты слушай! Рассказывают, что осенью в темные ночи курган синим пламенем обнимается! И дверь в нем светится! И песни оттуда слышны!

— В сказке все может быть! — храбрым голосом говорит Володя.

Он внимательно изучал взглядом заваленный палыми сучьями курган и прислушивался к явственному голосу деда.

— Сказка — не сказка, а есть такое предание, — продолжает дед. — В давние времена жили в Запечорье зырянские племена. Поклонялись они каменным и деревянным божкам, которых сами же и выделывали. В те времена и появился на берегах Илыча необыкновенный человек: глаза кровавые, лицо волосами заросло, одет в медвежью шкуру. Звали его Яг-Морт. Никто так и не дознался, откуда он пришел. Говорили, что вырос он вместе с лесами запечорскими и что ему столько же лет, сколько этим лесам. Жил он один за непроходимыми болотами и только изредка приходил в селенья. Все его боялись. Матери даже пугали детей песней о нем:

— Яг-Морт ыджыд, кыз бур коз!.. — запел дедушка. — Яг-Морт высок, как большая ель! Яг-Морт черен, как печной уголь! Не плачь, замолчи! Яг-Морт придет! Станешь плакать — съест...

Володя оглянулся: странно близко пел дедушка, как будто рядом сидел. В чаще что-то тихо потрескивало, вздыхало. Володя поежился.

— И вот один раз так случилось, — продолжал дедушка, — что подружился Яг-Морт с одним зыряннином. Я уж не знаю, как они там познакомились. На охоте, наверное... Потому что был тот зырянин замечательный охотник!

— Лучше тебя?

— Лучше — не лучше, а презамечательный! Давно промышлял он птицу и разного зверя, старый был охотник! Много убил он рябчиков, и куниц, и белок, много соболей хранилось у него в огромном чуме. Все ему вокруг завидовали. Даже Яг-Морт, даром что лесной человек. Вот и стал он просить зырянина, чтоб тот научил его охотничьему ремеслу. Уж как они там поладили — не знаю, но стал Яг-Морт вместе с зыряннином на охоту ходить. Жили они оба-два в кочевом чуме, в тайге. Стали их часто вместе на охоте встречать. Не нравилось это, конечно, всем, кто зырянина знал. Ругали его. Зачем он, мол, с Яг-Мортом дружит! А зырянин отмалчивался: не ваше, говорит, дело! Яг-Морт тоже человек, хоть и шерстью зарос. Отчего ему не помочь? «Смотри, — отвечали люди. — Погубит тебя Яг-Морт!» На том и отстали. Как завидят — за версту обходят. И того, и другого. Некоторые говорили, что не зырянин Яг-Морту помогает, а наоборот: Яг-Морт зырянину, потому что Яг-Морт колдун, нечистый человек...

— Откуда ты знаешь? — спрашивает у темной чащи Володя. — Откуда ты все это так хорошо знаешь?

— Да уж знаю! — смеется дедушкин хриплый голос. — Все это потом и открылось. Но сначала Яг-Морт и зырянин тихо жили в своем чуме, в тайге, и никто не знал, как они там живут. А жили они все хуже. Хотя вроде бы, казалось, и неплохо. Вместе с утра на охоту ходили. Обед готовили. Рядом спали. И зырянин все учил Яг-Морта разным охотничьим приемам да секретам: как волков отваживать да как зайцев в одно место собирать...

— А как это, дедушка, собирают зайцев? — всегда спрашивал в этом месте Володя.

— Известно как, — говорит дед Мартемьян. — Особую траву с заячьей кровью смешивают, в заячью шкуру зашивают да подвешивают на дереве... А волков отогнать — надо волчий хвост да лапы на костре сжечь, на этом же самом месте... Вот так они и поступали и всегда с зайчатиной были... да что там с зайчатиной! Всего у них хватало! Особенно много они набили соболей! Замечательных темно-коричневых соболей! Но все дело в том, что почти всех этих соболей один зырянин набил. Очинно ему счастливо! А Яг-Морту не везло, постоянно с пустыми руками возвращался он вечером в чум. Сколько его зырянин ни учил, сколько ни открывал своих секретов, не шла Яг-Морту наука впрок. Такой уж он был бесталанный! Злой да бесталанный. А может, потому и бесталанный, что злой. Ну, так все и кончилось, как старики предсказывали: погубил Яг-Морт своего товарища!

Один раз вечером после охоты, когда зырянин особенно много соболей настрелял, а Яг-Морт и вовсе пустой пришел, решил он своего товарища убить. Когда они поужинали, пошел зырянин к реке умыться. Сел у берега на корточки, наклонился воды зачерпнуть — а Яг-Морт, бесшумно подкравшись сзади, отрубил ему топором голову! Забросил он ее далеко в чашу, а труп ногой в воду толкнул...

— С тех пор бродит по берегу Илыча зырянин в темные осенние ночи, ищет он в тайге свою голову... А Яг-Морт вовсе пропал из этих мест. Когда родственники зырянина пришли к чуму, увидели они, что вместо чума стоит высокий курган. Плюнули они да пошли обратно... Вот, Володечка, какая история!

— Все это сказки! — громко говорит Володя. — Не может человек свою собственную голову искать, когда она отрубленная была...

— Да дело-то вовсе не в этом! — серьезно отвечает дед Мартемьян. — Дело здесь в том, ради чего эта сказка сплетена! О зависти человеческой она сплетена, вот что! Страшная это вещь, человеческая зависть! Больше всего в жизни бойся, Володечка, человеческой зависти!..

Володя передернул плечами и встал. Становилось все холодней.

Ветер вокруг все сильнее шумел в темных

деревьях. «Будто порог вдалеке!» — подумал Володя.

В чистом лунном пруду над поляной показались первые звезды, замигали Володе: «Куда идти на ночь глядя! Отдыхай уж тут!»

— Тропу завтра найду! — громко ответил им Володя, потрянув головой. — Сейчас все равно не найдешь... Разведу костер да лягу.

Он быстро натаскал хвороста, притащил пару сухих сосновых стволов, положил рядом на кучу хвороста, чиркнул спичкой. Поляна озарилась пляшущим кругом теней.

Володя развязал сумку, достал мало-сольную тушку хариуса, луковицу, горбушку хлеба. Он отрезал от горбушки толстый ломоть, очистил и нарезал кусочками луковицу и стал есть.

— Воды жалко нет! — сказал он с набитым ртом. — Чайку бы попить!

От костра стало тепло. Холод испуганно отодвинулся в черную чашу. Веселый треск огня смешивался с задумчивым шумом ветра.

Поев, Володя аккуратно спрятал в сумку остатки рыбы, хлеб и луковицу, сунул в рот кусочек сахара — пососать перед сном — поправил костер, чтобы огонь долго горел, не особенно разгораясь, и лег, положив сумку под голову.

Он лежал на боку, спиной к огню, глядя на освещаемый костром курган в середине поляны.

Володя почему-то вспомнил отца и мать.

Вообще-то он их плохо помнил. Не так, конечно, чтобы очень плохо, но и не очень хорошо... как-то смутно. Володя вспомнил то время, когда они еще хорошо вспоминались — лет пять тому назад. Тогда Володя их помнил четко, ясно, а потом время все сглаживало, сглаживало их образы, сглаживало — делало их все более бесплотными, немymi. Пока они совсем не замолчали — в его сновидениях. То есть — они еще иногда приходили, но молча. И вот что еще странно: Володя о них почти уже не думал. Ведь он любил их очень, до боли в сердце любил, до слез, а вот поди ж ты — уже не думал почти о них! Они стали далекими, чужими...

Но тут Володя вдруг вспомнил родителей.

Даже не вспомнил, а увидел рядом.словно живут они опять вместе в избе: и дед, и отец, и мать, и Володя с братом. Только Володя с братом и дед Мартемьян веселые, а отец с матерью тихие какие-то, пришибленные. Исчезают где-то по целым дням, а вернутся — ходят молча, слова от них не услышишь. Словно камень у них на сердце лежит.

И вот один раз, когда пришли они отку-



да-то в избу и стали молча прибираться, а потом легли, подошел Володя к отцу. Вид у отца плохой, небритый, глаза грустные. Лицо темное. Лежит он на кровати и молча в потолок смеет грим. Волосы на подушке спутанные, седые. Не совсем белые, а серые, грязного цвета. А Володю изнутри подняло: подошел он к отцу, руку свою маленькую ему на лоб положил, гладит:

— Ну, что ты? — спросил нежно Володя. — Что ты все молчишь да молчишь... Скажи хоть слово-то!

А отец молчит. Так печально и сурово молчит, что сердце у Володи сжалось.

Задрожал отец, взглянул на Володю и говорит глухим голосом:

— Не могу я тебе ничего сказать! Лучше не спрашивай! Уйди отсюда! — и вдруг заплакал.

Страшно стало Володе, что отец его плачет! Проснулся он от страха, сел в траве...

Костер потрескивает, шевелятся в нем языки огня, ползают по бревнам, поляна отступила в тень, и курган отступил — голубое стало все вокруг, туманное. Это луна светит где-то за деревьями... С тихим, тревожным шумом раскачивает деревья ветер, и опять Володя один.

— Нагонит этот ветер какую-нибудь беду! — громко сказал Володя. И тут же сам отогнал от себя эту мысль.

...Давно, когда Володя еще маленький был, ушли его мать и отец зимой на охоту в тайгу, в верховья Илыча, и как в вечность канули! Искали их всю зиму, искали — дед Мартемьян искал, брат Иван и милиция, — а нашли только весной, когда снег в тайге стаял, без лыж. Лыжи и мешки из-под продуктов нашли далеко от них, выше по Илычу — и были мешки и лыжи сильно порубаны топором... И топор валялся рядом, совсем новый, неизвестно чей, где-то в иных краях купленный. Очень странно все это было! Как будто Володины мать и отец сами лыжи и вещмешки порубили и пошли дальше пешком по глубокому снегу... Не могло же такого быть! Ездил на то место милиция с дедом Мартемьяном, но и милиция ничего понять не могла. Так и осталась эта лесная смерть загадкой для всех. Только не для деда Мартемьяна.

— Прокоп в ту пору тоже там в тайге охотился, — говорил Мартемьян, — не иначе это его рук дело!

— А почему его тогда в тюрьму не посадят? — спрашивает Володя.

— Так доказательств-то нету, сынок! — отвечает Мартемьян.

Дед Мартемьян иногда Володю сыном называет. И правильно. Потому что давно уж дед ему не дед, а отец. Даром что старый.

— Забирали его, Прокопа, допрашивали: «Не я, — говорит. — Я, — говорит, — в другой стороне был», — и все. Никаких улик на него нету.

— А что это такое — улики? — спрашивает Володя.

— Улики-то? Мелочи такие разные, которые на человека указывают, что он это сделал...

И видит Володя: стоит Прокоп, а вокруг него улики маленькие бегают, хлопотливые такие, серьезные, как трясогузки, и все на Прокопа пальчиками показывают: «Он это сделал! — кричат. — Он! Он их убил и боле никто!»

А дед Мартемьян говорит:

— Улики, Володечка, они не живые! Улики — это следы или вещь какая оброненная... Следы ног на земле, или лыжня, или следы пальцев на топорике... это и есть улики. Но таких улик на Прокопа нету!

Володя опять видит: бегут следы по земле! Много следов — сами бегут! Просто прыгают, как от сапог подошвы! Бегут из тайги в избу Прокопа и все кричат: «Эвона он! Он убил!..»

— Нету на него никаких уликов, — качает Мартемьян седой головой. — Только я это знаю до тайга... А нам никто не поверит без уликов...

...Смотрит Володя на огонь, на курган, на деревья:

— Скажи, тайга: кто отца с матерью порешил? — спрашивает тихо Володя.

Огонь сипит в ответ что-то невразумительное, кашляет, ничего не поймешь!

А ветер умнее:

— У-у-л-и-ко-о-ов не-ет-у-у! — шумит ветер. — Нету-у-у-у-у-у-у-у-у!

Тревожно спал Володя во всю эту ночь. То и дело просыпался, когда притухал костер и, осмелев, подкрадывалась по земле холодная сырость.

Луна недолго скиталась между звезд — быстро легла спать, и под утро стало темно, хоть глаз выколи. В эти часы и загорелся курган синими огоньками гнилушек. Но никакое окно в нем не засветилось, никакая дверь не открылась, никаких песен из него не послышалось, хотя Володя уж было и вправду подумал, что оживет курган... Чепуха все это! Сказки!

Только ветер шумел всю ночь, и Володе казалось, что приносит он издали успокоительный голос Илыча: «Не трусь, Володя! Утром найдешь тропу! Потерпи до утра!»

На самом рассвете Володя опять проснулся — от странного крика:

— У-о-о! — кричал кто-то в тайге низким голосом. — У-о-о!

«Что такое?» — подумал Володя спросонья, а потом понял: лось это кричит. Крик его похож на стон, и на жалобу, и на призыв.

Прислушался Володя: лосевый стон потерялся вдали, умолк. И ветер в вершинах заснул. Или умчался куда-то.

— Пойду-ка я враз на рассвет! — сказал Володя. — Все равно впереди хребет должен быть, — рассудил он. — Там и тропу быстрее отыщу.

Пошел Володя в сторону света, брезжущего за стволами деревьев.

Володя шел уверенный, что тропа скоро найдется. Он чувствовал, что поднимается в гору — в гору ползут кусты и трава, и деревья поваленные, и стоящие деревья в гору идут. И неясная полоса горизонта впереди, угадываемая на границе тени и света, поднялась выше: это впереди хребет Иджид-Парма...

И тропа, действительно, вскоре нашлась! Под ногами! Быстро повела она Володю вперед, вверх. Она ныряла под стволы деревьев, то в траву, то в кусты — но Володя теперь держался за нее глазами цепко!

Попадались ему несколько раз по сторонам муравьиные кучи. Стояли они, усыпанные ржавыми осенними листьями и мельтешили от тысяч копошащихся муравьев, ползущих своими собственными тропками и ходами вверх и вниз. Володя наклонялся, смотрел, как муравьиные толпы гуськом перебегают дорогу, не обращая на него внимания! Они были заняты своим делом: тащили вдвоем, и втроем, и поодиночке какие-то веточки, листочки, сучки, хвойные иглы. Готовились муравьи к зиме, запасали добро, как всякий хороший хозяин.

Володя осторожно переступал через муравьиные колонны, стараясь никого не раздавить, и карабкался дальше вверх.

Редеи деревья, все ниже становились кусты, березы и можжевельник, все чаще высывали из-под земли свои наморщенные лбы любопытные камни.

Все ярче сияло небо — и все выше — и наконец вышел Володя на Иджид-Парму — и солнце вышло — и вот они встретились — мальчик и солнце — и оба улыбнулись друг другу.

Володя взглянул на плешивую, невысокую Эбель-Из — позади нее темной, еле заметной складкой в зеленой шкуре лесов угадывалось невидимое русло Илыча. Завтра — на пятый день пути — будет Володя в избушке! Дедушка преодолевал этот путь за трое суток — но на то он и дедушка, старый охотник, ходок бывалый! Он ведь идет быстро и почти не спит в дороге. А Володя — пять дней, тоже неплохо. Куда спешить! Переночует еще раз — и завтра будет на месте.

Володя повернулся к югу и пошел искать тропу, где она сворачивает с хребта на восток. Здесь на вершине тропа исчезала, на камнях тропа всегда исчезает — камни следа не держат. Здесь, на хребте, камни выглядели совсем по-другому, нежели у реки. Здесь они острые, угловатые, темные, выветренные. Поверхность камней шершавая, покрытая мхом или узорами лишайника. А на реке камни чистые, гладкие и все голые. Потому что они там все время купаются. Речные камни обтачивает вода, а горные — ветер, оттого они так непохожи.

«Поест бы надо, чаю попить», — подумал Володя. Сейчас он спустится, найдет родник и заварит чаю. Надо только спуститься, а то здесь ни воды, ни чаю, ни дров для костра.

Он опять подумал о дедушке: завтра они

вместе будут чай пить! Любит дедушка чай гонять! И Володя любит. Володя дедушке сам чай заварит, потому что умеет — никто так не умеет дедушке заваривать чай, как Володя. Он уже видел, как входит в избушку — без стука. Пройдет по краю прибрежного луга — по-за деревьями на краю леса, чтоб дедушка его из окна не заметил — и неожиданно откроет в избушку дверь! Хорошо бы войти в избушку рано утром, когда дед еще спит... но к утру Володя уже не успеет. Днем дед куда-нибудь на Илыч уйдет. Семгу ловить или сено ворошить, ставить по берегу копны, подпирая стожарами небо. А вечером он будет чай пить, глядя в окно, на реку. А Володя откуда ни возьмись: «Здравствуй, дед! А вот и я!» — «Откуда ты взялся?! — удивится дедушка. — С Иваном прилетел? Что-то я вертолета не слышал! Глухой стал!» — «На своих я прилетел! — скажет Володя... — Скучно без тебя-то, вот я и прилетел!»

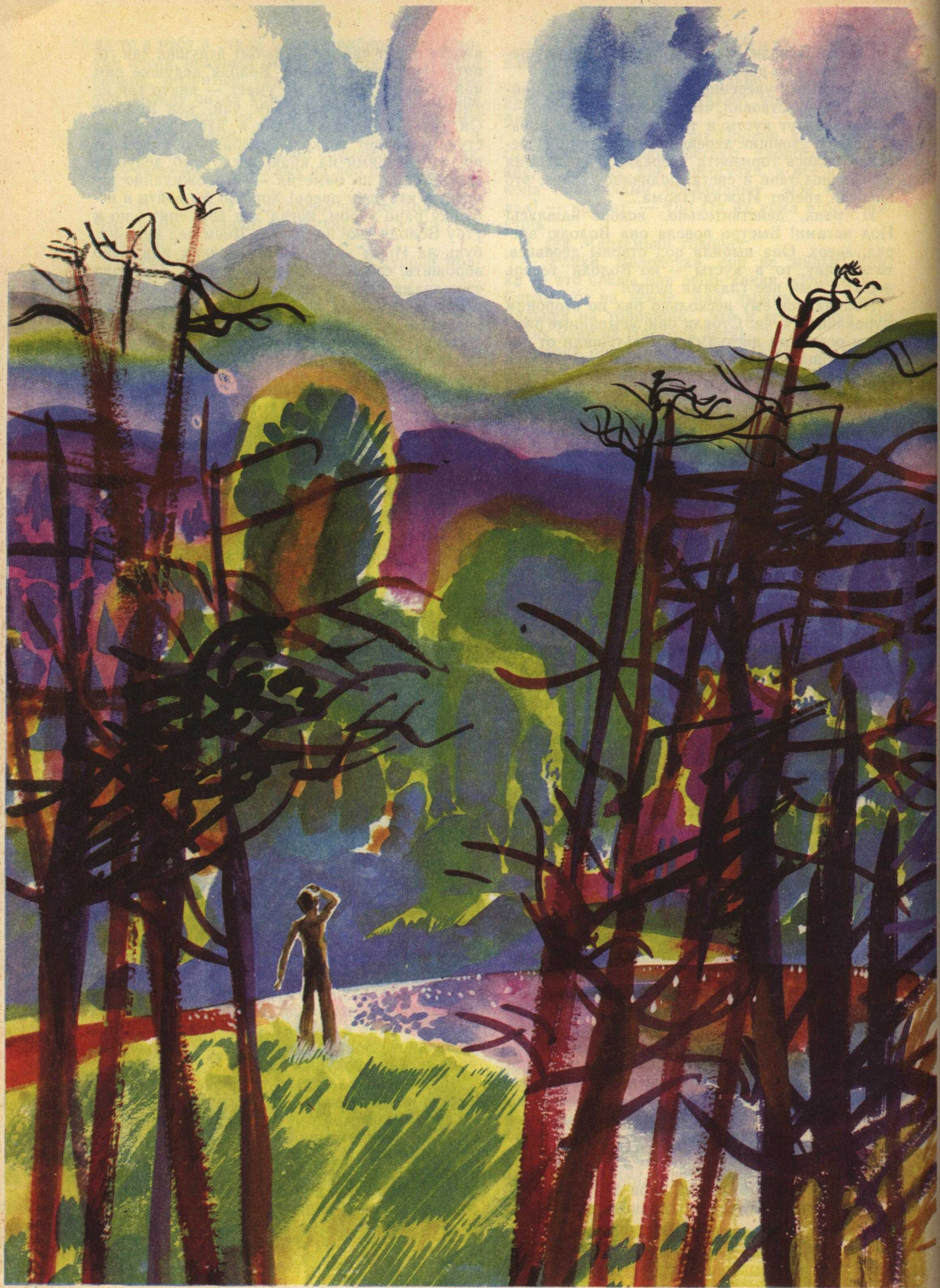
Удивится дедушка, обрадуется! Ну, может, и покорит немного — за самоволие. Но это только для виду. Ведь Володя уже не раз один в тайгу уходил: и за грибами, и за ягодами. И по Илычу на дедушкиной лодке, на моторе, Володя один плавал. Не так далеко, правда, но все же. Не очень-то и близко — в соседнюю деревню, например... Но так далеко, как сейчас, Володя никогда еще не отлучался. Удивится дедушка, обрадуется, возгордится внуком: мужчина, скажет, настоящий ты вырос, Володечка!

Пока Володя шел, он все время слышал слева, по склонам, звон колокольчика — как будто бродит там лошадь или корова — с колокольчиком на шее — то громче, то тише... Но Володя знал, что это ветер в камнях поет, а кажется, что колокольчик...

И вот запах гари тоже — опять принес ветер запах гари... Вроде бы костер неподалеку горит. Но это не костер — это ветер принес откуда-то издалека запах лесного пожара. И тогда, когда Володе показалось, что речная радуга горелым пахнет — значит, это ветер принес вместе с брызгами запах пожара...

Володя опять шел под зеленой кровлей, в тени, в прохладе, ища глазами родник. Скоро он нашел его: вода била ключом в небольшом круглом кратере под камнем, а на дне кратера танцевал песок — пузырьки воздуха поднимались оттуда вверх и лопались на тихо бурлившей поверхности прозрачной воды, переливавшейся через край и бежавшей дальше вниз по траве и камням, покрытым железной ржавчиной. Вокруг родника буйно разрослись ярко-зеленые подушки мха.

Володя сначала лег в траве на живот, пригнувшись к живой воде — и долго пил, маленькими глоточками, потому что вода леденила зубы. Когда он отрывался от родника, пережидая лому в переносице, с лица его громко падали в воду серебристые капли. Потом он встал, сполоснул и наполнил водой котелок, собрал хворост, поджег, приладил над огнем



котелок с водой — на толстой сырой осиновой палке с рогулиной на конце, — воткнутой косо над оранжевым пламенем — и стал ждать, пока закипит вода.

Он сидел и смотрел на пляшущее пламя и на убегающую вниз, в темную чашу, тропу, на темные узоры деревьев на фоне светлого неба, где медленно и верно шагало солнце, на пробивающиеся сквозь еловые лапы и березовые кудри тонкие пляшущие золотые лучи, игравшие солнечными зайчиками на земле, усыпанной красными, желтыми и черными бархатными листьями, хворостом, шишками.

Вода в котелке быстро закипела. Володя осторожно снял его, поставил на мшистую подушечку, насыпал в дымящую воду горсть черного чая, размешал его веточкой, — вода потемнела, стала темно-коричневой, почти черной. Володя бросил в нее сахару, тоже размешал его, потом достал кружку и хлеб и этиленовый мешочек с солеными хариусами.

Вкусно — соленый хариус со сладким чаем! Володя нарезал рыбу ножом поперек, отрезал хлеба, зачерпнул чаю, подул оттопыренными губами, отхлебнул, обжигаясь, горьковатосладкий душистый глоток и сразу закусил соленым и хлебом...

...Потом Володя пошел опять — не спеша, спокойно — думая о дедушке, о тихой, чистой избушке деда с белым выскобленным полом, со смолистыми бревенчатыми стенами, в которых торчит между бревен сухой мох, с маленьким окошком на реку, с кроватью — дедушкиной и Володиной — под высоким, до потолка, белым марлевым пологом от комаров, с побеленной большой русской печкой, думал и о маленькой бане на берегу, возле самой воды, в которой они с дедушкой непременно сразу же напарятся, а потом будут нырять в холодные воды Илыча — прямо из облаков горячего пара в облака ледяных брызг над маленьким речным порогом. Как пойдут они с дедушкой сено ворошить, и семгу из сетей вынимать, и как они ее потом жарить будут — жирную, розовую — и солить, и если икрашка попадет — и икру солить будут — и как они с дедушкой по ягоду пойдут — по клюкву, и по морошку, и по голубику, и по грибы на вырубке, в яркие осенние чащи. И думал еще о том, что скоро зима — пушистый снег хлопьями в воздухе и сугробами на земле — и синий лед на реке, по которому он будет бегать на коньках в короткие зимние дни, и о школе он тоже подумал — и об Алевтине — что опять будет сидеть с ней рядом на первой парте — в теплой маленькой зимней школе — и играть на переменках в салочки; с удовольствием подумал о том, как будет с Алевтиной смотреть вечерами в школе телевизор — разные передачи из Москвы по системе «Орбита» — и делать уроки возле замерзшего окна в теплой избе, когда за стеной и в трубе поет вьюга свою бесконечную зимнюю песню...

Так он шел и думал о разных радостях — и мысли его шли с ним в ногу. Так он шел до ночи, а потом лег спать.

...Главный Муравей — откуда ни возьмись! — вытер мокрое распаренное лицо и сел рядом с Володей у костра — черно-красный, с головы до ног блестящий от пота.

Такого костра Володя сроду не видал! Ворох сухих деревьев громоздился под самые облака и разгорался все сильнее — с шумом и треском...

— И когда вы все это натащили? — удивился Володя.

— Хе! Нам это раз плюнуть! — усмехнулся Главный. — Нас, муравьев — почитай тыщи: каждый деревяшку притащит, вот и целая гора! А если по две деревяшки?

Деревяшками он с презрением называл огромные ели и лиственницы — таежный сухой. Костер был сделан с умом, в этом муравьям не откажешь: деревья сложены аккуратно, комлями кверху... Все костровище по форме напоминало муравейник...

— Спасибо вам! — вежливо поблагодарил Володя и осторожно добавил: — Только... уж очень жарко!

— То есть как? — обиделся Главный. — Для тебя же и старались! Чтоб тебе теплей было! Сам же просил...

— Я? Просил? Что-то не помню, — удивился Володя.

— Как же так? — в свою очередь удивился Главный. — Вчера, перед рассветом, когда иней выпадал — в тумане у кургана — помнишь? Ты еще сказал: хорошо бы костер! Полярче! Да спешить надо!

— Так это же я про себя подумал! Как ты узнал?

— Я, брат, все твои мысли знаю! — с гордостью сказал Муравей. — Для меня это тоже пара пустяков! Видишь антенны? — он дотронулся виллообразной лапой до своих длинных членистых усиков. — Этими антеннами я и ловлю твои мысли!

Жара между тем становилась все невыносимей.

— Захотел ты теплую ночь — пожалуйста, — говорил Муравей, — вот тебе теплая ночь! Даже жаркая! Тысячи муравьев это сделали — все тысячи как один муравей! И все ради тебя! Чтоб тебе теплей идти было!

— Да, но вы немножко того... перестарались, — хотел сказать Володя, и вдруг на лицо упал с неба раскаленный уголек!

Володя проснулся и вскочил в ужасе: пылала тайга! Прыгали гигантские тени и языки огня, вздымался дым — черно-рыжими клубами до бездонного невидимого неба — летали искры — и, как сто тысяч лосей, ревел огонь!

Володя кинулся бежать...

БАБАГА 8

**ПИОНЕР
ДЛЯ
ОКТЯБРЯТ —
ВЕРНЫЙ
ДРУГ
И СТАРШИЙ
БРАТ**

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ «КОСТРА»

Рисунки Т. Ураевской

Про наших взрослых

(Пишут юнкоры Пскова)

Мамы мне приходится скрывать многое. А с бабушкой я говорю всегда свободно и откровенно. Я ее ни сколько не стесняюсь, так как она понимает меня во всем. И я решила для себя один очень важный вопрос: любовь и уважение — разные чувства. Иногда совпадают, а иногда — нет. Г. З.

Бабушка моя партизанила в новгородских лесах, а после войны вернулась в школу и работает до сих пор. Ребята ее любят и уважают. Бабушка научила меня оценивать свои поступки. Моя бабушка — коммунистка. Папа и мама тоже коммунисты. И я горжусь этим. Я очень люблю мою бабушку!

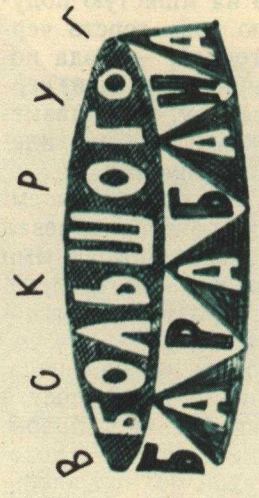
Лилия Силина



Вот так нагрузка!

Мама мне часто говорит, что я должна уважать всех старших людей. Но разве можно всех уважать? На эту тему у нас часто бывают споры.

Люда Г.



не могу понять: что в ней есть такое, что заставляет слушаться?

Рита Гверстонская

Другой раз я балуюсь около мамы, только что на голове не хожу, а она смеется вместе со мной и не останавливает. Однажды я спросила: «Почему ты не ругаешь меня, ведь я балуюсь?» А она отвечает: «Я такая же была...»

Мама научила меня ездить на велосипеде, скакать на лошади без седла.

Надя Дубова

Мой отец тракторист-трубоукладчик. Это очень ответственная работа. Одно неверное движение — и тяжелый трактор полетит в траншею.

Недавно отец был награжден медалью «За доблестный труд». Он очень добрый и сердечный человек.

Слава Гладков

У меня нет хорошего взрослого друга, но я давно мечтаю найти такого.

Ю.



Леша
Лобанов,
10 лет

ОТКЛИКИ

В январском «Барабане» была напечатана заметка Вовы Г.: «Кто возвратит Васюке?» Речь шла о смелости и трусости. Получено много откликов на эту заметку. Печатаем некоторые из них.

И СМЕЯЛСЯ ПРОТИВНЫМ СМЕХОМ

Дорогой Барабан! Я — звеневая в нашем 5 «в». Я хочу написать тебе один случай, он произошел у нас в звене. По тропинке шли два мальчика и девочка. Одного мальчика звали Витя. Он начал говорить другому: «Слушай, Карен, видишь вон ту лужу? Прыгнешь в нее, не побоишься, значит, мужчина!» Другой отвечает: «Что я, дурак, по-твоему? Воспаление легких получаю? Воспаление легких получаю? Такой нахальный вид был у Вити, когда он про-

изнес: «Трус!» Потом Витя начал предлагать то же самое девочке. Она, ничего не сказав, прыгнула в воду. Тогда вслед за нею прыгнул Карен. Когда предложили прыгнуть Вите, он забоялся и сказал: «Что я — свинья, что ли?» Карен отвернулся и пошел к дому. А Витя все стоял и смеялся противным смехом.

Звеневая С.,
Баку



СТРАХ МОЖНО ПРЕОДОЛЕТЬ

Пошли мы в лес по ягоды. Насобирали полные лукошки и сели отдохнуть. И вдруг в лесу раздался треск сучьев. Мы повскакали со своих мест и бросились врассыпную. А Наташа осталась на полянке. Пробежали мы немного, потом остановились, стали ждать Наташу. Ви-

Школа вожатика

Урок четвертый —
«Секреты звездочки»

«Дорогая редакция, меня октябрята не слушаются. Что делать?»
Маша Баринаова,
дер. Угольки



Веселый, певучий, на все руки мастер, сказки сказывать горазд. Думаешь, Маша, таких не бывает? Вон твой отряд! Он все умеет. Зови его себе на подмогу!

Рассказ вожатика: как мой дружок Женя с октябрятами беседовал.

— А ну, тише... Проведу сейчас беседу. Про красивый галстук. В пионеры скоро вас принимать, а вы неподкованные...

— Как это — неподкованные? Что мы — лошади?

— Тише вы! Перебивать будете — щелбанов дам!

— Вожатым драться не позволено!

— Ладно... Значит, про галстук. Галстук — это значит...

— А почему у тебя галстук мятый?

— На том беседа и кончилась.

СЕКРЕТЫ ЗВЕЗДОЧКИ — ИХ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ КАЖДЫЙ ВОЖАТЫЙ. ТРУД. ПЕСНЯ. ИГРА. КНИГА. СПОРТ.



дим, Наташа идет и смеется: «Эх, вы!» Оказывается, она нарочно пошла на треск и увидела старушку, которая собирала ягоды. С тех пор мы перестали бояться в лесу.

Нина Матяш, 6 класс,
кружок юнкорев,
Белоозерск

Верная Пятерка распалась

Живем мы в двухэтажном шестнадцатиэтажном доме. В доме есть чердак, где мы устроили штаб. Первым делом мы забаррикадировали одну дверь, а на другую повесили замок. Это от сварливой старухи Надежды Семеновны, которая была управляющей и все ей мешали. А до нее был управдомом понятливый старичок Игнатий Сергеевич. Он сам организовал на чердаке библиотеку и поставил у входа стремянку, чтоб нам удобней лазать на чердак. Редко попадают такие люди. Но он умер, и тут уж ничего не поделаешь.

Мы любим путешествовать. У нас есть походная аптечка и рюкзаки. Мы — это две Иры (Иру Арбер мы зовем Иринкой, а Нечитайло — Иригой), Игорь Ингман, Сережка Сергеев и я.

Иринка Арбер — ехиденькая толстушка. Но дразнится она смешно и безобидно и как-то на пользу. У Иринки есть собака — боксер Лада.

Самый младший из нас Игорь. Он немного мамин сын. Тронь его — в плач беззвучный и с гордо поднятой головой удаляется. Он у нас сочиняет стихи.

Ира Нечитайло очень честная девочка. Может быть, честнее всех нас. Если даст слово — обязательно сдержит. И не трусит хоть кому сказать правду в глаза.

А Сергей Сергеев, хоть умный и неплохой мальчишка, очень жесток. Обижает пятнадцатилетнюю сестренку Оленьку и носит за уши щенка Чапу. Сколько раз мы отбирали у не-

ЗАВЕТНАЯ СТРАНИЧКА

МОЖЕТ, ТАК ОНО И НАЧИНАЕТСЯ

Может, так оно и начинается?..
Без причины выступают слезы...
Под осенним ветерком качаются,
Листья скинув желтые, березы.

В волосы влетаю ленту белую,
Вот и стало коротко пальтишко...
Не читаю, ничего не делаю,
Позабыт смешной мохнатый мишка...

Может, так оно и начинается?
Полудетски, полувзрослы взгляды,
Вместе радость и печаль сливаются,
Жаждет сердце доброты и правды...
Оля Абрамова,
8 класс, Ленинград



Наташка нябедала учительнице,
что я у нее списывал, а я совсем и
не у нее списывал...

Коля Б-в,
г. Грозный

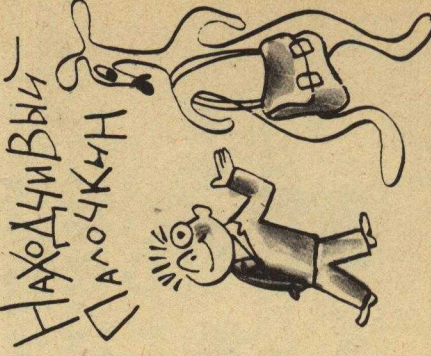


АВТОРАМ ЗАВЕТНОЙ СТРАНИЧКИ

Дорогие друзья! Мы получаем много ваших писем с просьбой напечатать их на «Заветной страничке». Главным образом это описания природы — весны, зимы, ночи, вечера, утренней зари... Но вот беда: почти все рассказы написаны неестественно пышным слогом. Тут и «улыбающаяся луна», и «темная бездна неба», и «объятия мрачных туч»... Одна девочка пишет так: «Синяя толь вечера закрывала помаленьку все это. Но небо во всей своей красоте колыхалось едва заметно, и толь слетала с него, обнажая его величественность...» Не говоря уже о том, что слово «толь» мужского рода, все это описание путано, высокопарно и... пусто. А ведь начала эта девочка свой рассказ очень хорошей фразой: «Вечером я, как всегда, высунулась в форточку посмотреть на небо...» Что же помешало ей и дальше писать так просто? Зачем понадобилось «украшать» рассказ очень «темными безднами», «объятиями мрачных туч» и другими холодными книжными словами? Думала, что так будет красивее?..

Помните, друзья: все истинно красивое — просто, в простоте подлинное благородство. Пишите, как умеете, по-своему, а главное — искренне.

И последнее. Трудно представить человека, который говорит себе: «Напишу-ка я сейчас что-нибудь заветное...» Нелепо звучит, не правда ли?.. Заветное, сокровенное приходит к нам нечасто, только в минуты большого душевного волнения.



— Палочкин, ты знаешь, кто первый придумал сумку? — Кенгуру!

Я был в гостях у своего друга Борьки и слышал у него дома такой разговор. Борька говорит: «Папа, а наш попугай сегодня сказал «дурак». Папа говорит: «Неужели? Какой умница!» Борька говорит: «Да, но в комнате никого, кроме меня, не было...» Папа говорит: «Вот как? Обидно...» И мы все засмеялись.

Сергея Вязов,
Новгородская область



Дела мои идут хорошо. Плохих отметок нет, а троек уже четыре. Меня выбрали учебной комиссией. Помогаю учиться девочке из нашего класса. Галя Никитина, Московская область

го Чапу и защищали Олю! Как с ним бороться, если он все понимает?

А все это я рассказываю потому, что наша верная пятёрка недавно распалась. Нет, мы играем вместе, ходим в кино, но прежней слаженности, взаимопонимания нет. Что-то нужно делать. Но пока ничего не придумали.

Вера Фридман,
Актыонинск



К нам в класс пришла тетенька из газеты и спрашивает у меня: «Саша, а ты мучаешь кошек?» — «Нет, — говорю, — у нас теперь нету кош- ки».

С. Вихров,
Киевская область

Я все лето брала в библиотеке книги, а когда пришла пора идти в школу, мама сказала: «Хватит читать книги, пора учиться». Я и сама знаю, что пора братья за ум.

Люда Евдокимова,
Якутск

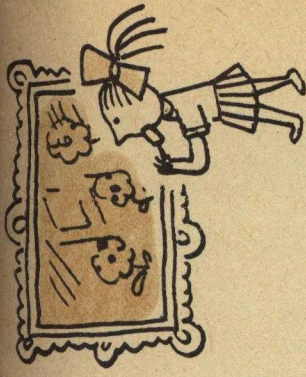
Моему младшему брату Олегу купили новые ботинки. И говорят: «Примерь». А он отвечает: «Нет, я их завтра утром надену на свежую голову».

Сева Путинцев,
Волгоград



У меня есть подруга. Ее спрашивают: «Ты любишь в Эрмитаж ходить?» А она отвечает: «Люблю. Там в буфете мороженое».

Соня Г-ва,
Ленинград



П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я К О Т А - К А Р А К О Т А

1.



СПАСИБО
ЛЕТЧИКУ

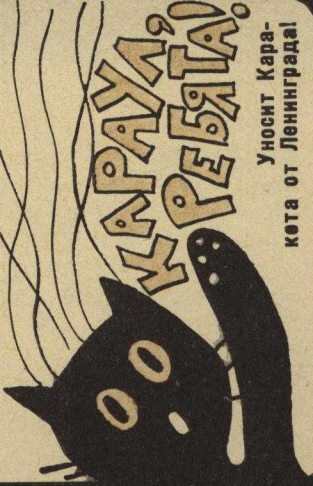
сбросил над
Ленинградом Неву
внизу, Исаакный ря-
дом. Ближе, ближе
город желанный...

5. Что за страна? Море, пляж..
Наверно, мираж.



ЭВРИКА!
Да это же Африка!..

2. Но что это? Ветер возник ураган-
ный! Завыл и понес...



КАРАУЛ,
РЕБЯТА!

Уносит Кара-
кота от Ленинграда!



3. Галки Чижо-
вой родители — ра-
диолюбители. Ле-
тит морзянка по
белу свету:

И С Ч Е З
КАРАКОТ!

„Сообщаем приметы...“



4. Ленинград! Ленинград!
Исес! Исес! Сейчас курсом

зюйд-вест проплыло
небесное тело
в форме кота.

О Н О
Л Е Л О

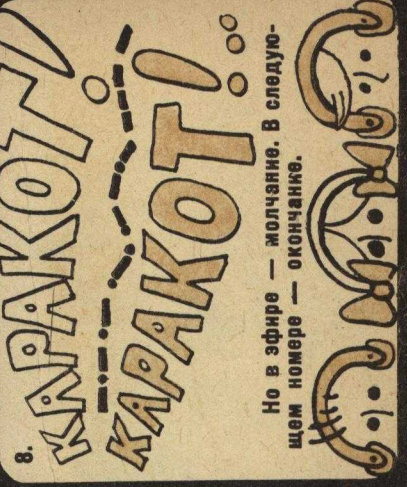


6. Встречают
гостя
небесного
под звуки
оркестра
местного...



7. Симпатичной
всех пионер Луис.

КИС-КИС
— говорит, —
КИС-КИС



КАРАКОТ!
КАРАКОТ!

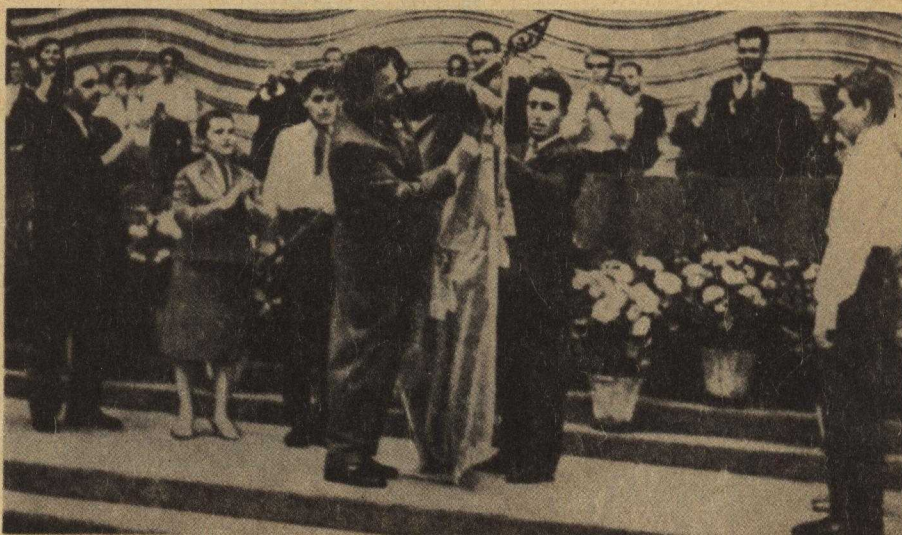
Но в эфире — молчание. В следую-
щем номере — окончание.

ПРИВЕТ ДЕЛЕГАТАМ VI ВСЕ



ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ. АВГУСТ 1929. МОСКВА

Делегаты обменялись опытом пионерской работы. Газеты сообщили, что слет показал активное участие детей в социалистическом строительстве и выполнении пятилетнего плана развития СССР.



ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ. ИЮЛЬ 1962. АРТЕК

18 мая делегацию пионеров пригласили в Кремль. Товарищ Л. И. Брежнев прикрепил орден Ленина к знамени Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина и пожелал пионерам учиться, жить и трудиться по-ленински.

На слете, посвященном 40-летию пионерии, делегаты рапортовали о выполнении своей двухлетки «Пионеры — Родине».

ТРЕТИЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ. ИЮЛЬ 1967. АРТЕК

Дан старт подготовке к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Гостями слета были пионеры многих стран мира. Пионер — друг пионерам и детям трудящихся всех стран!



СОЮЗНОГО СЛЕТА ПИОНЕРОВ

**ЧЕТВЕРТЫЙ
ВСЕСОЮЗНЫЙ.
ИЮНЬ—ИЮЛЬ 1970.
ЛЕНИНГРАД**

100-летию со дня рождения В. И. Ленина посвятила новый торжественный сбор пионерия страны.

На слете был дан старт Всесоюзному маршу «Всегда готовы!».



**ПЯТЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ.
АВГУСТ 1972. АРТЕК**

Славное 50-летие Всесоюзной пионерской организации.

Второй орден Ленина засиял на знамени Пионерии.

Заветы Ильича советская пионерия выполняет с честью!



Е. М. Тяжельников, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, вручил пионерам высокие награды Родины: 24 пионера получили медали «За доблестный труд».

ШЕСТОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ. АВГУСТ 1974. АРТЕК

Делегаты всех пятнадцати советских республик — победители Всесоюзного марша «Всегда готовы!» собрались, чтобы подвести итоги своей работы.

Ровно пятьдесят лет советская пионерия с честью носит дорогое имя Владимира Ильича Ленина.

На знамени пионерской организации два ордена Ленина.

Будьте всегда достойны великого имени вождя Революции и высоких наград Родины!

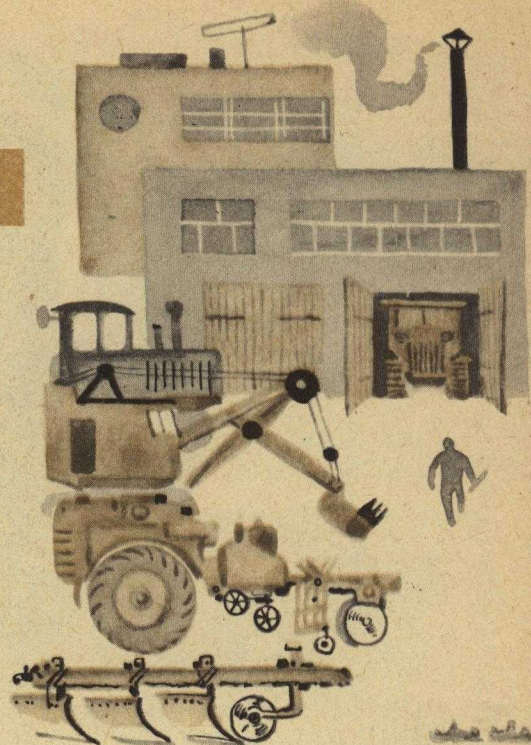
Юные пионеры!

**К борьбе за дело Коммунистической партии
Советского Союза будьте готовы!**



КОГДА НАЧИНАЕТСЯ УРОЖАЙ

Виктор Тузов
Рисунки А. Януса



Зима в совхозе «Ленсоветовский» — время рабочее, жаркое. Пусть заснежены кры-



Алексей Иванович
Тихонов доволен:
его трактор здоров

ши домов и занесены снегом дорожки, а подъезд к ремонтной мастерской совхоза всегда расчищен. Сюда подходят тракторы, грузовые автомашины. Здесь зимой готовят урожай.

Вот Алексей Иванович Тихонов плавно развернул свой «ДТ-54», и трактор, лязгнув заледенелыми гусеницами, замер, остановился в моечном отделении — самом первом в центральной ремонтной мастерской совхоза.

Сильная струя горячей воды из очистителя ударила в гусеницы, и через несколько минут трактор переполз в следующее отделение — на пункт технического обслуживания.

«ДТ-54» у Алексея Ивановича — трактор-«долгожитель», год его рождения — 1958. И потому прежде всего надо выяснить, здоров ли трактор.

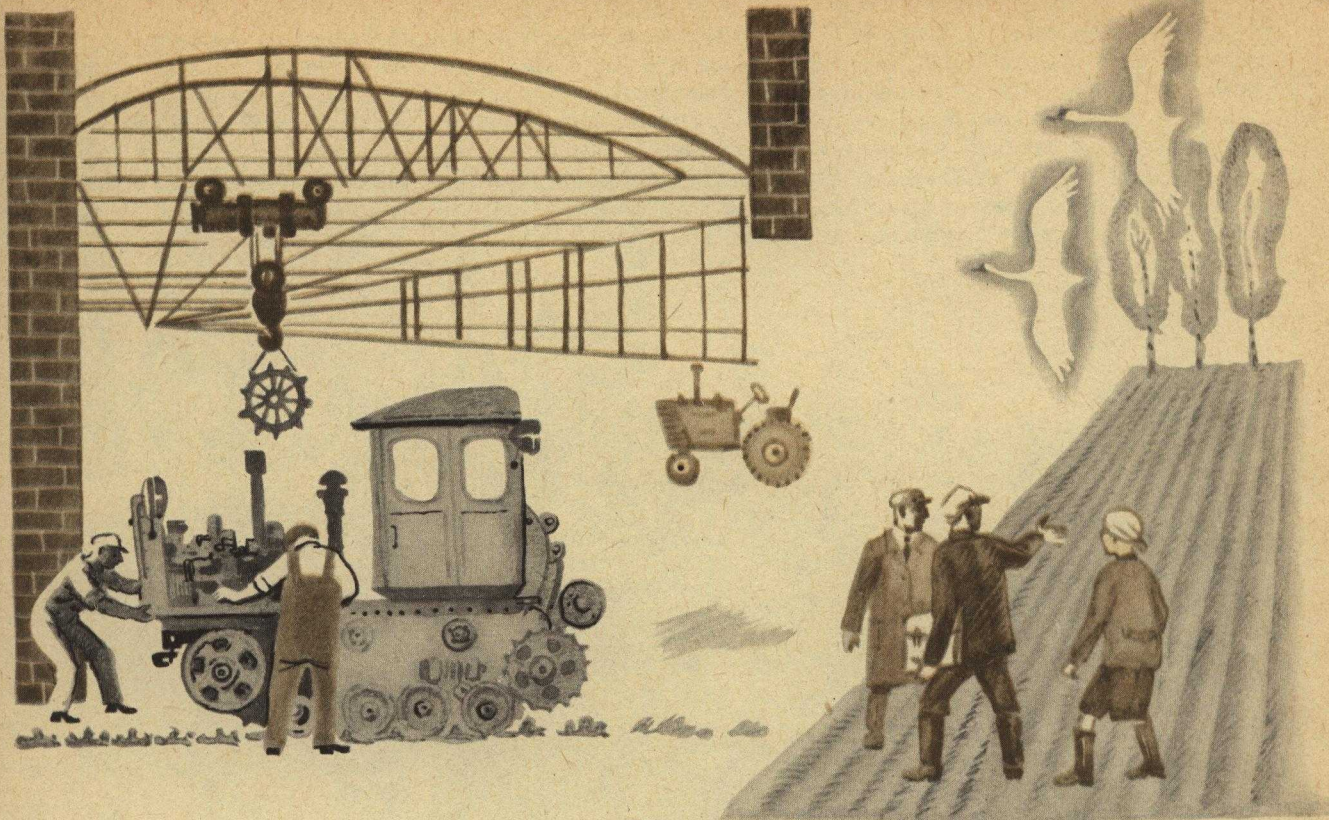
На пункте технического обслуживания вымытый «ДТ-54» тщательно обследует доктор для тракторов, его называют здесь мастером-диагностом.

У Николая Андреевича Куликова, мастера-диагноста совхоза «Ленсоветовский», кавалера ордена Трудового Красного Знамени, как у всякого доктора, множество инструментов.

Помнишь стетоскоп, трубку для выслушивания, которую врач приставлял к твоей груди?

У Николая Андреевича — моментоскоп. Этим инструментом он «слушает» сердце трактора — его мотор. С помощью приборов (а среди них немало придуманных совхозными изобретателями) Николай Андреевич проверяет у трактора натяжение ремня вентилятора, исправность подшипников передних и задних колес, трансмиссии. Показания приборов он записывает в журнал, так же, как врач — в историю болезни. Теперь наш «ДТ-54» пройдет через все отделения ремонтной мастерской и в каждом по записям в журнале ему окажут помощь.

А бывает, что трактор совершенно «здоров», может еще поработать без ремонта.



Тогда его сразу выписывают из мастерской.

Помогает Николаю Андреевичу совхозный кузнец — Иван Кириллович Кошталеv, которого называют мастером — золотые руки. На груди совхозного кузнеца орден «Знак Почета». Слава ему и хвала!

Случается, в начале лета только появятся всходы моркови и свеклы, а их уже обгоняют сорняки. На огороде сорняки выпалывают. А на полях в десяток гектаров? Пока от начала до конца поля пройдешь, согнувшись, и лету конец, а вместо моркови вырос лес чертополоха.

Иван Кириллович вместе со сварщиком Георгием Богдановичем Шефом, заведующим машинным двором, рационализатором Николаем Никифоровичем Вороновым придумали и сделали очень, казалось бы, простую вещь. Заточили старые диски от бороны в виде звездочек, установили их на оси в раме по семь дисков на каждый барабан, все

это — на культиватор и — берегись, чертополох!

Инженер совхоза Борис Викторович Вол рассказывал, что земли совхоза «Ленсоветовский», расположенные в пригороде Ленинграда, в Приневской низменности, слишком влажные, тяжелые, суглинистые, водонепроницаемые. Стоит немного замешкать с посевной, и земля покроется же-

сткой коркой, а урожай тогда вдвое ниже обычного.

Вот почему перед началом весеннего наступления на машинном дворе выстраивается больше сотни ревущих тракторов. В это время совхоз напоминает армию, готовую к атаке.

— И все трактора сразу выходят в поле? — спрашиваю я.

— Не все, — отвечает Борис



Совхоз „Ленсоветовский“

Викторович, — много машин работает уже задолго до посева. Первое наступление, разведка боем, начинается в феврале, когда готовят весенние теплицы для выращивания рассады капусты. Затем тракторы с прицепами вывозят

С его помощью можно хорошо разрыхлить борозды, причем на большую глубину, это особенно важно при здешних тяжелых почвах. Вода не застоит на поверхности, влага проникнет к корням, и урожай капусты намного увеличится.

И тут... на помощь приходит еще одна находка совхозных умельцев: компрессор от старого списанного автомобиля установили на двигателе газика, и за несколько секунд он накачивает баллон. И трактор снова на ходу.



удобрения: почти 80 тонн торфо-минеральных компостов на каждый гектар!

Потом бригада овощеводов оберегает капусту от вредителей и сорняков. Если вовремя нет дождя, поливают капусту с помощью дождевальной установки «Волжанка».

Чтобы полить, прополоть, сохранить и вырастить капусту, нужны десятки машин и приспособлений. Придуманы и сделаны такие приспособления были заранее.

При посадке капусты надо вместе с водой внести под корень рассады минеральные удобрения и серу — целую аптечку. А ведь под капустой заняты в совхозе сотни гектаров: белокочанная, цветная, савойская, кольраби...

Знакомые нам совхозные рационализаторы создали особую установку. Минеральные удобрения, серу смешивают с водой в специальных баках на посадочных машинах.

Вот пришло время капусту окучивать. Сотни лет люди на своих делянках окучивали овощи тяпками, мотыгами, кетменями. Но такими инструментами поля совхоза не обрабатывать!

И опять совхозные рационализаторы выручили — они предложили свой окучник.



Кузнец
Иван Кириллович Кошталев,
мастер — золотые руки

Иной раз прямо на борозде у трактора спускает камера. Быстро заклеивают баллон и — за ручной насос, накачивать.

Теперь в совхозе, как на большом заводе, созданы цехи.

Главный агроном руководит цехом растениеводства. Этот цех отвечает за урожай капусты, свеклы, моркови.

Цехом животноводства командует главный зоотехник. Его забота — удои, привесы, корма.

Главный инженер совхоза возглавил цех механизации и электрификации. Он следит, чтобы в любое время любая машина была наготове.

* * *

Отремонтированные еще зимой комбайны, культиваторы, сеялки, дождевальные машины, смазанные, поблескивающие свежей краской стоят на просторном забетонированном совхозном машинном дворе, готовые к выходу в поле.

Жаркий летний полдень. Совхозный грузовик, груженный капустой, выехал на шоссе, обогнал гремящий вдоль обочины «ДТ-54» и влился в поток автомашин.

Готовь сани летом, а телегу зимой. Пословица старая, но не устаревшая: урожай готовили зимой.



„КОМИ-ПИОНЕР”

уходит в рейс

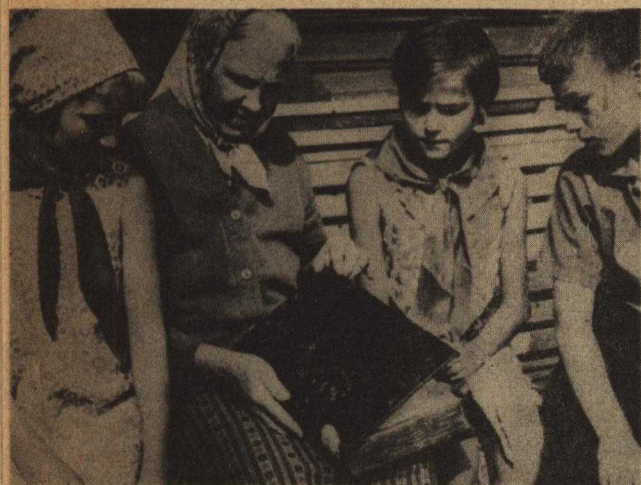


Этому пароходу не разрешается выходить в море. Составились его машины — более полувека бороздил воды Северной Двины пароход «Иван Каляев», — старое название «Коми-пионера».

Счастливая судьба у парохода. Теперь им распоряжаются юные моряки Сыктывкарского Дворца пионеров. Согласилось Северное речное пароходство не пускать пароход на слом, отдать ребятам. Сначала они думали встать на причал где-нибудь в красивом месте, отдыхать в каютах во время каникул. Потом пришло верное решение: «Пусть еще поплавает «старичок»!» Засучив рукава, переделали полы в каютах, покрасили переборки, даже машины подремонтировали.

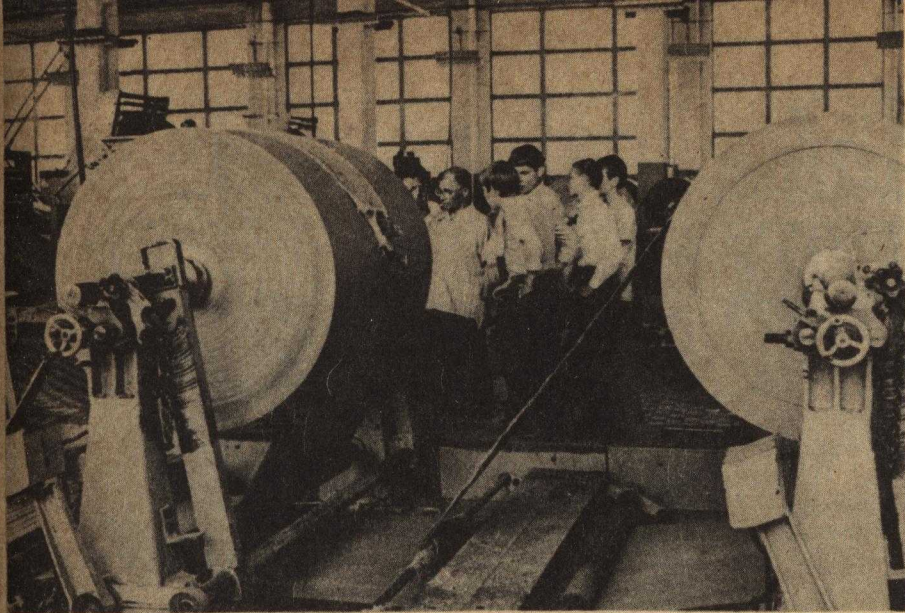
Пассажиром этого парохода может стать не каждый, а только тот, кто учится хорошо, любит спорт, занимается общественной работой. На палубах «Коми-пионера» не бывает равнодушных!

«Коми-пионер» не пересекает экватор, а вот границу своей республики ему случается пересечь. Этот момент забываем.



В ярких самодельных костюмах встречают ребята хозяина рек и озер — Нептуна (это его скромная современная должность на Северной Двине!). Нептун не ленится, придирчиво принимает концерт художественной самодеятельности, вершит суд над провинившимися во время путешествия... После игр и веселья Нептун выдает разрешение следовать дальше, назначенным маршрутом.





Хорошо на каникулах! Ну разве можно сравнивать какую-то дачную жизнь с долгими походами по рекам родного края?

Повсюду, где пассажиры сходили на берег, они оказывались очень нужными людьми, везде требовалась их помощь.

...В совхозе «Палевецкий» сажали и пропалывали капусту, убирали с полей камни — расчищали путь машинам, косили сено.

Посетили Жешартский фанерный завод, побывали на Котласском целлюлозно-бумажном комбинате. Эти экскурсии послужили на пользу ребятам: они ловили каждое слово рабочих. Еще бы! Надо будет потом рассказать тем, кто не попал в этот рейс.

В селе Ломоносово ребята самым внимательным образом рассмотрели все книги, которые еще мальчиком мог держать в руках Михайло Васильевич Ломоносов. Прошли — даже самые маленькие ребята — пешком по проселочной дороге, по которой когда-то шел Ломоносов.

Знать историю своего края, готовиться стать хозяевами на родной земле — этому учит ребят путешествие на любимом пароходе «Коми-пионер».

*В. Шутьгин
Фото автора*



В МАМАЙСКИХ КАМЕНОЛОМНЯХ

ЭПИЗОД ИЗ БИОГРАФИИ Д. И. УЛЬЯНОВА

Р. Хигерович

Рисунки П. Кузнецова



До последних дней своей жизни Дмитрий Ильич сохранил превосходную память. Он охотно рассказывал о В. И. Ленине, рассказывал удивительно просто, со множеством точных наблюдений, ярких деталей. Те, кому посчастливилось слышать самого Дмитрия Ильича, навсегда запомнили образ Ленина таким, каким видел его младший брат и соратник по партии.

Но о себе самом Дмитрий Ильич говорил и писал скупой, неохотный.

Д. И. Ульянов прошел трудный и прекрасный путь большевика-ленинца. Он был участником II съезда РСДРП и организатором большевистского подполья на юге России. Он четырежды сидел в царских тюрьмах, в том числе в печально знаменитых московской Таганке и киевской Лукьяновке. Он руководил борьбой за Советскую власть в Крыму и положил начало созданию там Всесоюзной здравницы.

Однажды я узнал, что в Симферополе живет человек, хорошо знавший Дмитрия Ильича в годы гражданской войны. В Симферополе и состоялась встреча с Александром Ивановичем Находкиным, старым коммунистом, у которого «за плечами три войны и три революции», и его женой Полиной Васильевной, тоже знавшей Дмитрия Ильича в ту давнюю пору.

Сейчас Александру Ивановичу 89 лет, а Полине Васильевне 76.

...Я слушал их рассказы, смотрел старые фотографии. И оживали события далекого 1918 года, когда, по указанию партии, земский врач Д. И. Ульянов остался на захваченной интервентами Крымской земле, только перебрался из Феодосии в Евпаторию, где его меньше знали.

Короткий декабрьский день сменили сумерки. Отпустив последнего пациента, Дмитрий Ильич устало присел на жесткую больничную кушетку и закурил папиросу. Сегодня на прием пришло еще больше больных, чем в предыдущие дни. Добрая слава о враче евпаторийской земской больницы распространилась по городу и уезду. Это было и хорошо и плохо. Плохо потому, что Дмитрий Ильич не хотел обращать на себя излишнее внимание.

В дверь постучали. Вошел высокий молодой человек в форменной инженерной тужурке. На его худощавом лице бросались в глаза аккуратно подстриженные и подкрученные черные усики.

— Простите, доктор, за поздний визит. Разрешите представиться: Александр Иванович Терпигорев, представитель фирмы Классен, сельскохозяйственные орудия и различный инвентарь. Нуждаюсь в медицинской консультации, если позволите, посетую вас на квартире.

— Частной практикой не занимаюсь, — сухо сказал Дмитрий Ильич.

— Ну, а если вас об этом попросит аптекарь Анатолий Цигельман?

— Цигельман сведущ в медицине, следует выслушать его соображения, — уклончиво ответил Дмитрий Ильич.

Он хорошо знал провизора Цигельмана. Аптека Рафе, где тот работал, была местом встреч евпаторийских подпольщиков. Но аптекарь ничего не говорил о представителе фирмы Классен.

Человек, назвавшийся Терпигоревым, пришел в домик на Степной улице, где квартировал Дмитрий Ильич, через два дня. На сей раз гость был немногословен. Он снял ботинок, извлек из-под стельки мандат, напечатанный на полотне, на имя Находкина Александра Ивановича. Внизу стояли хорошо известные Дмитрию Ильичу подписи В. Антонова-Овсеенко, Ф. Сергеева (Артема) и В. Затонского.

— Чем могу быть полезен? — спросил Дмитрий Ильич.

— Отряд Петриченко «Красные каски», знаете, обороняется в Мамайских каменоломнях. Сотни две с половиной мужчин и женщин, много раненых и больных, побывавших в застенках белогвардейской контрразведки.

— Только ли медицинская помощь нужна? Оружия хватает?

— Где там, — развел руками Находкин.

Дмитрий Ильич задумался.

— Пожалуй, смогу помочь с переброской оружия. План такой. Я осуществляю саннадзор за городской бойней. В ближайшие дни подберем надежного человека, он повезет на свалку тушу, зараженную сапом, так будет написано в справке, понятно? На заставах его не остановят... А как помочь раненым? К раненым с вами поеду я. Повезем медикаменты, прооперируем. Из женщин организуем санитарную дружину. Решено?

— Опасно вам, товарищ Ульянов. Попадете — все припомнят.

— Припомнят, — согласился Дмитрий Ильич. — Ваша забота, чтоб не попались.

— Да, забота... Отправимся в воскресенье, как стемнеет, часам к двенадцати ночи будем на месте. Согласны?

— Согласен.

Огненные отблески прыгают по стенам подземной штольни, где еще недавно добывали желтый ноздреватый евпаторийский ракушечник. Чадающий факел тускло освещает необычный лазарет, у стены на соломе, укрытые одеялами и шинелями, лежат люди. В центре штольни на деревянном топчане, под белой простыней ждет операции раненый партизан. Три женщины с марлевыми повязками на лицах заканчивают приготовления, хирург в белом халате тщательно моет руки над тазом. Вошла еще одна женщина с зажженной керосиновой лампой.

— Вот, Дмитрий Ильич.

— Хорошо. Факел отодвиньте, от него копоть, лампу держите так. Противостолбнячную сыворотку ввели?

— Сделали, как вы показывали, Дмитрий Ильич.

— Отлично. Ну-с, герой, начнем. Не боись?

Раненый, молодой парень с искаженным от страданий лицом, отрицательно мотнул головой.

— Молодец. Больно не будет. Шприц!

В протянутую руку хирурга кто-то вложил шприц.

— Выше лампу, правее... Так держите.

Несколько обезболивающих уколов. Больной дышит ровнее.

— Начинаем. Скальпель.

Одна за другой короткие команды:

— Зажимы Кохера!..

— Зажимы Пеана!..

— Крючки!..

— Пинцет!..

И будто в настоящей операционной, в руках хирурга послушно появляется нужный инструмент. Притихли больные на соломе, слышно лишь чадное потрескивание факела.

— Вот она, голубушка.

На ладони врача маленький окровавленный кусочек металла — пуля.

Закончена обработка раны.

— Бинтуйте, Мария.

Быстро и умело одна из женщин накладывает на рану повязку. Из темноты возник Находкин.

— Пора, Дмитрий Ильич. Только-только управимся до рассвета.

— Еще десять минут, Александр Иванович.

Вымыл руки в тазу, на ходу вытирая их, подошел к лежащим у стены больным и раненым.



Д. И. Ульянов



— Несколько слов, товарищи. В мире происходят большие события. И как вам ни трудно, чудовищно трудно здесь, в подполье, в окружении белогвардейщины, коротко рассказать об этих событиях. В Германии вспыхнула долгожданная революция. Вильгельм II бежал в Голландию. Германия дальше воевать не может. Станет ли от этого сильнее Антанта, которая до сих пор хозяйничает в нашем Крыму? Нет, друзья. Англия и Франция поняли, что революция стучится в их собственные двери.

Поодиночке и группами подходили партизаны, колеблющийся свет факела выхватывал из темноты лица внимательно слушающих людей.

— Так вот, о наших с вами делах. Недавно в Симферополе состоялась общекрымская подпольная партийная конференция. Принято решение — готовиться к вооруженному восстанию. Вот так, товарищи! Когда оно начнется? Это зависит от срока наступления Красной Армии на Крым. Могу вас заверить, срок близок... Все пока. Постараюсь приехать сюда дней через пять. Привезу медикаменты. До свидания, друзья.

Вышел из каменоломни наружу. Сырая, черная, беззвездная ночь. Фыркают невидимые в темноте лошади.

— Ну, будьте здоровы, товарищ Петриченко. Все, о чем толковали, передам ревкому.

Крепко пожал руку Ивану Никифоровичу Петриченко, рабочему-большевику, командиру партизанского отряда «Красные каски». Сел в бричку рядом с Находкиным.

— Трогай, Александр Иванович.

Бричка подпрыгивала на колдобинах, но шла ходко. Каменоломни остались далеко позади.

— Закуривайте, если желаете, последнюю, Дмитрий Ильич. Как повернем, уже нельзя будет. — И укоризненно качнул головой: — Много вы курите. Ведь вредно?

— Вредно, — согласился Дмитрий Ильич, чиркая спичкой.

Озарилось лицо Находкина, напряженно вглядывающегося в темноту, серебряные молоточки на форменной фуражке, щегольские усы.

— Когда ты, Александр Иванович, свои пшютовские усы сбреешь?

— Нельзя обличие менять, сами знаете. Вот выйдем из подполья, pošлю я своего Класе-на к черту и усы заодно.

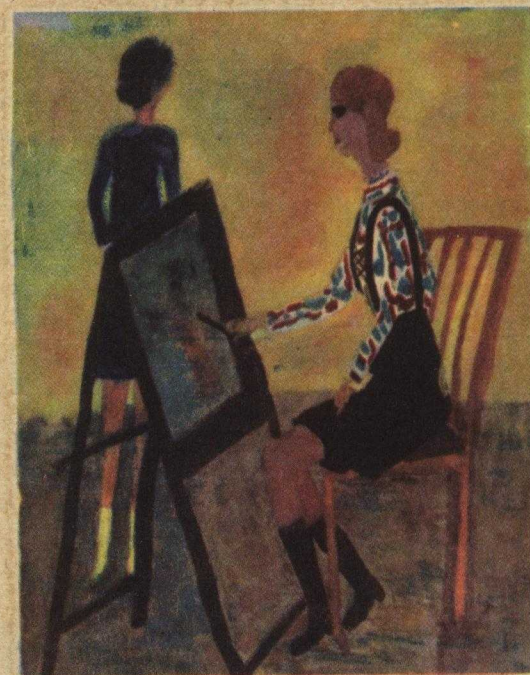
Четыре поездки запомнил Александр Иванович Находкин.

В марте 1919 года началось наступление Красной Армии. 11 апреля были освобождены Симферополь и Евпатория. Созданные ревком-ами боевые отряды изнутри взрывали оборону белых. 28 апреля в Симферополе открылась Крымская областная партийная конференция, а 5 мая закончилось формирование Временного Рабоче-Крестьянского правительства Крымской Советской социалистической республики. В тот же день была послана телеграмма:

«Москва, Совнарком, Ленину...»



ПРОВЕРКА
ДНЕВНИКА

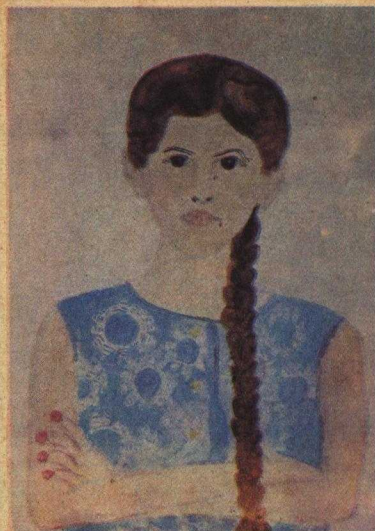


В
ИЗОСТУДИИ



УКОЛЫ

ВЕСЕЛЫЕ КРАСКИ ЛИЛИ САХНО



ПОРТРЕТ СЕСТРЫ ТАНИ

...Можно тысячу раз смотреть на цветы, на деревья, на облака над городом, но не у каждого есть способность удивляться привычным вещам, видеть их по-своему.

— Какая смешная, похожа на продавца пива, что торгует на улице! — говорит человек, глядя на уродливую картофелину.

Увидел иву, склонившую ветви над рекой, и загрустил:

— Какое печальное дерево, как грустно поникло оно!

А ведь ни картофелина, ни дерево сами по себе не бывают ни грустными, ни веселыми. Это человек наделяет их своими мыслями, своими чувствами.

А если человек еще наделен талантом живописца, то тогда все мы получаем возможность увидеть и пережить то, что взволновало художника. Происходит чудо!

Я подумал об этом, когда был на выставке детских рисунков в белорусском городе Могилеве.

В одном углу все время толпился народ, я протискался поближе и увидел подпись: «Лиля Сахно. 8 лет. Изостудия Дворца пионеров».

Что же в ее работах при-

влекло внимание? Она пишет и рисует события, хорошо ей известные: «Двойка!» или трагическое «Уколы!», и поэтому — посмотрите, как много в ее работах верно подмеченных деталей. Немало возмущался папаша, когда увидел дневник своего сына-лоботряса. И только верная собачонка жалеет лодыря. А как разбегаются мальчишки от укулов! Один даже под топчан полез!

Вы скажете, так не бывает? И вот тут мы сталкиваемся с еще одним удивительным свойством искусства: когда художник точно знает явление, он может и преувеличить — мы ему поверим! Какие страшные двойки, на целую страницу, сияют в дневнике, какие ручьи слез льет мальчишка, которому сделали укол! Так не бывает, но мы верим Лиле потому, что смотрим на события ее глазами. Лиля Сахно смеется над двоечником, смеется над тем, кто боится укулов! Интересно, а сама она укулов не боится? Наверное, и ей идти в медицинский кабинет страшно. Но смех сильнее страха. Смешно, значит, не страшно.

Что же помогает художнику донести свое чувство юмора до

зрителя? Говорящие краски! Посмотрите, какой радостный колорит в ее акварелях! Голубые, желтые, красные тона в ее палитре! Самые веселые краски. Еще не знаешь, о чем пойдет речь, а уже становится весело!

Лиля делает только первые шаги в рисовании, еще совсем недавно привела ее в изостудию старшая сестра, но она пристально всматривается в то, что пишет, и совершает маленькие открытия. Вот, например, она догадалась, что цвета в природе дробны. Вспомните — даже белый лист бумаги несет в себе массу оттенков. Рядом с красным яблоком лист розовый, рядом с синей промокашкой — голубой.

Лиля пытается, как говорят художники, разбирать цвет. Посмотрите, как интересно написаны стены в акварелях, как пытается она рассмотреть цвет паркета...

У Лили еще не очень послушные руки, не слишком верная кисть. Но ведь художнику всего восемь лет, он еще не может всего уметь.

Погодите, придет время, научится!

Борис Алмазов

РЫБА

Р. Погодин

РАССКАЗ

Рисунки Н. Лямина

Носовой кубрик оказался маленьким помещением в форме треугольника. По сторонам рундуки, над ними подвесные койки, стол чуть сбоку, чтобы не загораживал проход. Блестит стол желтым лаком. Четверо рыбаков «козла» забивают. Остальные на койках и рундуках.

— Вот дело! — воскликнул игрок в «козла», сухолицый и долгоносый. Глаза его смотрели на ребят с усталой печалью. — Гляди, мореходы, щенят привели.

Рыбаки заворочались, приподняли головы.

— Пускай у вас посидят. — Захар поискал кого-то глазами, не нашел, спросил у долгоносого: — Голощекин, бригадир где?

— Бригадир в кормовой кубрик пошел. Он, дело, табачного духа не выносит. Голова у него закружилась.

— Дух есть, — согласился Захар. Мальчишкам приказал: — Сидите здесь. Надо бы вас в кормовой кубрик перевести, там насчет воздуха легче. — И ушел, бухая по трапу тяжелыми сапогами.

Женька косился на Куницу, он его озадачивал — молчит, улыбается как дурак, сказал бы хоть что-нибудь для знакомства.

Молодой рыбак на нижней койке напротив стола потеснился, он читал книгу, лежа на животе:

— Куница, садись. И ты присаживайся.

Ребята сели на краешек.

Голощекин смотрел на них, его тоскливые глаза щурились, словно от дыма.

— Мореходы! — вдруг выкрикнул он, грохнув кулаком по столу. — Я волнуюсь. Вдруг среди них урсус. Говорите, урсусы вы или нет?

— Не знаем, — Женька простодушно пожал плечами.

Рыбаки дружно загоготали. Куница хихикнул. Женька на него разозлился.

— Вы скажите сначала, что это? Я тоже могу вопросик задать.

— Урсус есть урсус, — серьезно сказал Голощекин. — Нужно было предметы проходить в школе. Какие у тебя отметки по табелю? Двойки, наверное.

Женька вскочил возражать, но Куница потянул его за рубашку, он улыбался, широко растягивая рот. Рыбак, читавший за их спинами книгу, спросил с интересом:

— Голощекин, как узнать, кто урсус?

— Дело, — с готовностью ответил Голощекин. — Урсус чем отличается? У него на заднем хвостик, как у поросенка, колечком. А ну, ски-

дывайте штаны! — Голощекин вылез из-за стола, был он высоким и каким-то усталым, усталость была и в его одежде. — Давайте быстрее, пошевеливайтесь. Кто урсус, того в море выброшим.

Куница с веселой готовностью потянул тренировочные штаны книзу. Женька сжал кулаки. Голощекин вращал глазами, в них, только что тоскливых, зажглось что-то зловещее. Рыбаки хохотали. Парень, у которого они сидели на койке, охал.

Голощекин схватил Женьку.

— Сначала этого поглядим. Куница нам досконально известен.

Женька бросил на Куницу растерянный взгляд — Куница сидел, как захваченный действием зритель. В груди у Женьки похолодело. Уцепившись за верхнюю койку руками, он подтянул колени к животу и резко выбросил ноги вперед, Голощекину в поддыхало. Не ожидавший такого поворота Голощекин охнул и сел на пол. В кубрике стало тихо, слышно было только, как Голощекин с трудом заглатывает воздух. В этой тишине прозвучала фраза:

— Ты что, шуток не понимаешь?

— А что? — закричал Женька. Он повернулся к Кунице, Куницыны глаза были опущены:

— Шутка же была, ясное дело. Худо-бедно, тебя же никто не хотел обидеть...

Голощекин поднялся, он был каким-то сломленным, мешком сел за стол, взял кости. Женька посмотрел вокруг исподлобья. Парень, у которого они сидели на койке, читал книгу, остальные рыбаки — кто дремал, кто одежду чинил. Голощекин выкинул кость, пристроил ее поперек в конце ряда:

— Кончай, мореходы. Считай рыбу.

Игроки завозились, забормотали, подсчитывая проигрыш, и вдруг тот же Голощекин спросил:

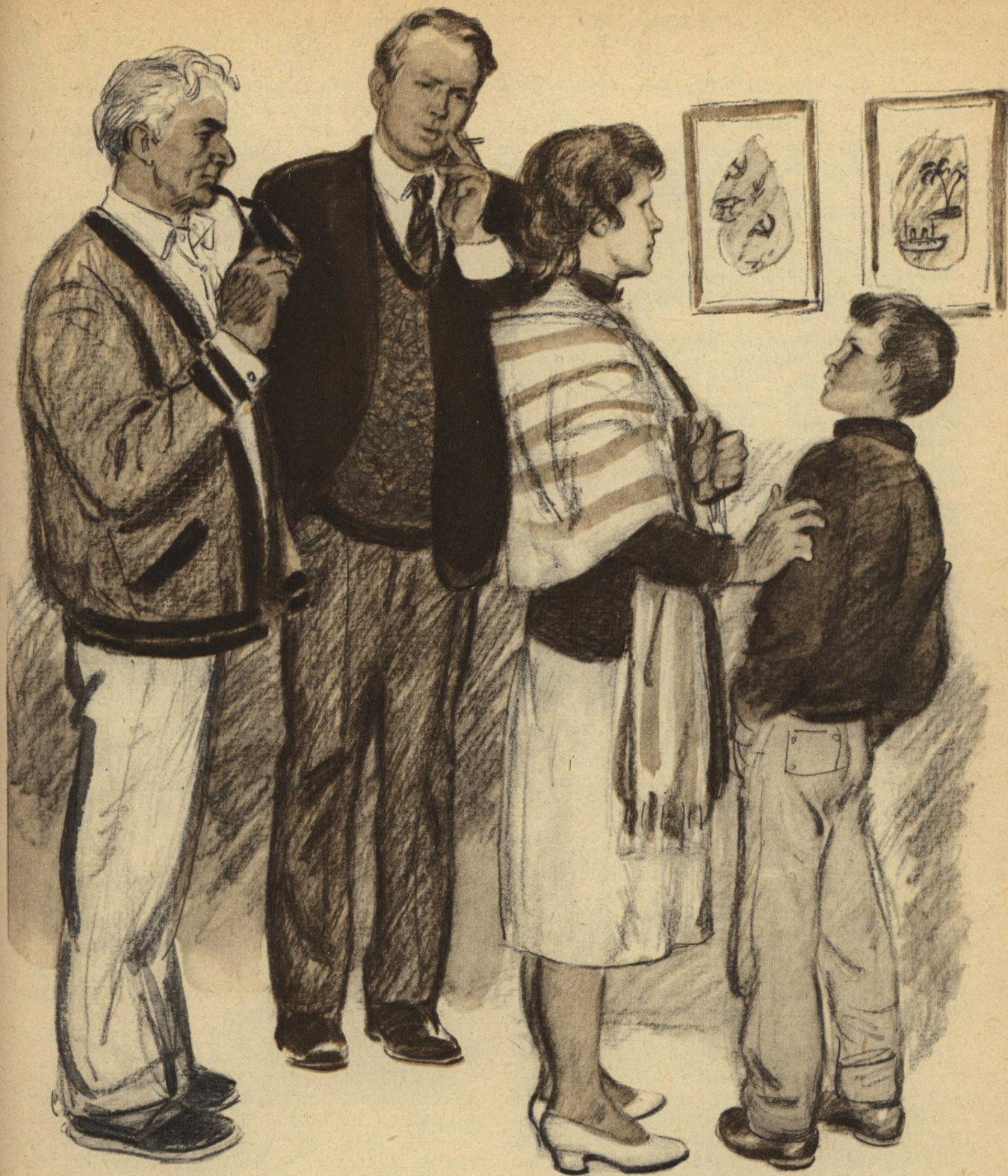
— Мореходы, такой вопрос. У рыбака рыба, когда удача. В домино рыба, когда неудача. Парадокс... — Голощекин уставился в угол кубрика, словно увидел там что-то давно им утраченное. И вдруг сказал удивленно: — Мореходы, золотая рыбка — это любовь.

— Будет тебе, — возразил пожилой рыбак с верхней койки, в его словах была едва приметная жалость. Молодой парень, читавший книгу, посвистел и объяснил:

— Любви как таковой нету.

— И все же любовь... Смотри, все, что просил старик — все для своей старухи. Старик ее до своей беззаветной любви поднять хотел.

Окончание. Смотри «Костер» № 7, 1974 г.



Старуха не поняла, не сдюжила. И ушла золотая рыбка...

Женька сидел насупившись, кусал губы, ему было неловко и душно, он жалел, что, поддавшись минутному вдохновению, пошел с Куницей. И вообще, рыба его уже не интересовала и море тоже.

— Пойдем наверх, — прошептал Куница, потянув его за рубаху. — Душно тут.

Мальчишки тронулись к трапу на цыпочках, но никто, хоть и видели весь этот маневр, не остановил их.

Незадолго перед Женькиным отъездом на Балтику бабушка пригласила их в гости. Почти месяц в бабушкиной квартире производился ремонт.

— Наверное, тапочки в прихожей дадут, — ворчал отец.

Мама сердилась.

— У них домработницы нет. Ведите себя как подобает.

Бывать у бабушки Женька не любил. Бабушка обязательно вставала в дверях гостиной и пропускала сквозь взгляд, словно сквозь турникет: Женьке всегда казалось, что она попросит билеты.

Бабушка собирала старинный фарфор. Когда в гостиную входил дед, бабушка настораживалась, ее глаза становились цепкими, как у наседки, следящей за ястребом. Дед входил шумно, размашисто.

— Ты видишь, куда она вколотила жизнь? — говорил он своему зятю. — В эти чашки с отбитыми ручками. — Дед грохался в кресло и нацеливал на бабушку сухой пожелтевший от никотина палец. — Это же не твое! Фарфор чужд твоему характеру.

— Зато у меня лучшая коллекция в Ленинграде. А ты работай, работай, — отмахивалась от него бабушка. — Ты ведь не человек, ты ученая лошадь. А я не согласна. Вокруг людей должна быть зона прекрасного, как зеленая зона вокруг городов. Ты даже в голову не можешь взять, что мой фарфор помогает тебе творить.

Коллекция у нее была выдающаяся — какой-то «имари», кинер, костяной фарфор и виноградовский, но Женька всем этим не интересовался, скучал, глядя на мерцающую за стеклами красоту.

...Дверь им отворил дед и никуда не повел дальше — прихожая у них была большая, бабушка называла ее холлом. В прихожей висела люстра, стояли кресла, темно смотрели со стен картины в тяжелых багетах.

Сейчас картин не было. В рамках, наклеенные на белую бумагу, пестрели разноцветные неровные лоскутки.

— Обои! — воскликнул дед, широко поведя рукой.

Из гостиной послышался вздох.

Дед пояснил:

— У нее мигрень. Понимаешь, — он всегда обращался к зятю, — всю жизнь из-за бабкиного фарфора мы делали ремонт как попало — наклеивали одни обои поверх других, не обдирая. А тут пришли мастера из «Невских зорь», три румяные девушки, сказали: «Жить нужно от штукатурки». Как зацепили девушки сверху, веришь, слой был больше сантиметра. Я из любопытства разделил обои над паром и получилась любопытная, понимаешь, картина. Смотрите сюда. Дом построен в тысяча восемьсот тридцать втором году. Эти обои помнили Пушкина. Приглядитесь — обои под штофную ткань. Теперь посмотрите сюда. — Дед ткнул пальцем в стену. — Самые наисовременные обои — самонаклеивающаяся полиэфирная пленка, выполненная тоже под штофную ткань со стереоскопическим эффектом.

— Где достали? — спросила мама.

— Бабка, — коротко ответил дед. — Ты меня слушай. — Он подтолкнул зятя под локоть. — Моя экспозиция показывает весь путь истории до наших дней. Вот обои, которые мы с бабкой наклеили в двадцатом году. — Дед подвел их к рамке, выкрашенной в красный цвет. — Гуашью покрасил, чтобы, как говорится, выделить. Первые советские обои!

На тонкой, почти газетной бумаге, на розовом поле темнели черные виньетки: серп и молот, наковальня и колосья. Виньетки чередовались с алыми розами.

— Красиво, — сказал отец.

— Красиво. И краски не выцвели, хоть и бумага плохая.

Мама прошла глазами по дедовой экспозиции, по обоям ковровым, сатинированным, на тисненой и меловой бумаге, вдруг она побледнела и каким-то торопливым и нервным толчком подалась к одной рамке. На обоях были изображены пальмы, ротонда и белый парход.

— Они у нас в блокаду были, — сказала мама неестественно звонким голосом. — Я их как сейчас помню.

— Да, — кивнул дед. — От них и сегодня пахнет блокадой, они же были законсервированы...

Женька глядел на побледневшую маму и пытался представить, что она думала тогда, совсем маленькая, когда рассматривала эти пальмы и пароходы. Она угасала, а пароходы плыли по стенам, туда, где хочется побывать каждому ребенку, — в теплое цветочное счастье, где дробятся хрустальные волны, улыбаются дельфины, порхают летучие рыбы и где-то в сплетении теней возле красных кораллов стоит лупоглазая рыба-луна.

На палубе было пусто. Небольшая волна шлепала в борт, не создавая ощутимой качки. Женька подумал: «Дурацкое море. И рыба в нем не иначе дурацкая, килька какая-нибудь...» Потом его пообдуло, и он успокоился вроде.

В рубке сидели рулевой Захар и еще один, белокрысы и краснощекий.

«Наверное, рыбий жир пьет, — подумал Женька. — Ишь какой бело-розовый...»

— Капустин! Это радист! Капустин! — закричал Куница, радостно приплясывая. — Капустин, ты где был?

— Где был, там и был, — ответил Капустин так же радостно. — А ты зачем тут? Ну, ты даешь!

Куница на вопрос не ответил, подтолкнул вперед Женьку.

— Знакомься, Капустин, это Женька из Ленинграда. Ничего парень, обидчивый только.

— А что они насмежаются? — Женька вернул было свою обиду в сердце, оно у него больно сжалось, но Женька пересилил себя и спросил, глядя в добродушные лица моряков: — Что такое урсус?

— Суеверие вроде. Байки рыбацкие. Если новый человек на судне, нужно его проверить на предмет хвоста. Урсус, он с дурным глазом — рыбу от корабля отводит. Это все шутки, для смеха. Морякам в море смех нужен...

— Это не смех, а насмешка.

— От характера зависит, — сказал Капустин. — Смех не грех, на душу не давит. Садитесь на рундук. — Капустин подвинулся, освобождая ребятам место на штурманском столе.

В рубке свистнул кто-то. Ребята оглянулись. Радист Капустин наклонился к трубке у стены и свистнул в ответ.

— Капустин, включай прибор, — прогудела трубка. — В квадрат пришли.

— Есть! — ответил радист. Подошел к висящему на стене эхолоту, включил его. Прибор зашелкал, рычажок-самописец пошел вверх-вниз, рисуя на бумажной ленте кривую линию.

Капустин поманил мальчишек рукой.

— Смотрите сюда. Видите — линия. Эхолот пишет дно. Вон какие шпильки вырисовывает. Дно неровное, каменистое.

Сигнал эхолота пронзал толщу воды, отражался от донных камней и спешил обратно. «Чистая вода. Пусто под днищем», — чертил самописец.

Но вот сигнал наткнулся на что-то живое, колеблющееся. Тотчас на ленте затемнело густое широко растянутое пятно.

— Рыба!..

Перо самописца обозначало рыбу чуть ли не у самой поверхности. Куница водил языком по пересохшим губам. Женька почувствовал, что и у него губы сухие и жаркие.

— Плотная рыба! — крикнул радист в разговорную трубку и повернулся к ребятам. — Бегите, ты в носовой кубрик, ты — в кормовой.

Куница и Женька выскочили на палубу и, еще не добежав до люков, ведущих в кубрики, закричали:

— Рыба! Рыба!

— Плотная рыба!

Рыбаки грохотали по палубе тяжелой обувью. Резиновые фартуки на них, брезентовые рукавицы — казалось, люди собираются ковать раскаленный металл.

— Рыба! — кричал Женька, пересиливая боль в ссохшемся от волнения горле.

— Рыба! — кричал рядом с ним Куница.

Из каюты вышел капитан Малыгин.

— Эй, ерши. Марш за мной. Не толпитесь у рыбаков под ногами.

— Мы тоже работать станем, — возразил Женька.

— Нечего сейчас работать. Потом нарабатывается. — Капитан полез на спардек. Ребята за ним. — Стойте здесь. Внизу вас сомнут. — Капитан оставил ребят на спардеке, сам поднялся на мостик.

Куница облокотился на леер.

— Сейчас здесь все по ролям расписано. Нам делать нечего... — В голосе у него слышались грусть и тревожное возбуждение.

Капитан стал у рулевого колеса, сменив своего старпома. Механик Коля включил на столе мощную лампу, она выхватила из темноты кусок моря, черно-литого и маслянистого.

Эхолот все шелкал и шелкал...

«Рыба! Рыба! Плотная рыба!» — Женька повторял эти слова про себя, как припев к тревожной древней песне, у которой не было слов и мелодии не было — только ритм, напрыгающий сердце. — «Рыба! Рыба! Плотная рыба!»

Сейнер делал маневр, заходил на косяк сбоку. В ялик, с которого ребята проникли на судно, прыгнули двое: Захар и полураздетый парень Юрий, у него они сидели на койке. Захару подали бидон с мазутом. От винта шли буруны. Ялик скакал на волнах. Захар запалил факел. Оранжевые лоскуты огня летели за сейнером, долго не угасая.

Рыбаки стояли вокруг поворотной площадки, развернутой роллом к корме.

— Отдать кляч! — скомандовал бригадир, коренастый и бритоголовый, теперь все на судне, и капитан в том числе, подчинялись его командам.

Гребцы развернули ялик лагом к корме. Громадный кошельковый невод посыпался в темную воду. Он стекал бурным потоком, грузила тянули его нижнюю кромку на дно, верхняя кромка покачивалась на поплавках — ячеистая капроновая стена огибала рыбу кольцом — сейнер давал круг.

Когда судно и ялик сошлись, бригадир отдал команду подтянуть нижнюю подбору, тогда невод соберется кошельком и некуда будет деться рыбе. Лязгнула и зарокотала лебедка, затягивая кошелек.

— Суши! — крикнул бригадир.

Механик Коля передвинул рычаги на лебедке, невод пополз на поворотную площадку, извиваясь между турочками. И вдруг бригадир закричал:

— Стой!

Стало тихо. Отчаянная салака прыгала из кошелька в чистую воду через поплавки.

Голощекин глянул снизу на спардек, на мальчишек.

— Эй, дело, чем так стоять, хватали бы рыбу шапками. Рубли через сетку скачут.

Захар на ялике размахивал факелом, он почти окунулся в воду, что-то рассматривая. Потом плюнул, передал факел Юрию и еще ниже свесился. Рыбаки на сейнере заволновались.

— Суши руками, — скомандовал бригадир. Мимо ребят пробежал капитан.

— Мадиквал, — прошептал Куница. — Пошли. Теперь всем работа.

Мальчишки скатились вниз, стали в один ряд с рыбаками, вцепились пальцами в мокрую сеть.

Бригадир выжидал, когда борт сейнера опустится на волне, тогда и командовал:

— Р-разом!

Рыбаки тянули все разом. Волной поднимало борт, подтаскивало невод из воды, рыбаки повисали на нем, стараясь сдержать его тяжесть.

— Что это «мациквал»? — спросил Женька у механика Коли.

— Самая му́ка для рыбака...

— Му́ка, когда рыбы нет, — проворчал кто-то. — Когда рыба — пусть мациквалит.

Рядом с Женькой, по другую сторону, стоял Голощекин.

— А, дело. — Он подмигнул Женьке. — Ну, теперь скажи, что ты не урсус. Из-за вас с Куницей невод скрутило.

Бригадир крикнул:

— Разом!

Рыбаки на едином вздохе потянули невод. Сейнер тяжело поднял борт, его как бы опрокидывало тяжким грузом.

— Что, если дель порвало? Уйдет рыба в море, — сказал Голощекин.

Невод посунулся вниз, команда не смогла сдержать его тяжести. Женьке защемило пальцы. Он зажмурился от боли, боясь кричать. Чьи-то руки спокойно подобрались к его онемевшим пальцам, взяли вес на себя: с одной стороны Голощекин, с другой Коля, механик.

— Разом! — скомандовал бригадир.

Круг поплавок сужался. Рыба в кошельке кипела, бурлящая вода словно выпаривалась, сгущаясь в серебряное сусло. Проектор со спардека бил в него белым жестким лучом. Вода вокруг невода стала похожа на пузырчатое стекло, что-то вспыхивало в ней драгоценными искрами, то алмазными, то изумрудными, голубыми и гранатовыми.

— Чешуя, — сказал Голощекин. — Рыбья чешуя.

Рыба бурлила уже у борта.

— Хотя бы тонн десять взять. — Голощекин всхлипнул, будто чихнул. — Я слезой истеку. Ишь как она через подбору скачет. Дело. Тяни. Р-разом!

Невод вдруг ходко пошел.

Механик Коля плюнул, дернул руками, словно стряхнул с них налипшую грязь.

— Дыра!

Голощекин тоже выпустил сеть.

— Ну, дело, принесем жертву моряцкому богу. Бросим в море щенка, что помельче. Эх, да за такое хорошее пусто-пусто и обоих не жалко. — Он схватил Женьку за плечи, но Женьке было и не страшно, и не обидно, он бы тоже кого-нибудь бросил или сам бросился от досады и злости.

— Как, дыра? Какая дыра! Почему дыра? — закричал Женька.

Голощекин отошел от борта, сел, прислонясь спиной к дверям камбуза, закурил сигарету.

— Шабаш.

Бригадир разминал пальцы. С них текла кровь.

— Коля, включи машину. Полегоньку. А то и остальную дель порвем. Выбери слабину. Не повезло... Невод, видишь, порвало. Сначала скрутило значит... Чинить нужно невод, — он говорил сконфуженно, как бы виноватя себя, и объяснял рыбакам, словно они не знали, в чем дело.

Когда невод выбрали, бригадир первым полез на площадку. Все примостились вокруг него.

Женькин отец Игорь Николаевич напросился с рыбацкой бригадой в залив к ставным неводам. Залив отгорожен от моря песчаной косой, вода в нем пресная — рыба водится речная, судаки, лещи, язи — вкусная толстоспинная рыба. Она шевелилась на дне баркаса, тыкалась в ноги, ощутимо ударяла хвостами по резиновым голенищам. В стеклянном мерцании уже наметившегося на горизонте рассвета она показалась вдруг Игорю Николаевичу ожившим тещиным фарфором.

Тесть-профессор ворчал на свою жену:

— А куда ты дела блокадный чайник? Выбросила! Снесла на помойку...

Между ними шла бесконечная война, в которой не было победителей.

Сейчас в зарождающемся свете утра память как бы раздваивалась, как бывают две тени, одна буроватая — от уличного фонаря, и другая холодная, с синевой — от луны.

— Какие у вас были в блокаду обои? — тесть шумно отхлебывал горячий чай.

Игорь Николаевич ответил тогда: мол, не помнит, кажется, светлые. «И все же какие у нас тогда были обои?»

...Отъезд команды, направлявшейся на выздоровление в глубь страны, был назначен на вечер. Игорь отпросился домой, благо не через весь город: госпиталь — на Петроградской, дом — на Васильевском.

Опираясь на палку, он перешел Тучков мост и побрел по Малому проспекту на Двенадцатую линию. Когда началась война, мать и отец были на Украине, в Карпатах. Мать приехала в сорок четвертом, отец не вернулся.

Может, кто из приятелей встретится, может, соседи...

Восемнадцатилетний матрос шел по пустынным улицам. Мартовское солнце сверкало в сосульках и оплавляло их. Встречные растягивали верхние пуговицы на пальто. Солнце словно подарило людям по дополнительной продуктовой карточке: они улыбались.

Матросу так запомнился этот день — солнце, редкие звонкие капли и чистый запах весны.

Матрос никого не встретил, ни дворничиху, ни соседей. Он поднимался по лестнице, с ко-

САМ ДУРАК
ТАНЯ ДУРА!



торой запах весны выгнал все тяжелые запахи. И не пахло кошками — раньше на лестнице всегда пахло кошками. Солнце осветило на стенах старые надписи, нехитрые детские откровения: «Таня дура!» Жива ли она, эта Таня? Какая-нибудь девчушка из той компании, что шумела и толкалась где-то там, на уровне пояса, и, задрав голову, широкоглазо смотрела на Игоря.

Тяжело опираясь на палку, матрос поднялся на свой четвертый этаж. Нажал кнопку звонка, зная, что никто ему не откроет. В кармане бушлата лежал ключ, но матрос ключом не воспользовался. Когда он уходил на призывной пункт, он запечатал замочную скважину сургучом, сурово пообещав, что вернется сюда только после победы.

Какие же у нас тогда были обои? Какие-то светлые...

Он постоял на площадке, тронул ручку соседней двери. Их соседом был парикмахер Иван Карлович, толстый, рыхлый, с большими белыми руками. Щеки у него дрожали, когда он бранился. Бранился он каждый день — предметом его ярости были мальчишки-птицеловы. Тогда почти все в их доме были птицеловами. Птиц ловили, покупали, меняли: чижей на чечеток, чечеток на синиц. Только воробьев не ловили, воробей хоть и сер и прост, но в неволе умирает.

Матрос потянул дверь на себя, она отворилась. У Ивана Карловича он никогда не был. Да и что ему было делать у парикмахера Ивана Карловича?

Он вошел в закопченную кухню. Желтые пятна на штукатурке, сырость, уныние от бесполезности кастрюль, мисок, широкой плиты. И пыль... Из кухни узкий коридор вел в квадратную комнату. Комната была загромождена аквариумами и фикусами. Листья у фикусов побурели, поникли. В аквариумах стояли золотые рыбки, вуалехвостки и черно-оранжевые драконы. Они смотрели выпученными глазами и не двигались. Матрос хотел опустить палец в воду, вспугнуть их, чтобы ожил этот застывший блеск, — палец наткнулся на твердый холод. Это был лед. Только тогда матрос ощутил открытую фрамугу и разглядел иссохшего неподвижного старичка в кресле.

Матрос попятился. Он и на лестнице пятился. Потом повернулся и быстро, насколько позволяли ноги, пошел, можно сказать — побегал.

Сейнер шел в темноту. Здесь больше нечего было делать, рыба ушла, разбежалась во все стороны мелкими стаями.

Без самолетной наводки шел сейнер. Шел к известным лишь бригадиру да капитану рыбным пастбищам.

Мальчишки пристроились возле Захара.

— Разбирайте дель поаккуратнее, — велел он. — Как дыру обнаружите, так и давайте, я латать буду.

Работали молча. Дыр было полно и больших и маленьких. Юрий угрюмо курил, у него иглы не было.

— Слушай, дело, — спросил он вдруг Голощекина. — Ты не скажешь, зачем мы эту дель латаем? Ее уже год назад списать нужно было. Из-за чего мациковал? Дель — сплошная заплатка, сквозная, как дым. С такой делью стыдно в море ходить. Погодите, этот кошелек у нас рыба с собой утянет. Останутся у бригадира одни подборы. На них самый раз на стреле повеситься.

Бригадир не дернулся, не повысил голоса, тихо сказал:

— Останется кусок сетки, чтобы тебе глотку заткнуть. Где новых-то наберешься? Кошелек пять тысяч стоит.

— На старые деньги? Он себя уже тридцать раз оправдал. Чем мы хуже других?

Бригадир не бросил иглу — положил, но грохнул себя по колену так, что гул по площадке пошел.

— Когда мы сейнер получали, другие бригады на трофейных шаландах по морю латали. Ты тогда фазаном по поселку ходил!

— Не ходил, — сказал Юрий.

— Ну да, ты не ходил. Другие ходили. Ты еще тогда мелко плавал. Короче, латай, не тревожь меня...

Напряжение постепенно спадало. Голощекин сказал вдруг:

— Что я над этой паршивой делью глаза порчу? Может, я от этого и не вижу дальше своего носа? Мой Витька как заспорит со мной, так меня козырями... Ты, мол, папаша, в рыбе закопался, дальше носа не видишь. А он, видите ли, все видит, кибернетики начитался... Хорошо ему вдаль глядеть, стоя на моих плечах, удобно. Паршивец он, мой Витька. Говорит — самая вкусная рыба — колбаса.

...Невод был уже собран и уложен в порядок, когда из рубки выскочил, словно ополумевший, радист Капустин.

— Рыба! — кричал он. — Сплошняком стоит!

Рыбаки во главе с бригадиром бросились к рубке. Механик машину застопорил. Было тихо и очень тревожно. Воздух не проходил в Женькины легкие, касался только верхушек — Женька дышал часто, как собака в жаркий полдень.

На ленте эхолота у каменистого дна темнело громадное плотно заштрихованное пятно.

— Тысячу лет не видел такой рыбы, — прошептал механик Коля. — Со времен фараонов... И не салака это, наверное, треска.

В груди у Женьки что-то запело, ему захотелось кричать, побежать куда-то, хватать, ловить, совать за пазуху. Куница приплясывал, дышал с подсвистом и тихонько скулил: «Ай, яй, яй...»

— Глубоко стоит, поплавки снимать нужно...

— Здесь по тысяче на пай. Соображаешь, я на свой кусок в Сочи летаю по высшему раз-

ряду. Говорят, там русалок навалом. Держите, я сейчас за этой рыбой нырять стану.

Последние Колины слова совпали с Женькиным настроением, сейчас он был готов на все — скомандуй бригадир, и он нырнул бы в черную глубину, в шершавые водоросли...

— Нужно в колхоз передать, чтобы другой сейнер прислали, — сказал спокойно-грустящий голос. Сначала Женька не понял смысла, и только глянув на говорившего — это был Голощекин, — понял и как бы захлебнулся.

— Наш невод не выдержит, — сказал Голощекин.

Юрий закричал вдруг:

— А-а! Не могу я больше терпеть, когда другие, бакланы и лентяи, больше нас рыбы берут!

Бригадир молчал. Сопел тяжело. Рядом на косяке стоял капитан Малыгин. Он и скомандовал:

— Капустин, передай в колхоз. Стоим на косяке. Взять не можем. Пришлите сейнер с крепким кошельком.

Радист неотрывно смотрел на эхолот. А он в тишине шелкал, шелкал, словно считал рыбу поштучно. Рыбаки дышали на низких тонах.

— Радист! — крикнул капитан Малыгин. — Выполняйте приказание! Бегом!

Вода в канале, по которому баркас возвращался в затон, тихая. Дома по берегу тоже тихие. Шум двигателя словно синее шелковое шитье рвет, но шитью нет конца, и оно шуршит, оглаживая усталые руки. Игорь Николаевич думал, подремывая: «Женька, наверное, спит, десятый сон досматривает. Лучше бы его в пионерский лагерь отправить. Детское — детям, взрослое — взрослым. Если бы я на рыбалку ездил, как люди. Тишь да гладь — уха на костре...»

Баркас ткнулся носом в причал. Двигатель заглох не сразу, он еще почихал немного. Синее шелковое шитье опало — в ожидании солнца синий блеск на всем сущем. Рыбаки подтянули баркас к причалу руками, он был тяжел, рыбы лежало в нем центнера два — крупная и еще живая. Рыбаки поднесли ящики к краю причала. Один из них пошел будить кладовщицу.

Когда рыба была уложена в ящики и дожидалась весов, рыбак вернулся с заспанной кладовщицей и сутулым мужчиной.

— Председатель, — сказал бригадир тихо. — Чего это по ночам ходишь? Или случилось что?

— Вот, — сказал председатель. — Такие дела. В море пойдем. Устали — факт. Но ничего не поделаешь. «Двадцатка» на косяке стоит, взять не может, у них дель слабая. Старая дель, давно уже сменить пора. Все пойдут?

— Я не пойду, — угрюмо ответил рыбак, ходивший за кладовщицей. — Я к морскому делу не пригоден, грыжа у меня.

— А чего нас-то, старых хрычей, или красивых нет? — спросил бригадир.

— Нету красивых. Сейчас здесь только один сейнер. «Тройка» из ремонта. Команда есть — бригада не укомплектована.

— Я же бригадиром-то не смогу, — сказал бригадир. — Там же тралмастер нужен.

Председатель крепко потер щеки, словно отморозил их.

— Я тоже пойду, а тралмастер на «Двадцатке» хороший. Имейте в виду, паи придется делить с «Двадцаткой».

Рыбаки закивали:

— Ясное дело. Они рыбу нашли. Они же без дела стоять не будут — к нам перескочат.

— А это кто? — спросил председатель, кивнув на Игоря Николаевича.

— Ленинградский человек. Попросился с нами в залив. Помог...

— Любитель, что ли? — спросил председатель недружелюбно.

— Отчасти. — Игорь Николаевич усмехнулся. — В некотором роде.

Председатель пошел, сказав:

— Сдавайте рыбу — и на пирс. «Тройка» к пирсу подвалит. — Отойдя несколько шагов, он обернулся: — Слушайте, любитель, может, пойдете с нами? Лишняя пара рук вот как нужна будет...

Через час «Тройка» мягко отвалила от пирса. Пограничник, проверявший выход, сосчитал команду, сверился по судовой роли и сейчас стоял со стариком-сторожем, разминал в руках сигарету.

— Что, у вас новый человек, что ли? — спросил он старика-сторожа.

— У нас рыба, — ответил старик. — Одни к ней бегут, другие от нее... Слышь, воин, ты испанок видел?

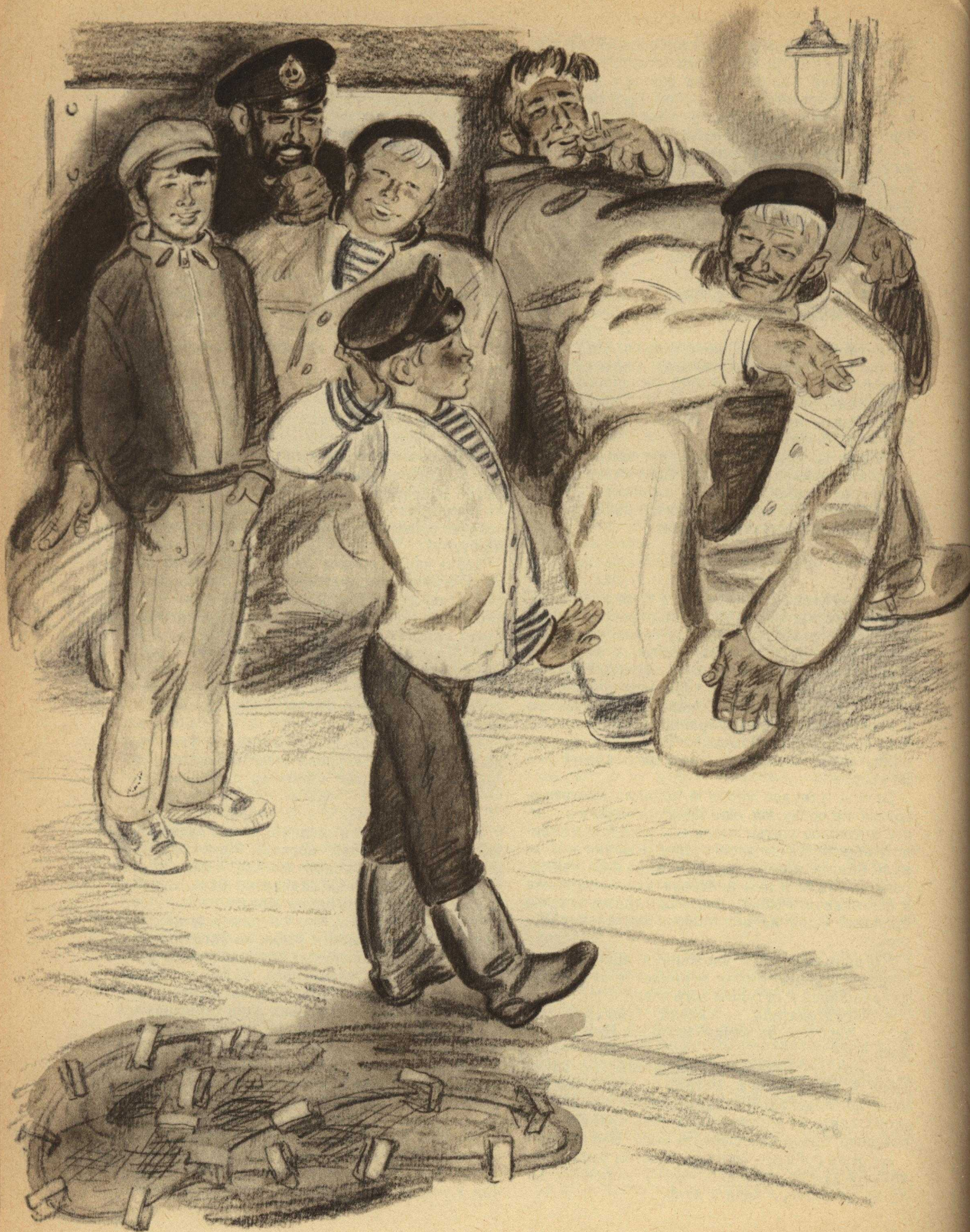
— А зачем тебе, дед, испанки, ты уж в землю смотришь, — сурово ответил молодой пограничник, посчитав вопрос за насмешку.

Эхолот шелкал и шелкал, следя за медленным передвижением косяка. Механик Коля подрабатывал машиной помалу, чтобы не потерять рыбу. Рыбаки сидели на баке, прислонясь к широкому рыбному люку.

Женьке казалось, что он слышит, как под днищем трется боками рыба, то заглубляется, то всплывает, бесконечно перемещиваясь и перемещаясь. Ему слышалось, будто косяк издает слитный шум, похожий на шелест дождя — это миллионы рыбьих ртов открываются и закрываются, заглатывая планктон. От сознания этой живой массы Женька чувствовал озноб по спине, затылок ломило, и хотя рыбаки сидели, свободно развываясь, они дышали ритмично, словно шагали в строю.

— Куница, спляши, — сказал вдруг Захар, разрушив сдержанный и напряженный ритм молчания.

— Пусть Капустин музыку заведет, — сказал Куница беспечальным голосом. Он, навер-



ное, рыбу не чувствовал, он, наверное, дремал и думал о своем брате Пафнутии, который спит сейчас, разметав руки, и пыхтит, досматривая какой-нибудь вкусный сон.

— Какую? — крикнул Капустин сверху.

— Твист.

Капустин поймал музыку, она грубо заколотилась над посиневшим с востока морем. Слово выхваченное из воды чудовище, она извивалась, ударяла щупальцами по палубе и по бортам.

— Потихе! Потихе! — крикнул с мостика капитан Малыгин.

Куница вышел к надстройке, в пятно, освещенное окнами рубки.

— Представление, как Коля механик приглашает Анюту Семенову твист плясать! — объявил он.

Куница задрал голову, придал лицу безразличное и неотразимое выражение и пошел, ставя ноги так, что прогибались в коленях в обратную сторону дугой. Он поворачивал голову, словно глаза его упирались в надоевшую пустоту. И вдруг взор его наткнулся на что-то такое, что пробудило в нем то ли досаду, то ли интерес к жизни, он отступил на шаг и некоторое время вглядывался. И вдруг лицо Куницы преобразилось, засветилось радостью вновь обретенного счастья. Куница воскликнул едва слышным криком: «Анюта!», но затем совладал с собой и сказал с братской грубоватостью: «Пойдем, потопчем эту паршивую палубу». И, не дожидаясь ответа, а может, и не ожидая его, принялся выделывать ногами невообразимые вензеля. Он несуразно махал руками, хлопал в ладоши, головой дергал.

Рыбаки хохотали. Бригадир простонал:

— Приду домой, задам Анютке головной ку...

Женька хохотал тоже. «Кунице рыба не нужна. Плевал Куница на эту рыбу. Он свою рыбу ловит. Куница артистом будет худобдно».

Капитан Малыгин ухмылялся, стоя на мостике. Он думал о том, что, может быть, у него этот рейс в колхозе последний, потому что он дал согласие в трест «Океанрыба» пойти на тунцелове старшим помощником. Плавстажа у него с избытком, курсы на капитана дальнего плавания он закончил три года назад. Но было ему тоскливо оставлять колхоз, не только потому, что здесь в капитанах остро нуждались, но и потому все-таки, что здесь в них нуждались.

Механик Коля вышел в освещенный окнами рубки квадрат. Подхватил Куницу под мышки.

— Давай, Куница, потопчем эти паршивую палубу. Капустин, давай усиление!

Музыка загрохотала со скрежетом. Но и оглушенный ею капитан Малыгин чувствовал рыбу под днищем, ощущая ее плотность. Он знал, что она непрерывно движется и перемещается, но может быть, музыка тому виной — представлял ее как плотную массу, страшную и застывшую.

Эхолот щелкал и щелкал...

...Когда они размели легкий снег шинелями и оголился сверкающий лед, все побежали складывать шинели на берег, чтобы они не мешали. Малыгин выбросил впереди себя пустую гранату и выскочил с еловой изогнутой палкой на лед, — они решили затеять хоккей, — выскочил и остановился. Или солнце, вылезшее из-за тучи, просветлило лед, но архангельский парень Петр Малыгин увидел рыбу. Она стояла плотно, бок к боку головами в одном направлении, будто аккуратно уложенная в хрустальную селедочницу. У некоторых рыб плавники торчали наружу и ломались от прикосновения еловой палки, служившей за клюшку.

«Рыба!» — закричал он тогда или прошептал в крик. Взвод спустился с берегового откоса на лед, возбужденный предстоящей потехой. Но все замолкали, увидав ее. Каждая рыбина была с приличного судака в длину, но необычного, невиданного рыбаком-помором Малыгиным густого розового цвета. Видимо, здесь было рыбобоводное хозяйство. Снаряд попал в шлюз, вода почти вся ушла, а та, что осталась в пруду, промерзла до дна, да и осталось-то ее только на дне, только спины рыбе прикрыть.

Они подобрали пустую гранату, которая по их размышлению должна была служить хоккейным мячом.

Это было в Польше зимой сорок четвертого года. Месяц Малыгин не мог вспомнить. Наверно, ноябрь. Танковая бригада вышла на отдых, танкисты чистили, ремонтировали и проверяли машины, а взвод разведки пошел на «учения» — поиграть в хоккей, потолкаться и поорать для продышки.

«Какой же был месяц? Может, декабрь?..» Капитан Малыгин видел огни подходившей «Тройки», но все силился вспомнить месяц.

— Малыгин! — раздался с «Тройки» голос председателя колхоза Ильи Смолячкова. — Докладывай, что у тебя.

— Рыба, — сказал капитан Малыгин.

На палубе уже не плясали, музыка не играла, капитан вдруг это заметил. Все сгрудилось возле борта. Рыбаки шумели, переговариваясь, но вдруг трепещущий мальчишеский голос перекрыл и эти переговоры, и шум машины на «Тройке», и плеск воды, запертой между двумя сдвигающимися бортами.

— Папа, это ты? Это я, Женька. Папа, мы тут с Куницей. Мы на рыбе стоим. Плотная рыба!

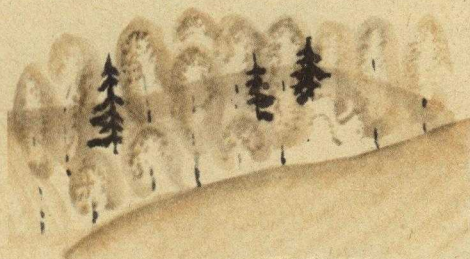
Ликующий мальчишеский голос стронул что-то в душе капитана Малыгина, капитан как бы очнулся и вновь ощутил движение рыбы под днищем, живое и бесконечное. Рыба двигалась, не прекращаясь, она шла из прошлого в будущее, оживляя пространства между двумя пределами — поверхностью и дном моря.

КАМЧАТКА

На Камчатке спят вулканы,
Тихо, грозно спят,
Дуют ветры с океана
И в окно грозят.

Пусть бушует непогода,
Люди здесь живут.
Пашут землю.
Ловят рыбу.
Шутят и поют.

*Наташа Пискунова,
Петропавловск-Камчатский*



ШКОЛА ВОЛШЕБНИКОВ

В руках умелых мастера
Веселый карандаш
Заметки пишет меткие,
Рисует добрый шарж.

Чтоб научиться этому,
Упорный нужен труд,
И мы, деткоры юные,
Собрались вместе тут.

Не сразу выйдет гладко —
Ошибок не боюсь.
Ведь я же не волшебник —
Я только лишь учусь!

*Таня Березина,
7 класс, школа № 442,
Ленинград*

САЛЮТ



ТЫСЯЧИ ИСКР

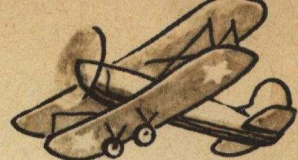
В тот год все больше и больше возникало в городе пионерских отрядов. Все чаще маршировали они по улицам, гремели в барабаны, звенели в горны, словно заявляя всем взрослым: мы — боевая организация советской детворы! И мы хотим жить по-новому!

...31 августа 1924 года в Ленинграде появилась первая пионерская газета. Все, что было напечатано в ее первом номере, написали и придумали сами ребята. Даже имя газеты. Один отряд так и записал в своем решении: «Мы, дети, — искры революции! Вырастем — станем коммунистами-ленинцами. Давайте назовем нашу газету «Ленинские искры».

Позвонили по телефону в Москву, сообщили это предложение Надежде Константиновне Крупской. Одобрила она имя, придуманное ребятами.

Оставалось только газету выпустить. Но вот тут-то и оказалось, что делать газету совсем не просто. Заметок писать ребятам до

ЮБИЛЯРУ!



этого не приходилось, да и грамотными они были не ахти. Спорить зато умели здорово! По любому поводу! Даже и по такому: кто должен писать для детей, взрослые или дети?

В 1925 году писатель Борис Житков рассказывал в «Ленинских искрах»:

«На 11 часов было назначено собрание в «Новом Робинзоне». Ждали читателей. Пришли. И все, как есть, писатели. Пионеры.

Ну что ж, думаю, поговорим со своим братом писателем. А писатели чуть не в один голос: какие там разговоры! Это что? Детский журнал? Так пусть в нем дети и пишут. А взрослых всех надо выкинуть!

Ну, вижу, что уже не свой брат, когда такое дело.

— А писать-то вы умеете? Рассказы, например?

— Всякий пионер лучше любого взрослого напишет!

Ну, пришел, думаю, наш конец! Нечего и тужиться!»

БОЕВОЙ НАРОД

Поначалу для многих дядь и тетя это было удивительно: по предложению каких-то учеников 17-й школы, напечатанном в «Ленинских искрах», открывается детская парикмахерская; в Гостином дворе распахивает двери первый в стране специальный пионерский магазин; за ними — пионерский кинотеатр, парк!.. В Ленсовете на заседании у всех депутатов в руках газета: обсуждается вопрос о переименовании Большой Гребцкой улицы в Пионерскую. На этой улице и возник когда-то первый пионерский отряд города.

— И впрямь, — говорят депутаты, — заслужили пионеры! Вы только посмотрите, что они делают! На «Красном путиловце» борются за промфинплан помогают. На самолет «Ленинские искры» средства собрали!

...Страницы старых газет.

В глаза бросаются крупные буквы заголовков: «Всех ребят в пролетарский отряд!», «Каждому пионеру — номер «Ленинских искр», «Все на смычку с селом!».

Но особенно полюбилось ребятам короткое, боевое слово «приказ».

1928 год. «Приказ № 1 детской коммунистической газеты «Ленинские искры» — и отряды идут на борьбу с безпризорностью.

1934 год. Приказ — и «легкие кавалеристы» спешат на помощь почте.

1957 год. Приказ — и уходят в поиск первые в стране отряды красных следопытов.

1967 год. Приказ — и по улицам Ленинграда шагают первые отряды Пионерстроя.

...Пионерской улице в Ленинграде уже много лет. А совсем недавно Ленсовет назвал одну из новых магистралей города «Улицей Пионерстроя». И сегодняшние ребята в красных галстуках умеют работать не хуже своих пап, мам, бабушек и дедушек!

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

Ну, а как же все-таки поступили со взрослыми? Разрешили им писать в газете? Конечно. Пospорили-пospорили и поняли, что взрослые — первые друзья ребят, верные, искренние.

Не раз выступала на страницах «Ленинских искр» Надежда Константиновна Крупская, помогала ребятам советами, рассказывала об Ильиче.

Охотно писали для ребят герои сражений и герои труда, учителя, пожарники, пограничники, спортсмены.

Пришли в ребячью газету ученые — и появились предметные конкурсы, викторины, статьи о науке. Однажды целый «академбой» устроили: пригласили победителей районных конкурсов в Академию наук и предложили померяться силами. Возглавлял «бой»

Президент Академии наук СССР академик А. Карпинский.

О писателях и говорить уже не приходится. Они принимали участие даже в пионерских сборах. Проводила в 1956 году газета сбор, названный по одному из стихотворений С. Маршака «Как себя вести?». И поэт в этот сбор включился. Специально для него стихотворение написал: «Ежели вы вежливы».

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ

Вот и исполнилось газете пятьдесят лет. Ее первых детокоров в шутку называют уже «дедкорами». Только, если к ним приглядеться повнимательнее, видно: не состарились они! Став учеными, рабочими, писателями, не растеряли своего пионерского задора.

А в газету приходят новые деткоры. Такие же неугомонные, непоседливые. И только писать — для них мало. Надо что-то сделать! Самим!

Давно уже в Музее истории Ленинграда открыт пионерский зал, каждый экспонат которого доставлен туда деткорами газеты, красными следопытами.

Не первый год работает на острове Хиума в Балтийском море трактор «Ленинские искры», созданный из металла, собранного ребятами по призыву газеты.

А в марте этого года со стапеля судостроительного завода имени А. А. Жданова сошел на воду сухогруз «Ленинские искры». И если вдруг где-нибудь в Африке или Австралии спросит у капитана какой-нибудь мальчишка: «Что это значит — «Ленинские искры»?», то капитан проведет его в корабельный музей и расскажет о газете. А значит, — о самих ленинградских пионерах, боевом и задорном отряде армии юных ленинцев.

В. Суслов



Это было осенью 1972 года в кубинском городе Санта-Клара, в университетском городке. Белые, с громадными приоткрытыми окнами низкие дома — общежития и учебные корпуса — прятались в парковой зелени. Красноглазые орлы заглядывали в окна с верхушек деревьев. Мы сидели за партами в аудитории и ворошили груды учебников.

— Руссо! — сказал молодой негр и постучал пальцем по переплету учебника, на котором латинскими буквами было выведено — «Физика». Мол, переведен с русского.

— Руссо, Ленинград! — согласился я. Авторы я знал по университету на Васильевском острове. Ученые Фриш и Тиморева.

— Грацио! — сказал негр. Он, наверное, хотел сказать, что от имени всех студентов Санта-Клары благодарит советских людей за помощь. Он ото-

шел, порылся в шкафу и вытащил тонкую книгу в картонном переплете, на обложке которой был нарисован пятнистый ягуар.

— Мучо интересанте! — сказал негр-студент и вложил книгу мне в руку.

Так книга Орасио Кироги «Письма из сельвы» попала ко мне и вместе со мной совершила путешествие в Ленинград. Орасио Кирога — известный южноамериканский писатель. Он много лет прожил в тропическом лесу — сельве и письма, которые писал из леса своим детям, издал книгой. Мальчишки и девчонки Аргентины, Мексики, Кубы, смешливые и предприимчивые Кике, Начито, Тете уже много лет зачитываются рассказами Кироги. Прочтите один из них и вы.

С. Сахарнов



Охота муравьев

Орасио Кирога

Дети, готов поспорить на мой винчестер, что вы никогда не отгадаете, откуда я сейчас вам пишу. Думаете, лежа с температурой в палатке? Или на брюхе убитого тапира? Ничего подобного! Я вам пишу, сидя возле большого костра, съевшись от холода и совершенно голый. Как будто только что родился.

Могли вы себе такое представить? Думаю, что нет. Рядом со мной, дрожа от холода, тоже голый, сидит мой друг индеец. Он наставил на меня электрический фонарик, точно ружье, и при свете его желтоватого луча я раскрыл блокнот, дожидаясь, пока муравьи сожрут то, что еще осталось в палатке.

До чего же холодно, дети! Сейчас три часа утра. И уже несколько часов сряду муравьи

пожирают все кругом, все, все живое. Эти муравьи страшнее стада слонов, за которыми гонятся тигры, потому что это не простые муравьи, а хищные. Если им попадается что-либо живое, они пожирают все, до последней косточки, дотла.

У президента Соединенных Штатов Рузвельта эти бразильские муравьи съели за одну ночь сапоги. Правда, сапоги не живые существа, но ведь они сделаны из кожи, кожи животного.

Вот и сегодня ночью муравьи съели парусину моей палатки, выели те места, где были жирные пятна. И чтобы они не съели меня так же, как парусину, я вынужден, совершенно голый, сидеть у костра, и утренний холод пронизывает мое искусанное тело.

Укусы этих муравьев так болезненны, что стоит одному муравью укусить вас в ногу, как сразу же чувствуешь покалывания в шее или нестерпимый зуд в голове. А укусы многих муравьев одновременно могут просто убить. Так что если не попытаться спастись, они съедят живьем.

Эти хищные муравьи похожи на маленьких черных блестящих жучков. Передвигаются они длинными колоннами с огромной скоростью. В поход за добычей их собираются гигантские полчища и, передвигаясь, они образуют черную извивающуюся, как змея, реку, шириной иногда до метра. Охотятся хищные муравьи всегда ночью.

Попад в чье-нибудь жилище, они растекаются по всем углам, обезумев от голода, в поисках живого и тут же все поедают. Нет такой щели, дыры, прорехи, какой бы узкой она ни была, куда бы не проникли хищные муравьи. Если же им попадется живое существо, они набрасываются на него с яростью.

Я видел, дети, одного рака, который в одно мгновение исчез в челюстях этих муравьев. За считанные минуты его, точно механическую игрушку, растащили на части: лапки, голова, усы, — все исчезло кусочек за кусочком. У этих муравьев такая особенность. Каждый из них тащит свой кусок добычи, не взвалив его на спину, как это делают простые муравьи, а прижимая ношу лапами к животу. Но скорость их передвижения от этого насколько не уменьшается.

Я все еще глядел на извивающийся змеинный след, как вдруг прямо у меня под ногами, явно спасаясь от кого-то, прошмыгнула полевая мышь. За ней другая, третья... Все живое, что могло ползать, летать, прыгать — звери, пауки и все насекомые, которые спрятались на зиму, сейчас повывлезали из своих теплых жилищ и бежали в панике, пытаясь от кого-то скрыться. Что послужило причиной столь необычного их поведения? Я не придавал этому особого значения. Вроде бы ничто не предвещает бури, и лес, окутанный спокойствием и тишиной, мирно готовится ко сну. Я тоже лег спать и совсем было забыл о том, что видел, как вдруг меня разбудил тоненький писк спустившегося с гор хорька. Несколько минут спустя до меня донесся глухой отрывистый лай большой лисицы чакко. А еще немного погодя — рычание ягуара. Проводник индеец съезжившись от холода, мирно спал у костра недалеко от моей палатки. Он лежал спиной к огню, и в ночной тишине раздавался его спокойный и сильный храп.

«Горы спокойны, — подумал я. — Если бы там что-нибудь случилось, индеец давно бы проснулся». И я улегся снова спать, уже почти заснул, как вдруг услышал за пологом палатки знакомый треск погребушки гремучей змеи. Помните, дети мои, какая история приключилась у меня с одной из таких змей? Тот, кто хоть раз в жизни слышал звуки змеиной погребушки, не забудет их до конца своих дней.



Нет такого животного, которое могло бы устоять против натиска этих хищников. Тапиры и ягуары поскорее уносят ноги от муравьиных гвардий, как только почуют их приближение. Змеи, самые огромные и сильные, прячутся кто куда. Понять, что собой представляют эти муравьи, можно только увидев опустошения, которые они оставляют после себя.

Вчера, дети, с утра шел проливной дождь и дул сильный южный ветер. К вечеру небо прояснилось, предвещая холодную ночь. Я прохаживался по лагерю в толстом свитере, курил и любовался закатом, как вдруг с быстротой молнии между мной и палаткой проскользнула змея. Змея в такой холод? — удивился я. Только что-нибудь совершенно невероятное могло заставить ее здесь появиться.

Но что же все-таки случилось, почему животные так взбудоражены и покинули свои норы этой ночью, подвергая свою жизнь опасности, как, например, змеи, для которых холод почти смертелен.

Я вылез из-под одеяла и взял электрический фонарик. В этот самый момент я почувствовал, как сто тысяч иголок впились в мое тело. Издав крик, который разбудил индейца, и подняв руку к лицу, я смахнул целую тучу муравьев.

Все, абсолютно все — тело, одеяло, одежда — было покрыто хищными муравьями. Я в один миг сорвал всю одежду, в то время как индеец приговаривал:

— Черная месь! Черная месь! — Так в этих местах прозвали хищных муравьев. — Они

могут убить! Индеец не отойдет от огня, иначе муравьи съедят его живьем.

— Смотри, как бы они не съели твой нос! — раздраженно крикнул я и, выскочив из палатки, кинулся к костру.

Прыгая, я задел горящую головешку, и она перевернулась в воздухе, оставляя в темноте красный след искр. Все пространство вокруг костра было заполнено муравьями, которые метались из стороны в сторону в поисках пищи. Вся палатка тоже была наводнена муравьями и, казалось, на всей земле нет сейчас такого места, куда бы не проникли эти прожорливые насекомые.

Теперь все стало ясно: с самого утра армия хищных муравьев обложила эту местность и приближалась к нам, обращая в бегство змей,

насекомых и зверей, которые не могли устоять перед голодными ордами, и вот они здесь, у нашей стоянки.

До рассвета нам, наверное, придется быть в осаде, а утром муравьи двинутся дальше, опустошая все вокруг. Меж тем еще только около трех часов, а огонь начинает гаснуть. И нельзя ступить за круг, очерченный горячим пеплом костра, без риска сразу же стать добычей муравьев. Съежившись, сижу я в центре, у самого огня, голый, как новорожденный младенец, дрожа от холода, и в ожидании рассвета пишу вам письмо при свете электрического фонарика, в то время как в моей палатке хищные муравьи приканчивают последние запасы провизии.

*Перевел с испанского
Борис Симорра*

А ВОТ БЫ ЕСЛИ...

Виктор Максимов

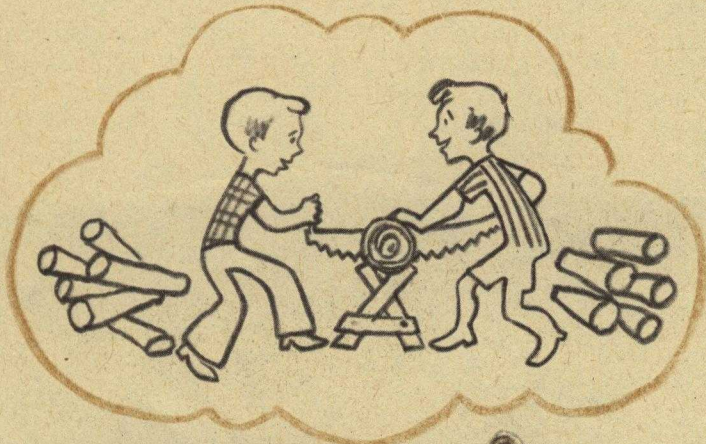


Рисунок А. Орлова

Два брата забияки —
То в тумачи,
то в плач!

Два брата забияки
Не поделили мяч.

Один уперся: «Это мой!» —
Краснея и сопя.
— Нет мой! — в ответ ему другой
И тянет на себя.

А вот бы если вам, братва,
Пилу не поделить!
А вот бы если все дрова
Соседке распилить!

В ГРОЗУ

Геннадий Морозов

В небе ветер,
в небе гром,
гром
потряхивает дом!
Вздрагивает печка
и хрустит крылечко.
И визжат стропилы,
как стальные пилы.
Голосом синицы
плачут половицы.
И, шатая крышу,
шумно дождик дышит,
не перестает...
А во ржи неслышно
василек цветет.
Дождик льет,
а он цветет,
синим глазом
небо пьет!



ПРО ТО, ЧЕГО НЕЛЬЗЯ



Юрий Дружников
Рисунки Г. Ясинского

ВОЛЧИЙ ВОСПИТАННИК

Однажды ребята принесли в школу журнал. В нем странный снимок: мальчик, довольно большой, ползет на четвереньках, зубы у него оскалены. Из статьи мы узнали, что его воспитали в джунглях волки. Он ел сырое мясо, а если сердился — рычал.

— Да это же Маугли! — решили было мы.

Но ведь Маугли в сказке симпатичный. А это — дикий какой-то. Вскоре, заинтересовавшись «дикими» детьми, мы с учениками собрали много статей о них.

В одной статье прочитали, что в 1956 году в Северной Индии, километрах в десяти от деревни Агра, у ручья, охотники обнаружили волков, а с ними непонятное существо. Начали стрелять в воздух — волки удрали. Существо бросилось бежать на четвереньках, но его удалось схватить. Это был мальчик с длинными волосами и ногтями. Он кусался и издавал звуки, близкие к хрюканью. По дороге домой по пятам за охотниками кралась волчица. Мальчика привезли в город. Он ел сырое мясо, подбирая его губами с пола, пил из таза, пытался убежать. Пришлось держать его в клетке. Нашли родителей ребенка, которые узнали сына по шрамам на голове. Мальчика звали Парасрам. В 1951 году он спал в поле, подле матери. Волчица набросилась на мать, покусала ее, схватила и унесла ребенка.

Индийские ученые, которым я после написал, тщательно расследовали случай и сообщили, что это «абсолютно достоверный факт воспитания человека волками». Родители и врачи окружили ребенка заботой. Мальчик был слаб, но бегал на четвереньках быстрее, чем это можно сделать на двух ногах. Год спустя удалось научить несколькими словам. Но когда он видел звериную шкуру, то скалил зубы, как волк.

„ДИКИЕ ЛЮДИ“

Зачем же и как зверь принес в логово ребенка? — спрашивали меня ребята.

Жестокая жара вынуждает в глухих индийских деревнях матерей вместе с детьми спать на голой земле, поближе к джунглям. Волчица, у которой охотники застрелили детенышей, должна чем-то возместить потерю. Принеся в логово маленькое существо, самка может его проглотить. Однако молоко должно быть отдано детенышу. Голодный ребенок начинает сосать. Материнский инстинкт находит выход — и в этом нет ничего невероятного. В волчьих логовах охотники встречают иногда ягнят или щенят. Московская детвора была знакома с львицей Кинули, которую вырастила собака. Кошка вскармливает щенка или собака котенка.

Известно, что в начале XIX века в сиротский дом был определен мальчик. В деревне заго-

релся дом, крыша обвалилась, хозяева погибли. Дворовая собака вынесла из горящего дома ребенка. Она спрятала его в разрушенном сарае, берегла от холода и кормила, пока крестьяне не узнали и не отобрали мальчика.

Еще в XVIII веке ребят, выросших в лесу и вскормленных животными, Карл Линней в книге «Системы природы» выделил в группу «дикие люди».

Ну, а как же с Парасрамом? После терпеливой работы, продолжавшейся месяцами, врачам удалось отучить Парасрама от некоторых звериных повадок. Потом врачи сообщили, что мальчик регулярно ест хлеб и другую растительную пищу, обходится без сырого мяса. Как о большой победе, говорили о том, что Парасрам, в начале такой дикий, стал играть с братьями и сестрами, а потом и соседскими ребятами.

Оказывается, в организме ребенка таятся могучие силы.

— Выходит, человек может приспособиться к самым нечеловеческим условиям, не погибнуть, — сделали вывод сами мои ученики. — Но вот вопрос: остается ли он человеком?

КТО НАС ВОСПИТЫВАЕТ?

Прошло много тысяч лет, пока человек из зверя стал человеком. Паскаль заметил как-то, что человек — это живое существо, имеющее мочку уха. Паскалю возражали. Тогда он придумал новое определение:





«Человек — существо, способное улыбаться». Действительно, слоны смеются только в анекдотах. Но на лице обезьяны Чарлз Дарвин заметил улыбку. Людвиг Фейербах назвал человека существом, способным любить. А разве собака не любит щенят и аисты не привязаны друг к другу на всю жизнь?

Трудясь, человек воздействует на природу, а природа — на него. Умение мыслить подняло человека над животными. Появились духовные потребности, которые для человека не менее важны, чем еда и питье. Человек стал частицей общества.

Но если происходит несчастье и связь ребенка с людьми обрывается, то ребенок снова становится зверьком. Прямая походка утрачивается. Человек-зверь приспособляется к новой жизни. Случай с «детьми волков» показывает огромную роль общества, воспитания и образования в развитии человека.

— А как же славный Маугли? — снова вернулись мы к вопросу, возникшему в начале наших споров.

Маугли в сказке доучивается у волков тому, чего не умеют делать люди. Звери, общаясь с ним, делают более сообразительными. Когда волчий приемыш возвращается в деревню, он оказывается даже благородней людей, обижается и снова уходит к друзьям-волкам. В книжке Киплинга — любовь к природе, к обитателям леса. Возможно, в ее основу лег дей-

ствительный факт. И все же Маугли не более реален, чем Баба-Яга или Царевна-Лягушка.

Но что было бы, если бы население земного шара от школьников до стариков в одно невероятное утро исчезло? Останутся дети дошкольного возраста. Что с ними станет? Без взрослых, без воспитания ребята останутся на доисторическом уровне, не овладеют культурой. Человечество опять начало бы жить с древнейших времен. Эту мысль высказал французский психолог Анри Пьерон.

КАНДИДАТ В ЛЮДИ

Лев Николаевич Толстой заметил как-то, что от начала жизни до пяти лет человек проходит более насыщенный путь, чем за всю остальную жизнь.

Родился ребенок. Он еще не человек с большой буквы — родителям предстоит сделать его таким. Мир, созданный людьми, открылся перед ним. Вначале это яркие игрушки: ложка, чашка, стена. Даже с явлениями природы наш кандидат в люди встречается в искусственных условиях: от холода его спасает одежда, а ночь в его комнате прячется от электрической лампочки. Но если вырвать ребенка из человеческого мира, он перестает нормально развиваться психически и физически. Поэтому первая задача людей — учить ребенка человеческим привычкам, де-

лать из него человека. Без помощи взрослых ребенок не научится даже ходить на ногах.

Особенно важно передавать опыт своевременно. Триста пятьдесят лет назад индийский падишах Акбар проделал такой жестокий эксперимент. Мудрецы говорили, что ребенку от самой природы дано умение говорить на родном языке. Семерых детей в возрасте нескольких месяцев посадили в замок. Через небольшое отверстие в воротах им подавали пищу. До семи лет ребята не слышали ни единого слова. Когда их выпустили, оказалось, они издают лишь нечленораздельные звуки. Но и после этого, общаясь с людьми, они не наворачивали ушного, остались недоразвитыми. Промедление оказалось роковым.

Так случайные факты привели к важному выводу.

Детство занимает у человека пятую часть жизни. У животных — двадцатую и меньше. И то, чему человек учится в детстве, запоминается навсегда, на всю жизнь. Хорошая привычка в детстве — добрая черта характера взрослого человека. Ведь человек складывается из мелочей, из привычек. Вот почему так важно заметить у себя вовремя дурную привычку, чтоб она не успела вьестись, чтоб успеть победить ее.

КУСАТЬСЯ ЗАПРЕЩАЕТСЯ!

— Недавно, — серьезно сказал я ребятам, — я собственными глазами видел одного вы-



сококультурного восьмиклассника, который (не поверите!) ел мясо, пользуясь не голыми руками, а вилкой и ножом.

В классе раздался смех.

— Множество поступков для нас, людей в основном культурных, немыслимо, — продолжал я. — Например, когда едешь в трамвае и надо пройти вперед, нельзя укусить впереди стоящего пассажира. А рычать можно? Не рычать, так ворчать — суть одна? «Вы, что, не видите, тут дверь закрыта!» — сказала мне девочка, когда я искал вход в незнакомую школу. Девочка меня хоть и не собиралась, а укусила, и очень больно.

Никто из нас, придя в гости, не бросится, растолкав всех, к столу, не схватит самый большой кусок пирога. А наевшись, не уйдет немедленно домой.

— А шестиклассник, локтями расталкивающий у буфета малышей, чтобы купить булку? — спросил я. — Разве он не похож на гостя, который первым хватает пирог со стола?

Каждый случай в отдельности — мелочь. Может, и не вспоминать? Может, та девочка хотела помочь мне и просто не знала, в какой форме это сделать?

Иногда кажется — это мелочь — вежливо ответить незнакомому человеку, то есть поступить по-человечески. Нет, законы и формы общения людей, то есть правила поведения, вежливость, этикет, складывались веками.

Психологи придумали такой термин: «установка». В зависимости от нашего воспитания, культуры, навыков у нас вырабатываются определенные законы поведения. В каждом конкретном случае мы поступим в соответствии с выработанной установкой. В этом случае и говорят, что воспитанный человек тот, кто знает, «чего нельзя». Но, конечно, он знает, что и как можно.

По тому, как ведет себя мальчик или девочка с нами или со сверстниками, по внешним мелочам окружающие судят о том, добры ли они, скромны ли, даже судят об уме. А еще — об их семье и школе, о родителях, хотя они далеко. И часто можно дать весьма точный портрет родителей, лишь десять минут поговорив с их ребенком.

В узком проливе на краю света капитан большого нашего корабля дает команду остановиться и ждет, пока пройдет мимо маленькая иностранная моторная лодка. О чем думает человек на этой лодке? Возможно, о том, что в стране, откуда вышел корабль, живут вежливые люди. А я думаю о том, что капитан, когда был мальчишкой, пропускал в дверь впереди себя девочку или мать, помогал ей нести сумку. Без взаимного уважения невозможно работать, учиться, жить в обществе.

Если хоть одним правилом пренебречь, сегодня будет плохо другому, завтра — вам самим. Поступайте с другими

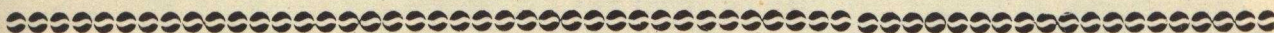
так, как вы хотите, чтобы поступали с вами, — учит древняя мудрость.

МОРДА ИЛИ ЛИЦО?

Невежливые люди обижают прежде всего самих себя. Ведь если человек не уважает других, значит, он и себя не уважает. И когда ученик говорит: «Я дал ему по морде», то такой ученик скажет и обратное: «Он дал мне по морде». Даже не задумываясь, что собственное свое лицо назвал мордой.

Может, и впрямь ввести в школе предмет — вежливोगрафию?

Есть правила, которые можно выучить и потом применять, особенно не задумываясь: «Дважды два — четыре», «Волга впадает в Каспийское море». Нет, вежливость, воспитанность — не сумма правил, хотя правила надо знать. Науку человеческого общения мы проходим в детском саду и в школе на всех уроках, проходим всю жизнь, где бы мы ни были: дома, в автобусе, на пляже, в магазине, во дворе, в кино, в лесу, одни, с вами и без вас, с друзьями, родными, старшими, младшими и совершенно незнакомыми людьми. Как поступить в том или ином случае? Каждый раз приходится думать. Так давайте изо дня в день сейчас и всегда воспитывать в себе тактичность, внимание к окружающим даже в мелочах. И никогда не забывать про то, чего нельзя. Потому что мы — люди.



Самолет заходил на посадку. Внизу, на земле, было сумеречное морозное утро. От Енисея шел пар. Земля светилась миллионами огней. Казалось, небо со всеми своими созвездиями отпечаталось на земле. Россыпи и вереницы огней раскинулись во все стороны горизонта, покуда хвата-

ло глаз, а там уже, куда глаз не хватало, различалось слабое электрическое свечение. Накануне в одной книге я нашел странную песенку:

Электричество под силу
И Пантюхе и Кириллу,
Эй, ребята, поживей.
Собирай деньги скорей!..

Сложена она была давно, пятьдесят лет назад. Восточная Сибирь тогда только мечтала об электричестве. Первую электростанцию, так сказать, для примера, построили в этих краях бойцы Красной Армии.

Село Сухобузимское прославилось тогда на всю Сибирь. — А мы чем хуже? — говорили крестьяне других деревень.

— Нам, нам в первую очередь! — говорили шахтеры.

Горняки Прокопьевского рудника написали в Москву, Ленину: Ильич, до зарезу нуждаемся в электричестве! И Ленин помог им. Через Луначарского он договорился с Малым театром о передаче шахтерам запасного генератора.



РОЖДЕНИЕ ОГНЕЙ

Владимир Арро

В некоторых селах, где особенно не терпелось, крестьяне собирали «деньгу»...

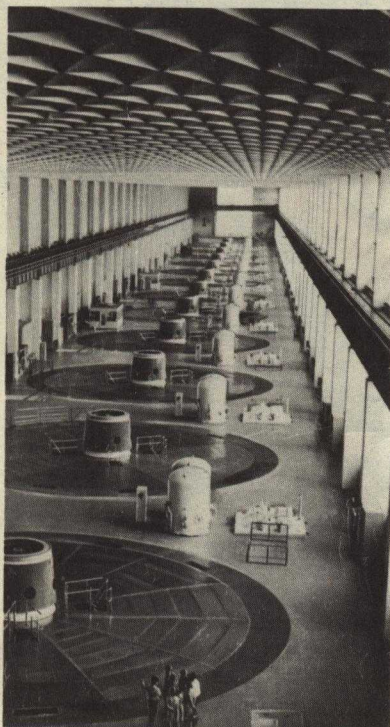
От Красноярска до Дивногорска час езды по берегу Енисея. Рядом с дорогой несется пучина воды свинцового цвета. Она не замерзает, она живет, мечется, укрощенная, отдавшая уже свою силу турбине, и парит на морозе. Можно подумать, что вода в Енисее горячая, такой стоит пар. Можно подумать, что вода разогрелась в работе.





Дивногорск спускается к Енисею с горы степенно и по-степенно — ярусами.

Наверху — стадион, автобусная станция, магазины. Ни-



же — Комсомольская улица, еще ниже — железная дорога, вокзал и уж потом — набережная. Сверху донизу идет широкая, в несколько сотен ступеней лестница. Идти по ней долго. Но местные парни нака-тали катков от верха до само-



го берега. Ух, как несутся они, раскинув для равновесия руки! Я попробовал — у меня не получилось.

В Дивногорске восемь тысяч детей — треть всех жителей. Одного такого дитенка мы с его папой брали из детского сада. Папа с дочкой сели на санки, оттолкнулись и через минуту очутились внизу, у своей парадной. А я все шел, шел... ишь какие они, дивногорцы, скорые!

Как живет Дивногорск?

А вот так. Крутятся турбины электростанции, Сибирь получает электричество.

В городе проходят межобластные соревнования конькобежцев. Репетирует ансамбль «Кедриночка». К Новому году открылся базар — из тайги привезли елки.

Между тем турбины все крутятся.

Новоселы въезжают в новый стоквартирный дом. Состоялся воскресник на строительстве детского сада. В кино идет фильм «Думают ли животные?».

Тем временем турбины все крутятся, крутятся.

Заканчивается строительство завода. Проходит праздник национальных кухонь пятнадцати республик.

А турбины все крутятся! Крутятся турбины! И это — главное. Турбины — как ровный пульс, как здоровое сердце города.

Город и родился и прославился благодаря своей удивительной электростанции. Без нее он просто город. А с ней — единственный в мире, потому что тут работает самая крупная, самая сильная ГЭС.

Когда стоишь у ее километровой плотины, то кажется, что тут ничего особенного и не происходит: такая здесь чистота, красота и покой. Вздыхаются живописные таежные склоны, кипит тяжелая вода Енисея, плывут облака. И среди всего этого — сияние стекла и алюминия. Идеальные места для художественного фотографирования.

Между тем в этой тишине — я знаю — рождается чудо. Вода, собранная за спиною плотины в водохранилище, падает с высоты ста метров на рабочие колеса турбин. И рождает электроэнергию, сила которой равна мускульной силе ста двадцати миллионов человек.

А тут — тишина, покой, безлюдье...

В машинном зале в одну рабочую смену находится всего четырнадцать человек: начальник, четыре дежурных мастера и девять слесарей.

В машинном зале не то чтобы тишина, но ровное, устойчивое такое гудение. Стена этого зала — почти полукилометровое сплошное окно. Если подойти к нему вплотную и посмотреть вниз, то можно вообразить, что находишься на носу плывущего парохода. И как-то забываешь, что за тобой, совсем рядом, постоянно нависает стометровая толща воды, которая ждет своей очереди, чтобы упасть на колеса турбины и, пройдя под плотинной, возникнуть у тебя перед глазами. Река вся в пене, как хорошая лошадь после быстрого бега.

Машинный зал необычайно красив. Из конца в конец в строгом порядке тянутся двенадцать красных цилиндров. Возле каждого — два белых. Красные — это лишь малая часть спрятанных под полом турбин. Белые — это лишь малая часть системы управления.

Чем же занимаются здесь дежурные, которым подчиняется самая многоводная река Советского Союза?

Начальник смены Николай Николаевич Сатаев дает мне посмотреть журнал:

8.00. Осмотрено оборудование.

8.10. Опущены на порог затворы 11А и 11Б.

8.15. Н-701, установка колес на 75-тонный кран.

8.15. Покраска низа формы Н-696 тормозного пути.

8.25. Н-704, ревизия подпятника А11.

8.27. НГ переведен в генераторный режим.

8.30. Н-700, капремонт си-

стемы пожаротушения генератора А-1.

Всего полчаса. А сколько забот. Оказывается, и река, и машины, и люди только делают вид, что спокойно работают. На самом же деле здесь идет жестокая, жаркая схватка.

Каждую секунду нападают 6 тысяч кубометров воды. Им противостоит 5 с половиной миллионов кубометров бетона, 12 турбин и 14 человек. Из этого сражения в течение года и высекается невиданная энергия — 20 миллиардов киловатт-часов.

Я сказал начальнику смены, что хочу побывать на «переднем крае», в самом жарком месте этого сражения. Николай Николаевич взял ключи, оставил вместо себя дежурного мастера, и мы пошли.

Мы спустились вниз по металлической лестнице, перелезли через стальные барьеры, и я воскликнул:

— Да это же рабочее колесо!

Стальной цветок колеса турбины был знаком мне по фотографиям. Турбину делали у нас в Ленинграде — и какой же ленинградец ее не знал!

— Погодите, — сказал Николай Николаевич, — мы еще сюда вернемся.

И повел меня по кривой, все расширяющейся трубе, похожей на раковину. Ее членистая полость закручивалась и расширялась все шире, словно готовая встретиться с каким-то чудовищем. Под ногами хлюпала вода. Наконец, раковина закончилась, дальше ходу не было. Пахло рыбой, водорослями, морским дном.

— Знаете, где мы находимся? — спросил Николай Николаевич. — На дне Красноярского моря. Это спиральная камера. Она охватывает рабочее колесо, которое вы узнали. Мы с вами здесь только потому, что этот, четвертый агрегат, на профилактике. В обычное время здесь вода. Да не просто вода, а под невероятным, фантастическим давлением! Нас бы в лепешку раздавило.

Ну, смотрите, что тут делается. Вода входит в камеру диаметром десять метров.

— Да это не больше ли, чем тоннель метро?

— Больше! А выходит на рабочее колесо вон там, в конце камеры диаметром два метра. Скорость ее замедляется, верно? Зато увеличивается давление. Ну, а везли эту ракушку, наверное, слышали, на семи большегрузных платформах.

Мы вернулись к рабочему колесу.

— Стоит открыть затворы, и вот что произойдет... Вода, шестьсот кубометров воды в секунду, ударит вот в эти лопасти, закрутится рабочее колесо. Каждая лопасть, вы видите, высотой четыре метра, а всего их четырнадцать. Рабочее колесо весит 250 тонн, из такого количества металла можно изготовить 200 автомобилей «Волга». Вы, наверное, знаете, что эти лопасти ни одна железная дорога не принимала — пришлось бы ломать все виадуки, мосты, останавливать встречное движение. Их везли на специальном лихтере «Лодья» через Северный Ледовитый океан. Так вот, колесо вращается под напором воды со скоростью 93 оборота в минуту и наверху крутится соединенный с ним намертво вал. Ну, пойдете, посмотрите...

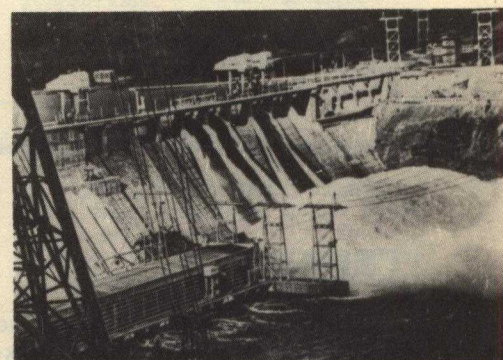
По внутреннему коридору мы попали в другую шахту, точно такую же. Рабочее колесо и спиральная камера остались под нами. За предохранительным ограждением крутился лоснящийся стальной вал. Он крутился так самозабвенно и яростно, что казалось, — теперь уже никогда не остановится.

— Это еще что, — сказал Николай Николаевич, — здесь не так ощущаешь скорость. А вот пойдете-ка...

Мы поднялись по ступеням и вошли в коридор. Николай Николаевич вынул ключ и отпер железную дверь. Повяло холодом.

— А ну, войдите. Держите только шапку...

Вихрь ударил мне в лицо, смертельный холод и остервенелое, дьявольское вращение. Вращался весь потолок — неуловимый для глаз диск —



вращался весь воздух, да его и воздухом уже нельзя было назвать, а ураганом.

Мы пробыли там несколько секунд, и мой провожатый запер ключом дверь.

— Ну, а дальше вы уж по физике знаете, что происходит.

Да кто этого сейчас не знает! А кто не знает, тот догадывается. Всякому ясно, что еще большая дорога у этой отобранной у реки энергии, прежде чем она сделает землю похожей на звездное небо.

Рисунки Г. Никеева





Раздел ведет
писатель Н. Сладков

Оформление
Ю. Клыкова

НОЧНОЙ РАЗБОЙ

Старательная белочка строила свое гнездо-гайно. Не спеша строила, с расчетом и хитринкой. Выбрала для него высокую ель. И не просто высокую, а такую, ветки у которой лишь на макушке, густые, непроглядные. Сквозь них и неба не увидишь, не то что заметишь гнездо.

Из прутьев белка выкладывала шарообразный дом с дыркой-входом посередине. Сколько раз спускалась на землю за строительным материалом — счету нет! Когда главная работа была закончена, принялась утеплять мхом потолок и стены, вплела брусничные стебли с листьями, пол застелила тоже мхом, но мелким, перетертым, да еще своей шерстью, выдранной с боков. А для украшения воткнула у входа сопочье перо с перламутровым блеском.

...Вьюжной зимней ночью, когда белка крепко спала, укрывшись пушистым хвостом и наглухо заткнув входную дырку мхом, на ель бесшумно забралась куница. Если злобная лесная хищница найдет беличье гнездо, спасенья не жди. Ни убежать, ни спрятаться, ни защититься не может белка от куницы. Разбойница нашла вход и молнией стрельнула в него, выбив мордой мягкую затычку.

Затряслось, затрещало гнездо, посыпались на землю так тщательно пригнанные палочки-бревешки. Пискнула белка и затихла. Закапала на снег кровь...

Долго еще куница будет жить в чужом гнезде, пока не переловит в округе всех белок. И уж потом переселится в другой лес.

Л. Фомин

ИЗ „КРАСНОЙ КНИГИ“

ГЕПАРД

Сейчас, когда так много написано о гепардах, когда с их жизнью можно познакомиться, сидя перед телевизором, этот зверь стал ближе и понятнее людям.

Спринтерские способности гепарда (на коротких дистанциях он развивает скорость больше ста километров в час), а также возможность его приручить в давнюю пору использовались человеком для охоты на копытных животных.

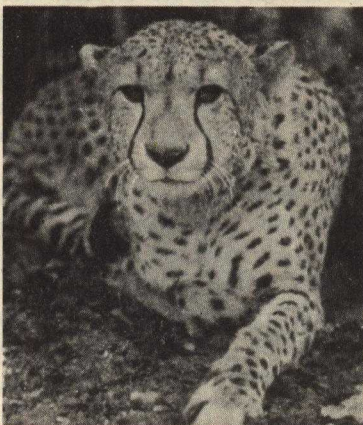
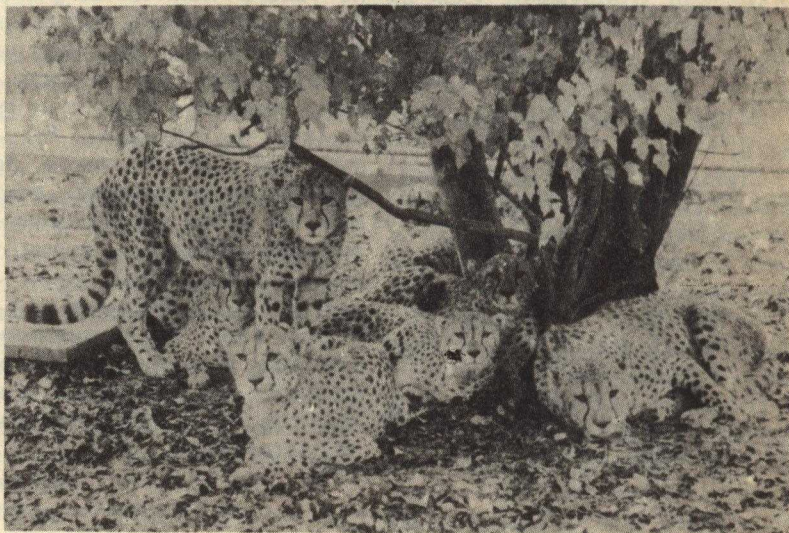
Эта длинноногая, не похожая на других кошка, обитающая на открытых пространствах Азии и Африки, в настоящее время всюду редка.

Считается, что гепарды есть и в нашей стране, хотя за последние десять лет сведения о встречах с ними отсутствуют. Неудивительно, что это животное было занесено в «Красную книгу».

Очень много интересного о жизни гепардов в природе рассказывает книга Джой Адамсон «Пятнистый феникс».

Случаи размножения гепарда в неволе пока редки. Немногие зоопарки могут похвалиться пятнистыми малышами. Трех гепардов, родившихся в неволе, нам посчастливилось увидеть в этом году в Пражском зоопарке.

В. Левин, Е. Лысов



Эти гепарды сфотографированы в зоопарке чешского города Двор Краков.

В неволе гепарды редко содержатся большими группами, а здесь — я попробовал сосчитать — живет вместе около двадцати хищников.

Гепардов, которые отдыхают в тени дерева, поймали в Африке директор зоопарка доктор Вагнер и его коллеги.

Директор пригласил меня войти в вольер, чтобы сфотографировать хищников с близкого расстояния.

Все гепарды, как по команде, повернули головы в нашу сторону, но остались неподвижными.

Я спустил затвор фотоаппарата.

В. Левин

ЗА ЦВЕТКОМ ГЕРОЕВ

Мы стали готовиться к поездке на раскаты, туда, где кончается Волга, где растекается она так широко, что становится морем.

Там, в камышовых бухтах, пламенеет самый древний цветок планеты — лотос. Говорят, самый красивый цветок. И самый нежный — сорвешь, и он в руках вянет.

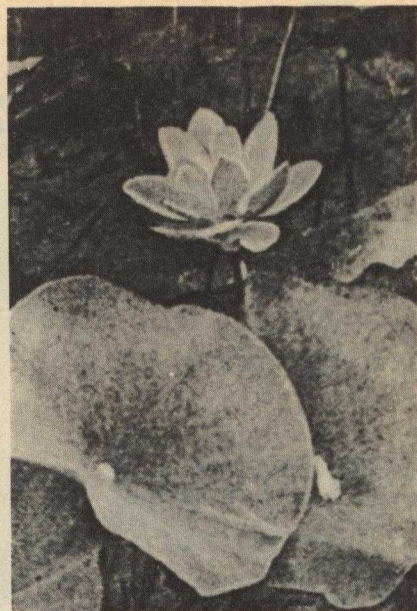
яли на одном месте, и мелкие зеленые листья бабьего разума облепили весла. Ярулла толкался шестом, а когда под днищем шуршал песок, мы вылезали из лодки и тащили ее на веревке, словно бурлаки. И чувствовали, как в ноги тычутся холодными нозами рыбы.

— Вот он! — вдруг тихо сказал Ярулла.

За низким камышом среди остролистых чаканов будто кто-то угли рассыпал. Лотос! Так вот он какой — царь цветов. Я продирался по пояс в воде через водоросли и ухнул в яму, успев поднять в последнее мгновение фотоаппарат над головой.

Ишь ты, лотос! Вечный цветок! Алые бутоны тянутся к солнцу. Я хотел сорвать один, но остановился. Ярулла сказал, что когда погибает герой, его сердце превращается в лотос. Поэтому и мало на земле лотоса — не каждый человек умирает героем.

А. Пирожков
Фото автора



ОСЕННИМ ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ...

Сторожевая собака ни при каких обстоятельствах не должна лаять, а может только толкнуть вожатого носом, насторожить уши или поднять при сильном возбуждении шерсть на холке. Даже рычать она не имеет права. Пограничные собаки — это сторожевые собаки. Они вместе с пограничником находятся в дозоре — сторожевке, где нельзя спугнуть раньше времени диверсанта и обнаружить себя. Сторожевых собак специально отучают лаять.

Мы, владельцы эрдель-терьеров, решили сделать сторожевыми своих питомцев. Занимались на пустыре у кладбища — там можно лежать в дозоре, никому не мешая. Занятия проходили поздно вечером, так как нужно было после работы заехать домой за собаками и с ними добраться до места.

Однажды осенним поздним вечером мы приехали на сторожевку.

Прерывистый из-за туч лунный свет придавал пустырю жуткий вид. Шумели голые вершины деревьев.

Спрятались с собаками. Все молчат. Собаки напряженно лежат, готовые ежеминутно вскочить. Тревожное почему-то настроение владеет всеми и заставляет собак чутко вслушиваться

в шорохи. Беспокойным Чернышу и Чайке-Чане зажимают морды рукой, чтобы они не лаiali.

Вдруг появляется наш инструктор. Исполняет дикий танец, чтобы заставить собак лаять. Но наши умные эрдели молчат.

Тогда инструктор заряжает пистолет. Яркая вспышка и оглушительный выстрел. И... вслед за этим нашего инструктора хватают какие-то люди и заворачивают ему руки за спину.

Потом эти люди — а это были дружинники — нам рассказали, как мы их напугали. Темнота. Тишина. И вдруг выстрел. Зловещая пляшущая фигура. И как будто из-под земли вырастают безмолвные призраки с жуткими лохматыми чудовищами. Горящие глаза, белые клыки. Дружинники крепко держали танцора. Но тут привидения жалобно заговорили: «Отпустите, пожалуйста, нашего инструктора!» Чудовища превратились в ласковых эрделей...

«Арестованного» освободили. Все развеселились после пережитого страха. Вместе с дружинниками мы прошли по кладбищу, проверили, не скрываются ли где хулиганы. А затем дружески расстались.

Г. Вахрамеева



...Когда я устал, на весла садился дед Ярулла, казах, сторож местного колхоза. Волга становилась все уже и уже, а течение — быстрее. Мы взяли четырех собак — больше не умещалось в лодке.

— Пускай и они лотос понюхают, — добродушно сказал Ярулла. Псы развалились на корме, яростно чесались и лаiali на невозмутимых аистов. Только одноглазый вожак сидел чинно и преданно смотрел на Ярулла. Лишь когда на песчаных мелководьях нам попадались одуревшие от жары орланы, вожак не выдерживал и рявкал — ему в детстве орлан выклевал левый глаз.

Иногда мы останавливались и искали под плавающими листьями колючий чилим — водяной каштан. Если чилим сварить и подсушить на солнце — получится вкусно. В войну чилим спас Астрахань от голода.

На раскаты мы пришли часа через три. Шумливые бакланы носились над нами, поглядывая удивленно сверху то левым, то правым глазом. В камышах что-то крикало, чавкало, ухало, пищало. Где-то рядом кричали гуси, стучали клювами пеликаны. Даже наши собаки притихли, растерянно крутили головами, провожая диких птиц.

А впереди был Каспий. Нашу лодку уже не гнало течением, мы сто-



ОПЕРЕТЬСЯ НА РАДУГУ



Утро в горах опускается сверху вниз. Вот, словно свечи, вспыхнули пики самых высоких скал. Потом солнце позолотило каменные карнизы, опустилось на горные луга, в криво-лесье, в черный ельник. Потом замелькали утренние веселые зайчики в зеленых кронах берез, осин, буков. И вот, наконец, солнце совсем уже низко, на дне глубокой долины. Это оно пришло в селение, к людям...

Раньше всех встретил солнце охотник. Он ночевал высоко в диких скалах Кара-Дага, выше облаков, где только гигантские сипы водят мрачные хороводы. Вместе с утром он стал спускаться с гор. Все ниже, ниже. У охотника было с собой не только ружье. В рюкзаке — фотокамера и записные книжки. Все надо увидеть, услышать, записать. Нет такой норки, мимо которой бы он прошел, нет такой птицы, чью песню бы не послушал, такого зверя, чей бы след не запомнил. Он раскрывал свой блокнот на снежных вершинах, когда пальцы сводило морозом, писал и под дождем, и у костра в лесной темноте.

Охотник побывал на Памире, Тянь-Шане, в горах Приморья, на кавказских и крымских хребтах, в ущельях Алатау. Одну за другой природа загадывала ему загадки. И на каждую он старался найти ответ. Косолапый мишка переворачивает камни влажной стороной к солнцу, будто сушит их — зачем? Туры роют в земле ямки — для чего? Серна ест ядовитые цветы рододендрона... Уж не задумала ли она распрощаться с жизнью? Нет, так она лечится, это природа выписала ей рецепт: «по два цветка натошак, не запивая»... А чем питается филин? Когда охотятся орлы? Зайцы, оказывается, простужаются ночью в сырых зарослях, а чуть солнышко появится, бегут на полянку, ложатся врастяжку и греются.

Про все это, про горы, от самых надоблачных высот до подножий, про горную весну, лето, осень и зиму написано в книжке «Земля над облаками» необычного охотника, охотника за удивительным — писателя Николая Сладкова.

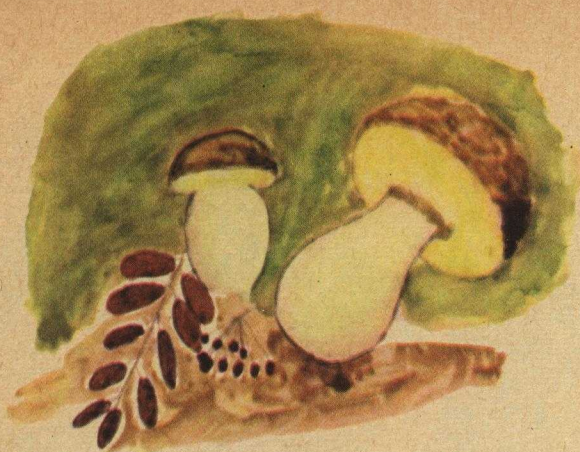
Где только не побывал он! И на севере, и на юге нашей страны, в горах и пустынях, лесах и болотах. Бродил без усталости. Изучал животных, растения, пытался заглянуть в самые тайники жизни. Он забирался в пещеры, плавал под водой, нырял на морское дно и все, что видел, фотографировал, о чем узнавал — записывал.

Николай Сладков — писатель не простой. Он фотограф, художник, натуралист. Тема его книг — всегда природа. Есть у писателя книги для тех, кто совсем мал: «Пестрые крылья», «Под каменным небом», «От зари до зорьки», и для тех, кто постарше: «В подводном лесу», «В лесах счастливой охоты», «Смелый фотоохотник». Книжки Н. Сладкова «Подводная газета», «Земля солнечного огня», «Земля над облаками» не пылятся на полках библиотек. Их всегда спрашивают, на них записываются «в очередь», их с нетерпением ждут.

Читаешь и перечитываешь «Землю над облаками». И вроде бы дышишь горным воздухом, поборов страх, карабкаешься на вершины, греешь руки о солнце.

Ведь чтобы небо поддержать на плечах, на радугу опереться — надо стать на вершину.

С. Степанын



Третьеклассник Саша Сумин очень любит рисовать, больше всего корабли и танки, но вот у бабушки и дедушки в деревне он пошел в лес и нашел эти грибы, которые ему так понравились, что он решил нарисовать их для нашего „Уголька“.

— Ведь в августе все читатели „Уголька“ будут ходить по грибы!



Выпуск „Уголька“ подготовили бывший октябренек журналистка Наталья Кротова и бывший октябренек фотокорреспондент Илья Колтун



Октябрята — частые гости в пионерской комнате. Хохаева Галя — командир звездочки в третьем классе. У нее очень много дел. Вот она пришла посоветоваться со своей вожатой Леной Перцевой, как лучше подготовиться к своей звездочке к вступлению в пионеры.



Этот номер „Уголька“ подготовлен с помощью октябрят школы № 9 города Нарвы.



„Нам—50“ — в этот юбилейный октябрятский год третьеклассники станут пионерами. Пионеры — вожатые из шестых классов — рассказывают октябрятам о пионерском галстуке, значке, знамени, об истории пионерской организации. Готовят октябрят стать достойными пионерами.



— Когда проходила „Зарничка“, у меня не было деревянного пистолета, — говорит Саша Кохно. — Вот я и пришел в столярную мастерскую, чтобы выпилить себе пистолет. Правда, я еще не очень хорошо умею обращаться с инструментами, потому что мы — младшие, а столярничают на уроках труда старшие ребята, но Александр Иванович, когда что-нибудь не получается, всегда приходит на помощь.





Приятно, когда сшитый тобой заяц, или твой рисунок, или аппликация, или вышивка отобраны для выставки, но еще приятнее, когда командир звездочки в конце дня напротив твоей фамилии на стенде успеваемости и дисциплины прикрепит красную звездочку — это значит, что ты сегодня самый лучший, самый прилежный, самый дисциплинированный.

2



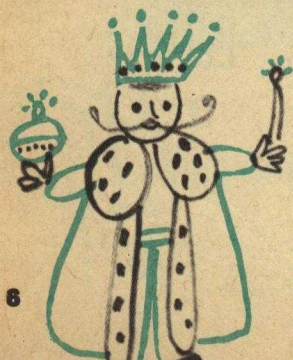
„Зарничка“ — младшая сестра пионерской игры „Зарница“. Октябрята школы № 9 заняли первое место по городу в этой игре. „Стать сильными, ловкими, смелыми“ — один из девизов октябрят, которые готовятся к празднику „Нам—50“. Когда октябрята станут пионерами, они будут сдавать нормы ГТО. Всем хочется носить только „золотой“ значок — поэтому октябрят из спортивного зала, как говорится, и не выгонишь!



7



На этой фотографии Галя Хохаева уже не Галя, а принцесса, капризная и злая, а Валера Лукинский — профессор.



Ребята репетируют сценку из спектакля „Двенадцать месяцев“. Галя хоть и хорошая ученица, а когда становится принцессой, говорит: „Терпеть не могу писать—все руки в чернилах!“

6

И ребята стараются быть внимательнее в классе, лучше готовить уроки дома, хорошо вести себя на перемене. 2 „а“ класс — лучшая октябрятская группа в школе.



3

ИДЕТ ТУРНИР

Шахмат-адмирал Ферзьбери поздравляет отважных рыцарей АРЧЕБЕКА, завоевавших честь продолжить турнирные сражения в финале!

Будет три тура: два разрядных (в них можно получить спортивный разряд) и призовой (он определит призеров). В разрядных турах по 6 заданий, каждое принесет 10 очков. Нормы: 80 — четвертый разряд, 100 — третий, 120 — второй.

К призовому туру допускаются все финалисты. Условия — в № 10.

Шахмат-адмирал желает рыцарям успеха, но предупреждает: решения должны быть написаны аккуратно, четко и полно. Разбор всех важных вариантов обязателен. Дополнения и поправки приниматься не будут.

Финальные бои считать открытыми!

Турнир шахматистов

№ 1. Белые: Kpd6, Фг3, Ла8, Ка6, п. b6; черные: Krb7, Ка4.

№ 2. Белые: Kpf7, Ле6; черные: Kph8, пп. b3, e2, g2, g6.

№ 3. Белые: Kph6, Лс8, Ch5; черные: Kph8, Cg8, п. h7.

№ 4. Белые: Kpf2, п. g2; черные: Krc6, п. h4.

№ 5. Белые: Kpf4, пп. e5, e6; черные: Kpf8, п. f7.

№ 6. Белые: Krc8, Лh7, п. b2; черные: Kpg2, пп. b3, d5, h3.

№ 1 — мат в 2 хода, № 2 — во сколько ходов белые смогут дать мат? № 3 — мат в 4 хода, №№ 4, 5, 6 — выигрыш.

Турнир шашкистов

№ 1. Белые: а3, а5, b2, c3, d4, e3, e5, h4; черные: а7, b8, c7, d8, f6, g5, g7, h8.

№ 2. Белые: Д. а7, h6; черные: пр. а3, c3, c7.

№ 3. Белые: Д. b8, f8, пр. а5; черные: пр. c3, f2.

№ 4. Белые: Д. g1, пр. d2; черные: пр. а5, e7, g3, g5, g7.

№ 5. Белые: а3, b2, c1, c5, e1, e3, e5, g1, h6; черные: а5, а7, b8, c7, e7, f8, g3, g7.

№ 6. Белые: а3, b4, c3, d4, f2, g3, h2, h4; черные: а5, c7, d8, e7, f6, f8, g5, g7, h8.

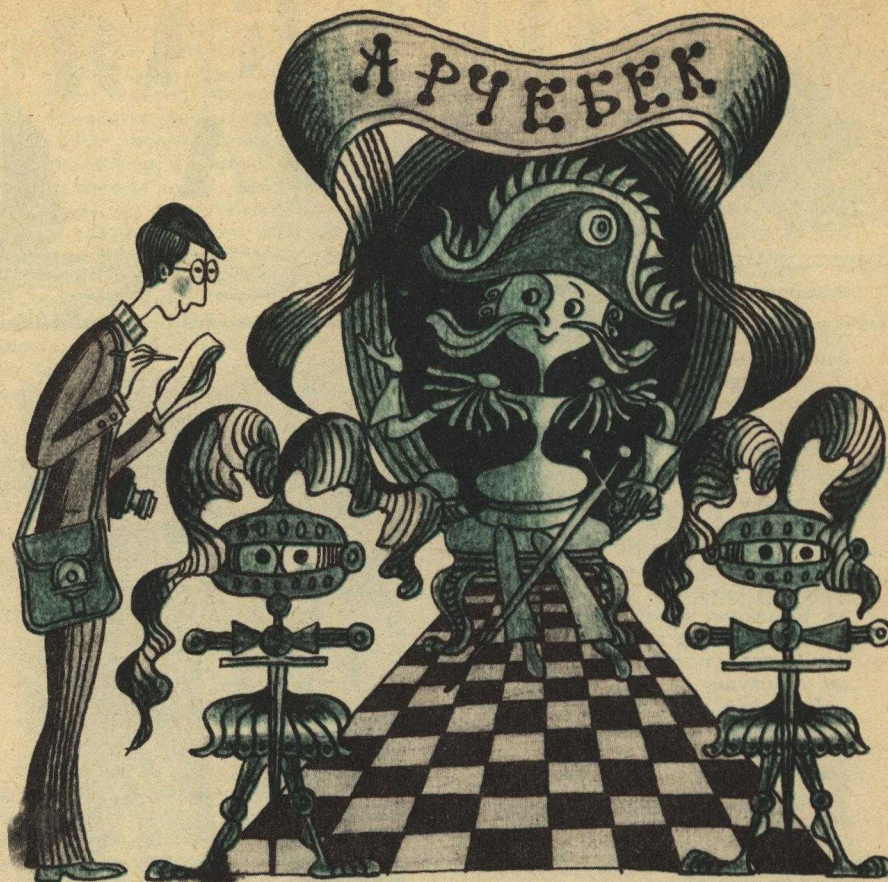
В каких позициях белые выиграют? В каких — нет? Почему?

(Авторы: № 1 — Ю. Бирман. №№ 2, 3, 4 — Д. Калинин, № 6 — С. Ковалев).

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕДИ!

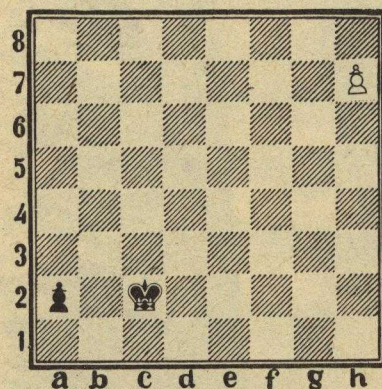
Внимание: боевое задание!

Положение было такое — белые: Кра1, Лd1, Кс6, пп. а2; а5; черные: Кра8, Лb5, Сс4. п. а6. Тут игравший белыми сделал очень сильный ход, после которого черные сдались, так как стало ясно, что они получат мат не позднее четвертого хода. Покажи этот сильный ход белых и угрозу, которую он создает.



ПРОИСШЕСТВИЕ

— Ничья! — сказал некий Неизвестный, сделав ход а3—а2.



— Не согласен. Тут мой выигрыш, — возразил Рыцарь.

— А что там такое?! — закричал вдруг Неизвестный.

— Где? — Рыцарь обернулся, но ничего не заметил. А когда опять посмотрел на доску, то не обнаружил на ней своего короля. — Куда делся мой король?

— Поразительно! Куда делся твой король? — и Неизвестный полез его искать — под стол, под кровать, под шкаф... — Нету! Или соглашайся на ничью, или ищи сам! — сказал он.

Короля найти не удалось. Но вот вопрос, который задает всем рыцарям Коля Коробков (Барсуки), собиравший об этом необыкновенном происшествии: на каких полях мог стоять белый король, чтобы обеспечить белым победу?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 6 решаются так.

Идет турнир! Шахматы — А. 1. Kpg2! Кре7 2. Kph3! Kpf6 3. Kph4 и черные не смогут занять оппозицию. Б. 1. e6! de 2. Kpd2! Kpd6 3. Кре2! и белые захватывают оппозицию. Шашки — А. 1. bc7! 2. e7!X. Б. 1. cd6! 2. dc7! 3. g3X.

Оруженосцы, шаг вперед! 1. Се3 Krb6 (если 1... b6, то 2. С:с5) 2. g5! Krc6 3. С:с5, и белая пешка проходит в ферзи.

Стол находок. 1. Ла2! Кр:а2 2. Крс2, или 1... а3 2. Л:а3+, или 1... Крс3 2. Лh:а4.

ПРИКАЗ № 8

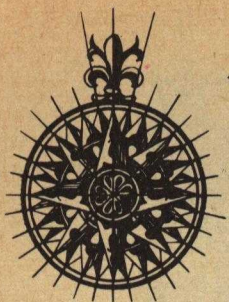
Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям и оруженосцам прислать рапорты до 1 октября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Рисунки Г. Ясинского





МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й



НА МОРСКОЙ ГРАНИЦЕ

Пограничный корабль стоит на якоре в квадрате «Н». Ночь. В ходовой рубке мерцает экран локатора, глаз корабля. Любое судно, попав в зону действия локатора, появится на экране. Командир корабля предупрежден радиогаммами, в какое время и каким курсом проследуют через квадрат «Н» суда.

Командир заносит в журнал: «Цель». Ему известно: сухогруз «Ладога» идет из Риги в Таллин. Значит, все в порядке... Прошло судно. Экран чист. Но что это? Ползет по его краю дрожащее пятнышко. Быстро ползет. Вахтенный докладывает: «Цель!» Расстояние 18 кабельтовых!» Командир заглядывает в журнал радиогамм: предупреждения о появлении в это время судна не было!

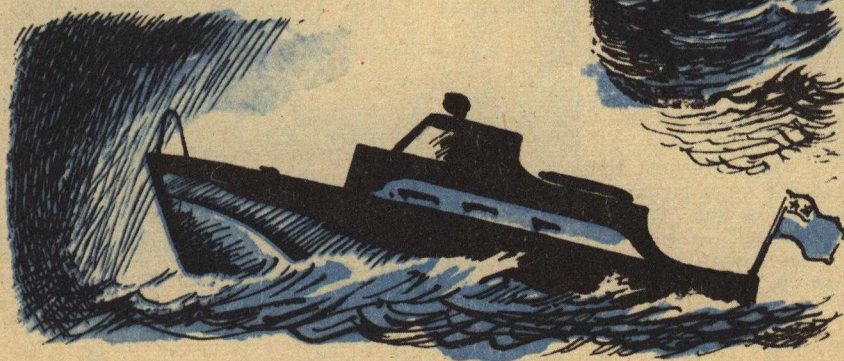
- Запросить по радио!
- На запрос не отвечает!
- Боевая тревога!

Ожил корабль. Взревели двигатели. Заскрежетала якорная цепь. И вот уже белый бурун вскипел за кормой. На экране локатора быстро сокращается расстояние до нарушителя.

— Расчехлить прожектор! — приказывает командир. Пятно света пляшет по борту большого катера. Что такое? Очень знакомый силуэт... Ближе, ближе... И сигнальщики узнают катер начальника...

Тревога была учебной.

А. Харшак,
спецкор «Морской газеты»



ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ

„РЫЦАРИ МОРЯ“

Так мы назвали свой клуб. А наше море — Верхисетский пруд. Мы ходим на яхтах морской школы ДОСААФ в дальние походы по рекам. Зимой ремонтируем яхты, а весной — в плавание. Люблю, когда яхта отходит от причала и ветер наполняет паруса!

Боря Тупицев, Свердловск

ДЕЛА НАШИ ХОРОШИ

Дела в нашем КЮМе «Алый парус» идут хорошо. В наш КЮМ ходят не только мальчики, но и девочки. У нас будут экзамены по морскому делу. Мы к ним подготовились. Теперь у нас два тренера, один из них раньше служил на подводной лодке. Сейчас у всех есть морская форма, об этом позаботились тренеры.

Виктора Суздальцева, Сашу Клинова и меня недавно приняли в ряды ВЛКСМ.

Сергей Шувалов,
Комсомольск-на-Амуре

БАБОЧКИ И ПАРОХОД

Порой гибнут корабли. Бывает, в тумане столкнутся. Бывает, шторм на скалы нанесет... Но вот как погиб немецкий пароход «Адлер». Случилось это в южном море. Погода была хорошая, солнечная. Пароход шел не подалеку от берега. Внезапно дунул ветерок, и на пароход налетело огромное белое облако. Бабочки! Они облепили весь пароход. Палуба покрылась слоем шуршащих крылышек. Бабочки ползли по мачтам, надстройкам, шлюпкам! Мириады насекомых! Стоило открыть дверь каюты — как белое облако впархивало туда... Потом случилось самое скверное: бабочки залепили окна мостика. Рулевой ничего не мог поделать. Он не видел, куда идет пароход, и сбился с курса.

«Адлер» наскочил на скалы и затонул...

Так обыкновенные маленькие бабочки погубили большой пароход.

О. Орлов

СТАНЦИЯ „РАСКАТ“



Каждые сутки Кольской губой проходит до пятисот судов. В Мурманск и из Мурманска. Взглянешь на залив: тянется непрерывный караван. Пятьсот судов! Цифра... А Кольская губа невелика: всей длины — 80 километров, а ширины местами — 2.

Если погода ясная, капитанам хорошо видно. А если туман? Снегопад? Ветер? Судам грозит опасность на подходе к Мурманску. Вот и построили на берегу радиолокационную станцию «Раскат».

День и ночь над «Раскатом» вращаются выгнутые крылья антенны. А на телеэкранах «Раската» виден весь залив. Суда на нем как точки.

На станции — лоцман. Он следит за экранами. В руках у него микрофон. На судах тоже лоцманы. Они по радио связаны с «Раскатом». Судно не даст ход, пока не получит по станции приказ. «Раскат» скажет: «„Дон“! „Дон“! Станьте в квадрат 67/9, к западу от „Хибин“ в двух кабельтовых».

«Дон» послушно подвинется к западу.

Или «Раскат» скамандует: «„Петрозаводск“! Даю добро на подход к порту!»

„Петрозаводск“ ответит: «Понял „Петрозаводск“». Спасибо! Закрываю связь!» И пойдет прямо в порт...

Уходя с «Раската», я полистал любопытства ради книгу приказов и прочитал вот что:

ПРИКАЗ № 48

«20 января в 04-25, в нулевую видимость, плавбазу «Печенга» стало наносить на банку острова Абрам-карга. Ветер — 5 баллов, отливное течение. Лоцман «Раската» Александр Петрович Ковалев к 7.00 умелыми действиями подвел судно к причалам рыбного порта».

Вот так! А не будь «Раската», сидеть бы «Печенге» на камнях...

Г. Гусев



ОКЕАНСКИЙ

ТЕЛЕГРАФ

Спроектирован гигантский танкер «Союз». Высота — с десятиэтажный дом! Судно вместит столько нефти, сколько смогут перевезти девять тысяч железнодорожных цистерн. Танкер не будет загрязнять морскую во-

ду. Приборы определяют малейшую утечку нефти. У судна двойное дно. В случае аварии нефть не загрязнит море и не погубит рыбу.

Танкер будет строиться в Ленинграде.

БЮРО ПАТЕНТОВ

ИЗ ПРОЕКТОВ, ПРИСЛАННЫХ НА КОНКУРС „КОРАБЛИ 2000 ГОДА“

(Смотри «Костер» № 11, 1973 год.)

Проект плавучего завода-острова для переработки планктона и морских водорослей прислал Володя Созыкин из Краснокамска (Пермская обл.). Хотя условия конкурса не предусматривали проектирование плавучих заводов, идея показалась нам интересной, и мы решили напечатать чертежи.

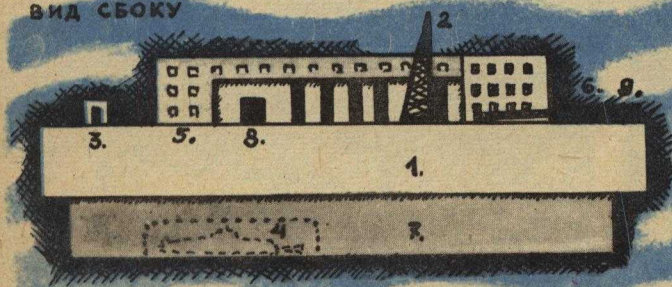
Жюри

Условные обозначения: 1. Плавучая платформа. 2. Причалы. 3. Спуск в завод. 4. Ангараы для подводных лодок-косилок. 5. Жилые помещения. 6. Уловители планктона. 7. Подводный завод. 8. Спуск в ангары. 9. Насосы.

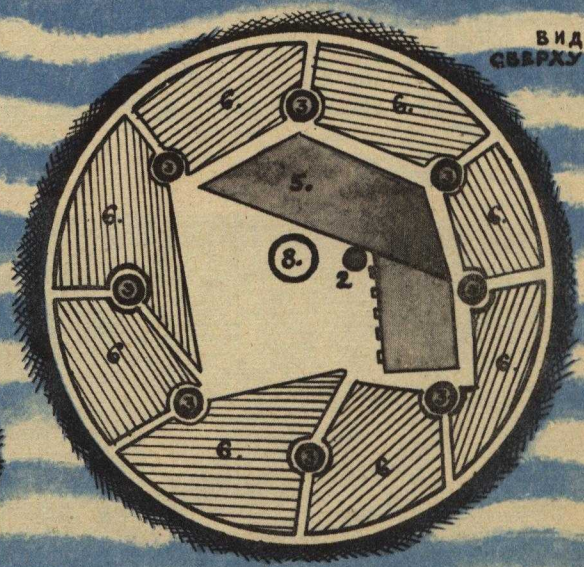


ИСКУССТВЕННЫЙ ОГОРОД / РАЗРЕЗ

ВИД СБОКУ



ВИД СВЕРХУ



НЕ „ЯКОРЬ“

Ропот (правда, совсем глухой) я уловил лишь один раз в течение долгих часов тренировки. И совсем не в тот момент, когда Юрий Петрович командовал в зале «сухого плавания»:

— Десять раз упор-присед и отжаться десять раз!

Или:

— Сесть друг другу на плечи и сделать по пятнадцать приседаний!

И даже не после угрозы тренера «лишить кое-кого воды» за нежелание играть в пас.

Самые отрицательные эмоции, как принято сейчас говорить, вызвала команда:

— Разделить «Шторм» пополам!

Тут я понял, как они не любят, чтобы делили пополам их «Шторм», команду чемпионов специализированной ленинградской школы юных ватерполистов.

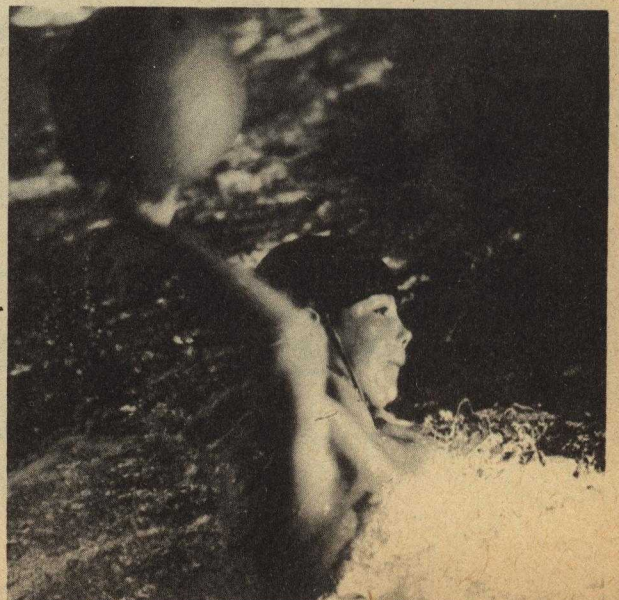
Кстати, только недавно появилось это название. А еще осенью команда, составленная из 11—12-летних ветеранов школы (второй год учебы), числилась в турнирной таблице «Якорем». Ну чем, казалось бы, плохо — «Якорь»?

— Якорь ваш тянет на дно! — громко, на весь бассейн, крикнул однажды капитан победенной команды.

И полчаса спустя, после бурных дебатов в раздевалке, «Якорь» единогласно переименовался в «Шторм».

Прямо скажем, выглядят они грозно и на суше. Ватерпольные шапочки с номерами придают мальчишкам самый что ни на есть спортивный вид. Самый высокий и стройный — Андроник Джаладьянц. Такая комплекция, не раз слышал я от специалистов, считается идеальной для водного поло («высокий — значит, поднимет руки, и попробуй мимо блока бросить мяч!»). Андроник, конечно же, предпочел бы играть в нападении. Но тренеры (а глаз у них наметан — и у Игоря Денисовича Бурыхина, и у Зинура Закировича Исянова, и у

Михаил Эстерлис
Фото Ильи Колтуна
Рисунки А. Якуса



А., ШТОРМ”!

Юрия Петровича Пашкина; все трое — мастера спорта, первый и сейчас играет в высшей лиге за ленинградскую «Балтику») судили иначе.

Короче говоря, пока судьба Андроника решена далеко не так, как ему хотелось бы. «Чтобы никого не пропустил!» — слышит он обычно наставления перед матчем. Он же больше всего хочет, чтобы защитники стерегли его, Андроника, по часу в день работающего дома с мячом (упражнений он знает несколько десятков) и постигшего уже многое из арсенала ватерпольных бомбардиров.

Мне поначалу тоже казалось, что тренеры что-то здесь недоучли. На разминке Андроник бил без промаха, и даже Рома Фишер, сам непробиваемый вратарь «Шторма», то и дело доставал мяч из сетки.

Но вот я присмотрелся к Сереже Миронову, капитану команды, а потом увидел Игоря Алексеева...

Должен все-таки признаться: Юрий Петрович, который вел занятия этой группы (а всего ребят в школе около двухсот — от 10 до 17 лет), успел немного рассказать мне об Игоре, назвав его «феноменальным пареньком». И я был соответственно настроен на встречу с феноменом. Для начала, однако, пришлось разочароваться. Игорь опоздал на «сухую» разминку, и привычно подумалось: «Звездная болезнь... Зазнался... Пренебрегает разминкой». Оказалось — Игоря задержали учебные дела в школе, и сами ребята позднее поведали о том, что главный бомбардир и главная надежда всего клуба — скромняга, каких свет не видал.

В общем, увидел я вскоре Игоря в деле — до того, как разделили «Шторм», и после. И потом еще неоднократно наблюдал за ним в официальных матчах. В сентябре 1973 года я побывал на первом чемпионате мира по водным видам спорта в Белграде, и еще свежа в памяти игра многих ярких ватерполистов. Игорь, думается, не испортил бы погоды во

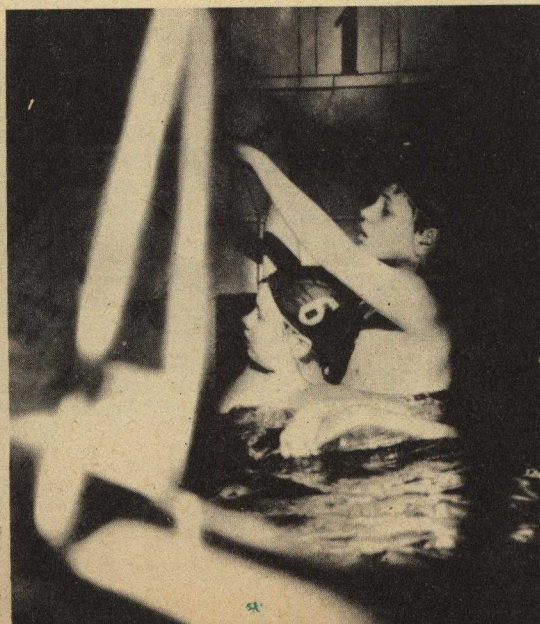
многих взрослых сборных командах, состязавшихся на воде белградского «Таш-майдаана». Переводы мяча: пасы, броски, обманные движения у него просто великолепны. Плавает по второму взрослому разряду.

— Очень способный и очень, очень трудолюбивый, — такова оценка Игоря Денисовича Бурыхина.

А во время урока несколько раз Юрий Петрович восклицал: «Делайте, как Игорь!» И это совсем не значило, что тренер требует от всех ребят столь же филигранного исполнения технических приемов. Ведь Алексеев все-таки незаурядный ватерполист, пусть и юный. Означало это: оценивайте игровую обстановку, как ваш лидер. Будьте столь же внимательны к тому, что происходит на площадке. Не жадничайте с мячом, если партнер сумел занять более выгодную позицию перед воротами соперника, отдайте мяч ему.

«Водное поло — игра командная!» — не перестают твердить наставники своим юным питомцам. Увы, постигают эту истину не все враз. В этом я еще раз убедился, когда разделили «Шторм». И Сережа Миронов, умению которого владеть мячом позавидуешь, и Миша Авакумов, и даже самый младший в команде одиннадцатилетний Дима Федотов (и по росту самый маленький, но весьма шустрый) то и дело норовили самостоятельно пробиться к воротам и попытаться забить гол.

Ох, эта жажда гола, огромная радость, когда мяч, пробитый точно, трепещет в сетке, знакома всем поколениям мальчишек, гонявших мяч футбольный. Перекочевала она и в водное поло. И много усилий требуется от тренеров, чтобы научить ребят играть в пас, только в пас. Как играет сборная СССР — олимпийский чемпион. И, если хотите знать, так, как уже играют лучшие воспитанники специализированной школы при бассейне Балтийского морского пароходства, что расположен в самом центре Ленинграда — на Невском проспекте. Этому явился я свидетелем на занятиях старшей группы, откуда лучшие из лучших, такие, как шестнадцатилетний Игорь Филимонов, вот-вот попадут в основной состав команды мастеров.



— Ну почему именно водным поло захотел ты заниматься? — спросил я первого попавшегося после занятий паренька. Это, как оказалось, был нападающий «Шторма» Игорь (прямо-таки «Игорева команда») Лин. И услышал:

— Люблю плавать и очень люблю мяч. А тут — и то и другое.

* * *

Ну а если любит мальчишка и плавание и мяч, но нет поблизости бассейна?

— В водное поло совсем не обязательно играть в большом бассейне, — говорит старший тренер «Балтики» Валентин Георгиевич Галашев. — На любом водном «пятачке» — будь то на реке, на озере, даже на море — можно выделить участок, сделать простейшее ограждение и ворота (их размер — 300×90 сантиметров) и играть пять на пять или четыре на четыре. А тренироваться побольше на суше, отрабатывая броски стандартным ватерпольным мячом (вес его 430—470 граммов). И обязательно — передачи. Очень полезное упражнение — отскок мяча от стены. Но, прежде всего, необходимо буквально наизусть выучить правила водного поло. Они выпущены в продажу массовым тиражом.

* * *

...В бассейне пронзительно звучит судейская сирена. И мелькает, мелькает над голубоватой водой оранжевый ватерпольный мяч. Сражение не утихает ни на миг. Играют самые маленькие. Но играют, как заправские ватерполисты. Потому что полгода, прошедшие со дня зачисления в школу, ребята использовали с толком. И потому что по-настоящему полюбили они увлекательное, быстрое, хотя и нелегкое водное поло — игру ловких, смелых, выносливых.



ЛУЧШИЕ РОЛИ

У великого русского актера Щепкина спросили:

— Какие роли вы любите играть — большие или маленькие?

— Это зависит от пьесы, — отвечал Михаил Семенович. — Если пьеса хорошая, то большие, а если плохая — самые маленькие.

РАЗГОВОР В АВТОМОБИЛЕ

Бернард Шоу вел автомобиль по крутой и неровной дороге — он любил сам управлять машиной.

— Как вам понравится такая идея? — неожиданно спросил он сидевшего рядом шофера и с жаром стал развивать план новой пьесы.

Вдруг шофер молча вырвал у писателя рулевое колесо.

— Простите, — сказал шофер, — но пьеса у вас получается такая хорошая, что я не хотел бы дать вам умереть, прежде чем вы ее напишете.

...И ХОРОШО БУДЕТ!

Один бездарный писатель уговорил Александра Николаевича Островского прочитать свою пьесу.

Островский прочитал ее и возвратил с замечанием, что она слаба. Тогда автор приносит вторую пьесу, слабее первой. Возвращая и эту пьесу, Островский с улыбкой сказал:

— Пьеса ничего себе, только длинна, ее сократить надо.

Автор просил, спросил:

— Где же сократить?

— Отбросьте первую половину.

— А потом?

— А потом и вторую, и хорошо будет!

Рисунки В. Стацинского



СОДЕРЖАНИЕ

Хроника пионерских слетов
Володины братья
повесть Юрия Коринца
рисунки С. Острова
Барaban — журнал юнкоров
рисунки Т. Уравеской
Привет делегатам VI Всесоюзного
слета пионеров
Когда начинается урожай
очерк Виктора Тузова
рисунки А. Януса
„Коми-пионер“ уходит в рейс
фотоочерк В. Шульгина
В Мамайских каменоломнях
очерк Р. Хизеревича
рисунки П. Кузнецова

Поговорим о твоём рисунке
беседует Борис Алмазов
1 Рыба
рассказ Р. Погодина
рисунки Н. Лямина
2 Салют юбиляру!
(пионерской газете
„Ленинские искры“ 50 лет)
рассказывает В. Суслов
16 Охота муравьев
рассказ Орасио Кироги
20 Про то, чего нельзя
очерк Юрия Дружников
рисунки Г. Ясинского
22 Рождение огня
очерк Владимира Арро
рисунки Г. Никеева
28

Зеленые страницы
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА
31 Уголёк
журнал для малышей
32 Арчебек
шахматы и шашки
39 Морская газета
40 Не „Якорь“, а „Штори“!
спортивный очерк
М. Эстерлиса
фото Ильи Колтуна
44 47 50
На обложке рисунк
Д. Бекарян

Подготовил и оформил
В. Уфлянд



Демьяша, Хуссейн, Сиволапыч и Гном-Гастроном устроили привал на берегу реки.

Прежде всего послали за водой Демьяшу, вручив ему ведро вместо 9 литров и 4-литровый бидон, и велели принести ровно 6 литров воды. Восемь раз Демьяша переливал воду из ведра в бидон и обратно, прежде чем налил ровно шесть литров. Может быть, вы, ребята, справились бы с этой задачей быстрее?



На обед решили приготовить четыре блюда: борщ, пшеничную кашу, картошку в мундире и компот. Для скорости все четыре котелка одновременно подвесили над костром. Пламя разгоралось то под одним, то под другим котелком. Какое же блюдо сварится раньше?

Гном утверждал, что первым сварится борщ, а каша будет готова в последнюю очередь.

Демьяше казалось, что первым будет готов компот, а картошку придется есть третьим блюдом.

Сиволапыч не сомневался, что на третье поспеет борщ, а на второе — компот.

Хуссейн же, основываясь на строго научных данных, считал, что первой сварится каша, а второй — картошка.

Во время обеда выяснилось, что в каждом из четырех высказанных мнений одно из предположений

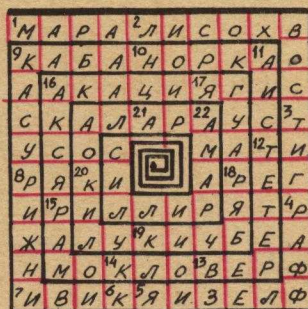
подтвердилось, а другое оказалось ошибочным. Могли бы вы, хорошенько подумав, сказать: в каком порядке пришлось есть обед изголодавшимся туристам?

После обеда Хуссейн просмотрел почту и заметил: раз от разу ребята присылают все больше и больше кроссвордов, а с другой стороны, все чаще спрашивают, чем отличаются кроссворды от чайнвордов и как решать те и другие.

Хуссейн отвечает:

ЧАЙНВОРД (в переводе с английского — «цепочка слов») строится так, чтобы последняя буква предыдущего слова была в то же время первой буквой следующего. Вот как выглядит решенный чайнворд Люды Вихолайнен из прошлого номера:

Ну, а для тех, кому обычные способы решения кроссвордов кажутся слишком простыми, Хуссейн предлагает решить кроссворд, составлен-



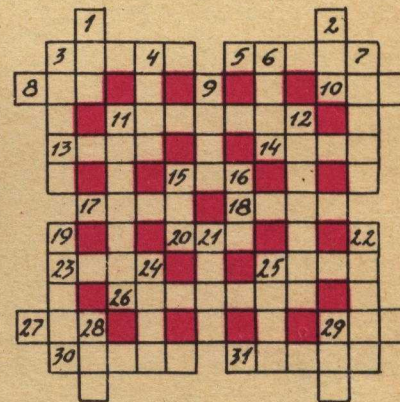
ный Андреем Клековкиным из г. Селты Удмуртской АССР, следующим необычным образом: впишите указанные здесь слова в кроссворд,

отыскав их место и номер так, чтобы сходилось и число букв с числом клеток и буквы на пересечениях совпадали. А заодно постарайтесь сами или при помощи Толкового словаря русского языка, Энциклопедического словаря, Географического атласа с указателем названий определить, что значит, чьим именем или названием является слово.

По вертикали: Ария, Базар, Газ, Дуб, Казак, Каюта, Краб, Мол, Нежин, Осло, Пар, Поло, Рангоут, Руда, Снег, Туполев, Тур, Хор.

По горизонтали: Араб, Амур, Бал, Балка, Гурт, Дом, Иглу, Исток, Канал, Колун, Маг, Окоп, Пеле, Рак, Рассвет, Тир, Туликов, Шар.

Слово **КРОССВОРД** происходит от английских слов «cross» — «пересекать» и «word» — «слово». Это можно перевести как «пересекающиеся слова». Составитель кроссворда предлагает заполнить клетки по вертикали и горизонтали словами так, чтобы они соответствовали определениям, данным в условии, содержали соответствующее количество букв (по одной букве в каждой клетке). На пересечениях слов буквы должны обязательно совпасть. Пример решенного и заполненного кроссворда смотрите в ответах, опубликованных в предыдущем номере.



ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 7

РЕБУСЫ: «Вот что такое ребусы».

ПОСЛАНИЕ ДЕМЬЯШИ: «Появились грибочки».

ОТВЕТ ГНОМА: «Грибы очистить, промыть, ошпарить, нарезать ломтиками, посолить, обжарить на масле и смешать с отдельно поджаренным луком. На килограмм свежих грибов — две головки лука и шесть столовых ложек масла».

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, А. И. Пактелеев, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, В. В. Торопыгин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беломлинский

Технический редактор В. И. Мецатунова

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37. телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются.

М-28277. Сдано в набор 6/V 1974 г. Подписано к печати 28/VI 1974 г. Формат 60×90%. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 550 000 экз. Заказ 2700. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.



ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ЭКСПЕДИЦИИ

Шхуна летела по волнам Арафурского моря. Прямо по курсу показался большой остров.

— Осмотрим его, — сказал Быстроходов, — и запасемся пресной водой...

Быстроходов и Румпель высадились на берег. Шелестели пальмы. По песку бегали крабы. Наши путешественники углубились в джунгли. Как вдруг...

...КАК ВДРУГ

Далеко-далеко послышались звуки боевого барабана. Им откликнулись барабаны в разных концах острова...

— Все это мне не очень нравится... — сказал Румпель. — Именно так начинались нападения на Магеллана и Кука.

— Те времена прошли, — возразил Быстроходов. — Идемте. Нужно найти пресную воду...

— Смотрите! — воскликнул боцман. — Дубовая доска и на ней надпись!

Путешественники подбежали к странному предмету.

— Похоже на буквы русского алфавита, — сказал Быстроходов.

— Осторожно! Нападение, кажется,

ся, началось! — крикнул Румпель. — Отступаем к шлюпке! Быстроходов обернулся.

Из джунглей вышли чернокожие люди. Один из них ясно произнес: — Тамо рус!



ВСЕМ ЭКИПАЖАМ

1. Название какого корабля могло быть вырезано на старинной дубовой доске?
2. На какой остров высадились капитан и боцман? Какой путешественник много лет назад сошел с этого корабля на остров?

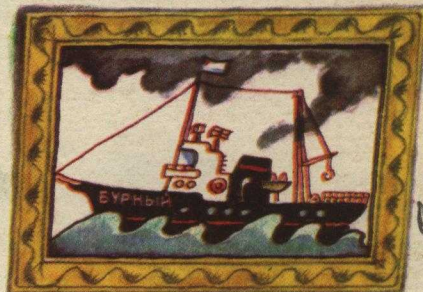
ДОНЕСЕНИЯ С КОРАБЛЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

1. Кораблями принято называть парусники и корабли военно-морского флота. Судами — все остальные.

Экипаж клипера «Веселый-12», Саратов
2. Ракеты с научно-исследовательских судов запускают для исследования атмосферы над океанами и морями.

Экипаж НИС «Паллада-8», Москва
3. Нам известны советские научно-исследовательские суда: «Академик Королев», «Профессор Визе», «Профессор Шокальский», «Витязь», «Космонавт Юрий Гагарин».

Экипаж катамарана «Вихрь», Тюмень



Научно-исследовательское судно «Бурный», на котором мы плывем вокруг света



А это — наша команда: капитан Саша Ворошилин, штурман Коля Боранов, радист Лева Боранов

Совхоз «Семилукский»
Воронежской обл.



Наше научно-исследовательское судно «Колосс» для плавания в высоких широтах.



НА КОРАБЛЕ — ЗАЙЦАМИ

Наших друзей — собаку Ринку и котенка Жаконю мы решили не брать в путешествие. За несколько дней до отплытия они пропали. Уже в пути мы их обнаружили на корабле. Пришлось зачислить их на довольствие. Ринка и Жаконя очень дружны и едят из одной миски.

Оля Якимова и
Лена Коровина, Омск

